

В. Т О Б О Л Я К О В

63.521(=667)

К Т 50

К ВЕРХОВЬЯМ ИСЧЕЗНУВШЕЙ РЕКИ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ • 1930

От нашего края в широкий мир
● ПОД РЕДАКЦИЕЙ проф. Б. А. КЕЛЛЕРА ●

В. Тоболяков

К верховьям исчезнувшей реки

Составлено по дневникам
начальника Гыданской
экспедиции Академии
наук СССР

Б. Н. Городкова

В ДАР

Работник просвещения

1

9

3 авто-Мансийская
окружная библиотека

КО

-043649 -

63.521(=665)
K 50
m96

ТИПОГРАФИЯ
„МЫСЛЬ ПЕЧАТНИКА“
13-я Мосполиграф.
Москва, Петровка, 17.
ГЛАВЛИТ А 85081
ЗАКАЗ № 2694.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга составлена совместно В. Тоболяковым и бывшим начальником и ботаником Гыданской экспедиции Академии наук СССР Б. Н. Городковым, на основании записок последнего. Использованы также частично дневники топографа экспедиции В. М. Бизина. Авторы старались возможно правдиво воспроизвести ход научной экспедиции, природу страны, и особенно быт очень мало затронутых культурой туземцев Гыданской тундры—самоедов-юраков. Лишь в немногих случаях мы отступили от протокольной точности дневников, для того чтобы оживить эпизоды, свидетелями которых были или о которых слышали. Мы не идеализируем жителей далекой сибирской тундры, но и не стараемся представить их какими-то дикарями, жизнь среди которых полна всякими опасностями для путешественника. В этом мы видим достоинство нашей книжки по сравнению с иными популярными сочинениями о крайнем севере. Возможные ошибки и недостатки работы объясняются как плохим знанием языка туземцев, так и тем, что специальность автора записок заставляла его обращать внимание более на природу страны, чем на человека.

Б. Городков

Ленинград
31 октября 1930 г.

I. От берегов Невы до берегов Турухана

Н а ш и п р е д ш е с т в е н н и к и. Суровый север Сибири изучен еще мало. Особенно плохо было исследовано его побережье, ограниченное двумя величайшими реками мира — полноводной, обильной рыбой Обью и хмурым красавцем, быстротечным Енисеем.

Неизвестные озера блистают зеркальными осколками среди необъятной тундры этого побережья, именуемого Гыданским полуостровом. Безымянные реки прорезают нелюдимую тундру, а существующие разноцветные географические карты полуострова таят в себе еще много ошибок и белых, словно тундряный снег, пятен, где не оставляла своего следа нога культурного путешественника.

Почти все экспедиции, посещавшие побережье Гыданского полуострова, были корабельными. Неумолимый свинцовый лед, стмелость низких берегов мешали морякам подробно ознакомиться с недоступной Гыданской арктической тундрой, покрытой девственным мхом. Часто наблюдения над подернутой дымкой тумана беспредельной тундрой ограничивались подзорной трубой с тесной палубы корабля.

Двести лет назад гуси, белолобые казарки, гагары, лебеди, похожие на еще не растаявшие льдинки, чайки, крикливые авлейки и шумные крачки, гнездившиеся на Гыданском побережье, были вспугнуты парусами судов Великой северной экспедиции, возглавлявшейся Берингом — храбрым путешественником и неутомимым моряком.

В 1737 году красное полярное солнце, словно выкупанное в свежей оленьей крови, встретило бот «Обь-Почтальон» лейтенанта Овцына, который обогнул мыс Еввай-сале — крайнюю северную точку Гыданского полуострова и, рассекая холодные волны, вошел в Енисейский залив.

Почти сто лет спустя около Гыдынского озера Ямбу-то кочевники-самоеды нашли нетленные остатки мамонта.

В вечной мерзлоте, среди безмолвия тундры, белели кости, желтели огромные клыки и щетинились остатки кожи, кое-где еще не лишённые косматой грубой шерсти старого и грозного хозяина этих мест. Академик Шмидт, посланный Академией наук за мамонтом, покинул берега Енисея и, производя научное исследование окружающей тундры, с трудом прошёл до озера Ямбу-то.

В XX столетии очень немногие путешественники посещали побережье Гыданской тундры, преимущественно со стороны Енисея и Обской губы.

В 1922 году берега Гыданской тундры по поручению Комитета северного морского пути посетила шхуна «Агнесса», а в 1926 году Комитет продолжил свои исследования, сделав опись побережья и северной части Гыданского залива.

Наш путь. В задачу Гыданской экспедиции Академии наук СССР входило всестороннее обследование главным образом внутренней части Гыданской тундры. Изучение побережья Гыданского полуострова, как более известного, мы оставляем на вторую очередь.

Наш путь, намеченный в Ленинграде, был таков: город Ново-Туруханск, фактория Янов-стан, фактория Хальмер-седе, южная часть Гыданской тундры, верховья реки Гыды, длинной змейкой чернеющей на географических картах. По реке Гыде на лодке мы должны были спуститься до Гыданского залива, а оттуда сушей перекочевать с самоедами к городу Обдорску, расположенному как раз на Полярном круге близ реки Оби.

Для составления верной географической карты мы имели в числе участников экспедиции геодезиста с помощником топографом. Наш геолог должен был изучить строение недр и поверхности тундры, геоботаник — растительность и почвы, зоолог — царство животных, а этнограф-антрополог — ознакомиться с редким населением тундры — самоедами-юраками. Для получения сигналов времени, необходимых при астрономических наблюдениях, мы могли пользоваться радиоприёмником.

Экспедиции, отправляющиеся в места, весьма отдалённые от жилья культурного человека, в места, лишённые даже слабого подобия дорог, требуют хорошо продуманной и тщательной подготовки. Ошибёшься — руку помощи ждать уже неоткуда. Человеческий материал должен строго соответствовать задачам экспедиции и уметь преодолевать трудности полярного путешествия. Ученые путешественники, кро-

ме своего ручного багажа, имеют крепкие ноги, здоровую кровь и главное — упорную настойчивость...

Тревожные письма. Заблаговременно, летом 1926 года, завхоз экспедиции отправился из города Красноярска на пароходе в низовья реки Енисея. Он провел лето в разных селениях за Полярным кругом, пытаясь выяснить, как можно забросить продовольствие и лодку к верховьям реки Гыды.

В письмах с почтовыми штемпелями месячной давности он сообщал нам в Ленинград:

«По словам самоедов, река Гыда больше реки Енисея. Почти не видно берегов около ее широкого устья. Река очень извилистая и вытекает из трех озер. Самое большое из них называется Хассейн-то. Рыбак Байкалов Диомид подтверждает, что есть большая река Гыда и от Гыды до Енисея 250 километров. Но сам он никогда не бывал на этой реке. Самоед Тогэ Амуру через переводчика сказал, что река Гыда большая и плыть по ней до моря на лодке с парусами два месяца. Топлива на берегах нет совершенно. Он сказал, что с чумом можно пройти до устья реки Гыды, а там в лодке переправиться на другой берег, где кочует много богатых оленеводов, часть которых на зиму уходит в Обдорск, т.-е. как раз по пути, намеченному нами. В тундре много комаров. Самоеды деньги берут только серебряные. Мяса оленьего можно купить сколько угодно, но олень стоит 40 рублей. К нашему приезду там будут гуси, будем бить их сами, да и оленей купить можно. Я договорился, что из крайней фактории Дерябино самоеды завезут к озеру Хассейн-то, из которого вытекает река Гыда, лодку и продовольствие».

Осенью завхоз уехал на юг — в город Туруханск, чтобы здесь нанять для нас оленей. Вскоре из Туруханска он тревожно извещал, что местные старожилы не советуют ехать по выбранному нами пути.

«Они в один голос говорят, что дорога от фактории Янов-стан до фактории Хальмер-седе необычайно трудна. Ее невозможно преодолеть в назначенный вами короткий срок. А удлинить его мы не можем, так как не застанем тогда на факториях самоедов. Они откочуют в тундру».

Письмо лежало у нас на столе. За окном звенел ленинградский трамвай, и косые лучи заходящего октябрьского солнца золотили Адмиралтейскую иглу, увенчанную ажурным кораблем. Ботаник, он же руководитель экспедиции, посмотрел на карту и сказал:

— Все это так, но выехать раньше мы все равно не можем. Мы должны ожидать, когда установится зимний путь, соединяющий Красноярск и Туруханск. Впрочем, суждениям старожилов доверять особенно не следует. Обычно они не знают, что находится дальше их околицы. Они не желают раздвинуть горизонт, видимый из их тусклых окошек. Они не похожи на своих предков казаков-землепроходцев, безбоязненно пролагавших новые пути и увековечивших себя на географических картах открытыми островами, реками и мысами...

Мы вспомнили, как один из обских торговцев на наши расспросы о близпротекавшей реке и обитателях ее берегов сказал, удивляясь, почесывая левой рукой правую лопатку:

— Да на что нам это знать? Наше дело обдуть остячишку, а как он там живет, это нам не любопытно...

Конечно, теперешние выборные власти не похожи на торговцев, они заинтересованы в изучении края, в определении географических границ его, но просто по неведению они могли давать такие справки.

Обдорские администраторы прислали нам даже телеграмму с просьбой, чтобы экспедиция пересекла именно их территорию и обещали в этом всяческое содействие.

Однако мы решили не отступать от маршрута и кратко сообщили завхозу радиотелеграммой о нашем выезде в город Туруханск и далее на фабрику Янов-стан.

Завхозу пришлось проявить максимум энергии и, не найдя возчиков в Туруханске, он по первопутку уехал на фабрику Янов-стан. Нанял там для нас самоедов, а сам откочевал с продовольственным и прочим грузом в Хальмер-седе, где и остался ожидать экспедицию.

Паровоз и горная кабарга. В самом конце декабря 1926 года мы покинули Ленинград, через неделю прибыли в город Красноярск и при сильной метели утром 6 января 1927 года оторвались на 14 месяцев от железной дороги, от гудков паровозов и все более углублялись в места, где уже не вызревает хлеб, где нет телег, а вечная мерзлота, сковавшая землю, препятствует постановке телеграфных столбов. Зверь здесь стал встречаться чаще человека, и мы около Осиновых порогов на Енисее, сжатом оснеженными скалами, поймали руками горную кабаргу.

Мы ехали по Енисею. Вдруг увидели рыжую лисицу, пламеневшую среди снежных сугробов. Лисица, заметив нас, тотчас же скрылась, но какое-то животное, вроде ягненка, про-

должало прыгать. Ямщики и зоолог, путаясь в меховых сокуях, барахтаясь в снегу, бросились к незнакомому зверю. У него была прокушена лисицей задняя нога, он пытался во-лочить ее по снегу.

— Кабарга!— закричал один из ямщиков, споткнувшись и упав на колени.— Лови ее!..

Кабаргу схватили, в смертельной борьбе она ударила зоолога и распоролла ему клыками сокуй. Ямщик — енисейский крестьянин, родившийся здесь и уже не знавший, откуда переселились его деды, помог зоологу вытащить запутавшийся нож. Тот вонзил его в теплую шею кабарги.

— Хороса зверюска! — со смехом сказал ямщик, не выговаривая, как все туруханцы, звуки «ш». — Чуть сапку из-за нее не потерял.

И вытер о мягкую шерсть кабарги окровавленный по рукоятку нож.

В Туруханске мы съели невкусное мясо кабарги, отдав для коллекции зоолога шкуру и череп.

После продолжительного путешествия на лошадях и оленях мы приехали 17 февраля на факторию Янов-стан, затерянную среди лесов правого берега небольшой реки Турухана.

II. Путь до «холма покойников»

Полярная звезда и самоед Якша. На фактории Янов-стан экспедиция разделилась на две неравные части. Одна — с главным грузом будет доставлена самоедом Якшей Ямкиным на факторию Хальмер-седе. Ее путь лежит по хорошо наезженной нартами и выбитой оленями дороге, соединяющей эти фактории. Отъезд отряда задержался из-за пасмурной погоды, мешавшей производить астрономические наблюдения. Низкие, густые тучи плотно закрывали северное небо, и сияние Полярной звезды не достигло окуляра теодолита.

Каждое утро замерзшая дверь фактории открывалась и сопровождаемый холодом появлялся Яшка Ямкин — низкорослый самоед с оттопыренной нижней губой. Он уже знал геодезиста и печально спрашивал его ломаным русским языком:

— Чего? Нашел свой звезду?

— Нет. Не нашел...— отвечал геодезист, заводя хронометры.

— Ай, ты. Едем тундру, я тебе какой хошь звезду покажу...

— Ладно, — сказал руководитель. — Мы тебе будем платить за каждый день вынужденного простоя два рубля...

Якша сразу повеселел, успокоился и попросил чаю.

Якша перекочевал когда-то из-за Енисея. Он уже приспособился здесь, за тысячу километров от своей негостеприимной родины и приобрел себе двух жен самоедок с длинными туго-

Город Туруханск.

заплетенными косами. Якша очень хитер и, скупая у туземцев в тундре как раз'ездной агент Госторга пушнину, конечно не забывал при этом и своих выгод.

Вскоре астрономические наблюдения были сделаны, и наш обоз, состоявший из двух десятков нарт, покинул факторию Янов-стан. На последних нартах везли длинные составные коленья бамбуковых радиомачт.

Еще до от'езда в Хальмер-седе геодезист с помощником отправились в селение на реке Таз Церковенское для определения астрономического пункта, необходимого при составлении географической карты края.

Б е з я з ы к а. Второй отряд экспедиции, в составе ботаника и геолога, выбрал труднейший путь, не отмеченный ни на одной карте. Путешественники хотели исследовать потаенные верховья реки Турухана. Сквозь туруханские леса они прошли с тунгусами на оленях до реки Русской (смотри об этом книжку «С тунгусами на Богово озеро») и здесь 14 марта встретили долгожданных самоедов, с которыми и пошли к фактории Хальмер-седе.

Путешественников окружала холмистая лесотундра. Кое-где ее печальное однообразие нарушалось чернеющими полосами более густого леса в долинах рек. Самоеды ехали быстро по едва намеченной ими же самими колее. Снег кружился сзади нарт и заметал слабые следы широких полозьев.

Несмотря на холод, геолог вел путевую с'емку и по отклонению компасной стрелки наблюдал за извилинами и поворотами этого первобытного пути. Пройденное расстояние наши возчики оценивали остановками оленей для отдыха, называемыми по-самоедски «нгаедалава». Через каждые 7—10 километров самоеды делали «нгаедалава», чтобы дать передышку оленям, а самим заложить за губу свежую порцию табака.

Тунгусы, с которыми вчера простились путешественники, почти все говорили по-русски, самоеды же не понимали ни слова. С одинаковым успехом можно было беседовать как с круторогими оленями, так и с их широкоскулыми хозяевами в оленьих малицах и сокуях.

На одной стоянке самоеды, наломав сухих веток, разложили костер и сели вокруг него, сплевывая бурую от табака слюну на снег. Они сидели, обрамляя дымный со слабым пламенем костер, и ждали, когда мы угостим их едой. Самоед не тунгус, он не берет с собою провианта, отлично зная, что где-нибудь в тундре он наткнется на чум. А чум, чей бы он ни был, всякого путника обогреет и по мере сил и достатка хозяев накормит. Таков уже древний и нерушимый поныне закон тундрового гостеприимства.

Самоеды вытащили пальцами табак изо рта и начали пить с нами чай из снеговой воды, слегка пахнувшей попавшими со снегом еловыми иглами. Потом старик самоед с морщинистым широким лбом, на который из-под капюшона малицы ниспадал клочок черных волос, взял ботаника за рукав малицы и, подведя тундрового гостя к песчаному холму, показал нору в земле.

— Это — дом песка, — сказал он по-самоедски. Ботаник понял его, перебрав в уме скудный запас самоедских слов, сохранившихся от прежних путешествий. Снег вокруг норы сдут сильным тундровым ветром, а на мерзлом, желтеющем, как осенние листья, песке около входа в дом песка белели заячьи кости и перья куропатки. Возле таких нор самоеды ставят капканы с аппетитной, но коварной налимьей приманкой.

Вечером пересекли широкую долину реки, заросшую темными елями и лиственницами с высохшими и склоненными к югу вершинами, поднялись на пологий склон и увидели там два чума, окруженные нартами.

В дыму самоедских костров. Оленье стадо копалось недалеко в снегу, добывая себе корм — бледные, кустистые лишайники. Ручные олени-авки бродили около самых чумов вместе с грязно-белыми лохматыми собаками, свирепыми хриплыми голосами залаявшими на нас.

Из чумов, откинув края входных нюг, выглянули любопытные ребятишки и женщины. Ботаник и геолог, разминая застывшие ноги, сошли с нарт и осматривались вокруг, надеясь, как у тунгусов получить приглашение войти в чум. Но никто, кроме подозрительно обнюхивавших собак, не обращал на них ни малейшего внимания. Самоеды распрягали оленей. Они отряхивались и, присоединившись к стаду, жадно начинали рыться в снегу.

Походные самоедские кладовые — легкие нарты с мороженой и сухой рыбой, оленьими шкурами и другой пушной рухлядью — стояли здесь же, хорошо увязанные веревками. Огромные оленьи нюги, сшитые из многих шкур, покрывали косяки чимов и не были лишены шерсти, как у тунгусов.

Темнело, и сумерки стирали со снега тени оленей, нарт и деревьев. Из чумов валил дым, расцвечиваемый искрами. Искры гасли, едва достигнув вершин деревьев. Проводники, сняв оленьи сокуи, аккуратно их выколотили, завернули внутрь капюшоны и рукава, чтобы не попал снег, и, положив сокуи на нарты, скрылись в чумах.

— Однако самоеды не очень гостеприимны — сказал геолог, подскакивая с ноги на ногу. — Они и не думают звать нас в чум...

Только потом мы узнали, что у самоедов считается даже неприличным приглашать гостя. Это разумеется само собой, и для гостя всегда найдется чашка чаю и кусок оленьего мяса.

Померзнув некоторое время, путешественники последовали за хозяевами без приглашения.

Дым от костра ослепил русских. Костер, пылавший на железном листе, купленном на фактории, делил чум на две половины. На поперечных палках с железными и деревянными законченными крючьями грелись чайники и котел. Костер был сложен клеткой из лиственничных длинных щепок. Самседу нужно от костра не только тепло, но и свет. Запасные щелки, тщательно наколотые женщинами, белели около входа. Пола в чуме не было. Лишь по бокам с двух сторон костра чернели по две засалившихся, грязных длинных доски. За досками поверх подстилок из связанных березовых

прутьев и цыновок из пучков травы настланы мягкие оленьи шкуры, а в головах навалена всякая рухлядь.

В углу чума, позади костра, среди посуды, связок сухой рыбы и глыб слежавшегося снега для таяния воды стоял маленький ящик со священными предметами и ценностями.

Ботаник и геолог разделись и сели на шкуры около костра. Женщины быстро поставили перед ними на доски низенький столик, вынув из ящиков блюдца и чашки, укутанные тонкими березовыми стружками — «варроу».

Одна из самоедок, чтобы навести окончательную чистоту и не ударить лицом в грязь перед бывалыми русскими, плюнула в чашку, хорошенько вытерла ее снаружи и внутри «варроу» и наполнила крепким кирпичным чаем.

Напротив гостей, скрестив ноги, сидели медноокрашенные от огня, точно индейцы, хозяева. Безбородые, похожие на женщин мужчины, сняв в чуме малицы, остались полуголыми в замшевых штанах и переобутых сухих пимах. Парикмахеры умерли бы в тундре с голоду. Самоеды решительно уничтожают свои нищие бороды, выщипывая их ножом.

— Плохо борода, — говорят самоеды, — на бороде лед стынет.

В чуме прохладно и вскоре самоеды накинули на костистые плечи халатобразные паны — оленью одежду женщин.

Увидев у нас сушки, масло, сахар в жестяных банках, хозяева без стеснения с простодушием первобытных народов попросили угостить их столь вкусными и довольно редкими в тундре вещами. В свою очередь они тотчас же предложили мороженую рыбу — нельму и щокуру.

Гости пили чай с сушеной рыбой, поставленной перед ними в деревянном плоском корыте, веселые самоеды видимо шутили над тем, что и русским вот приходится привыкать к их жизни. Некоторые из них курили трубки, но большинство держало табак за губой, все время сплевывая.

Молодая мать вынула из люльки — деревянного ящика с уложенным на дне сухим мхом — грудного самоеда. Она распеленала ребенка и разложила вокруг костра сушиться пленки — песцовые, оленьи и собачьи шкурки. Голый ребенок подносится ближе к огню, заботливая мамаша нагревает свою ладонь у костра и протирает ею подопревшие места у малыша. От костра, шелкая как орехи, летят искры, угольки. Ребенок рвется из ласковых рук матери и кричит:

— Тату! Тату!..

Вдруг огромный пучок «варроу» упал сверху прямо ботанику на голову. Снаружи поднялся ветер, и чум дрожал под его порывами. Белые от снега собаки, зябко ежась, то и дело вбегали в чум, откидывая мордами входную нюгу и впуская холодные волны воздуха. На собак кричали и привязывали их к палкам чума.

Самоеды наелись сырого оленьего мяса и вареной рыбы, напились горьковатого чаю и легли спать, укрывшись оленьими халатами, в которых сидели. Ботаник и геолог забрались в спальные мешки и утомленные дневным переходом задремали.

В костер уже больше не подбрасывали щепок, он медленно гас, удлиняя тени и тускло освещая все еще хлопотавших женщин. Скоро легли и они. Белый дымок причудливо вился над потухавшим костром, вороватые собаки, вылизав попавшиеся им корыта, пытались улечься поближе к угольям и теплему мягкому пеплу. Тишина, изредка нарушаемая плачем ребенка, воцарилась в чуме. А ветер неистовствовал вокруг него и с гулом и разбойничьм посвистом хотел сорвать и уничтожить чум. Олени, засыпанные метелью, лежали в снежных ямах, и только неподвижные кустики рогов чуть виднелись из них...

Двести лет назад. Самоеды — крепкий и сильный духом народ. Прежде, как повествуют неумирающие легенды, они всегда с'едали у поверженных врагов теплое, упругое, еще неостывшее сердце, чтобы ненавистник не ожил, а его силы перешли бы к смелому победителю.

Двести лет тому назад они убили почти всех своих соседей-остяков, принявших христианство, а несколько весен спустя, темной пасхальной ночью напали на русский город Березов. Меткие стрелки, они выбирали себе мишенью мерцавшие огоньки пасхальных свечей в руках березовцев. Их стрелы, жужжа и звеня на лету, били почти без промаха и не падали бесцельно на едва оттаявшую землю. Но березовцы не растерялись и, потушив постепенно свечки, бросились в яростную контратаку. Даже женщины, закрутив подолы праздничных юбок, не отставали от мужчин, за что впоследствии и были награждены отрезами кумача... Самоеды отступили в тундру, оставляя позади нарт кровавые извилистые следы...

От чума к чуму. Утром обессиленный, исчерпавший всю свою дикую энергию, ветер стих, и наши путешественни-

ки могли отправиться дальше. Кочуя от чума к чуму, ботаник и геолог доедут до фактории Хальмер-седе.

Сегодня новые возчики—два молодых парня, но они также незапасливы и беспечны, как и их отцы. Даже чашку они не взяли с собою, одалживаясь у нас на кратковременных остановках.

Ночь захватила путешественников в долине Орлиной реки среди голых, высохших, поломанных вследствие давнего пожара лиственниц. Оленей отпустили на длинных арканах, сплетенных из тонких ремешков, вырезанных из шкур их же собратьев. Арканы привязали к нартам. Костер, треща и шипя, слабо горел. Проводники, не снимая сокуев, подогнув ноги, легли на снег. Ботаник и геолог спали на нартах в оленьих мешках.

Ярким солнечным утром все быстро вскочили со своих холодных и неудобных кроватей. Наскоро вскипятив чаю, помчались дальше и неожиданно подошли к краю материка, откуда открывался обширный вид на долину реки Таза.

По долине тянулась уже наезженная дорога, та дорога, которой пошел первый отряд экспедиции. Склоны долины щетинились темными елями, сменившими сухие, невеселые зимою лиственницы. Это зависело от того, что река Таз несет с юга много теплой воды и способствует понижению уровня вечной мерзлоты в почве и произрастанию более южных елей.

Долина Таза огромна. Видимо, прежде более мощные воды катились по ней. Вполне вероятно, что в ледниковый период здесь текли воды Енисея, теснимые могучими ледниками, наступавшими с северо-востока. Лишь после исчезновения их Енисей отошел к сегодняшнему руслу.

Три чума мелькнули на краю долины. Вокруг чумов, освещаемых ярким солнцем, бродили по блистающему снегу олени, пересекаемые неподвижными тенями лиственниц. Олени рылись в снегу и превращали его в грязно-серую, пепельную массу цвета шкуры собак.

Чумы не дымились, так как самоеды очень редко зажигают днем костры. Хозяйка одного из чумов, откинув нюгу, сидела около выхода и, несмотря на 20 градусов мороза, занималась рукоделием.

Мужчины в сокуях строгали на снегу копылья, деревянные гвозди для нарт и тнули полозья. Ребятишки, подманив сушеной рыбой ручного оленя, «авку», запрягли его в таз, в котором обычно держат брюшину с кровью оленя, и катались

по скрипевшему снегу. Подражая взрослым, они старались арканами ловить телят оленей. Возмущенные телята не давались и иногда бросались на ребят, бодая их своими маленькими рожками.

Самоедские дети.

Вечером, когда во всех трех чумах ярко запылали костры, путешественники напились чаю, а утром, сменив оленей, ехали дальше по сильно изрезанной местности вдоль долины реки Таза, часто теряя его из виду.

В б л и з и к р ы ш. Первый привал был в двух бедных чумах, венчавших вершину пологого холма. Около десятка оленей, истощенных частой ездой, с явственно выступающими из-под кожи ребрами, ходили медленно по снегу.

В одном из чумов, покрытом рванными нютами, лежала в углу больная старуха, закутанная в лохмотья оленьих шкур. Только половина чума застлана досками и шкурами, вторая же искрилась холодным снегом.

Тут же молодой парень чинил капкан, сковывая на огне лопнувшую пружину. Ботаник отдал старухе сушки и сахар, похожий на комочки снега, а она не понимая моргала красными веками раз'еденных дымом и грязью глаз.

Не сменив оленей, путешественники покинули эти убогие пристанища и ночевали в следующих встретившихся на пути трех богатых чумах.

Один из обитателей чума и его жена довольно сносно говорили по-русски. Они рассказывали, что на лето уходят за

тысячу километров в глубокую тундру к Гольчихе на берег Енисейского залива. Там они промышляют рыбу. Зимой же они проводят со своим 200-головым стадом оленей здесь — в лесах, близ реки Таза.

На завтра — 18 марта, следуя по запутанной сети замерзших протоков и озер, путешественники увидели, наконец, домики фактории Хальмер-седе. Около фактории встретился обросший бородой завхоз. Не останавливаясь на фактории, помчались к близлежащей избе рыбопромышленника Киселева — старого знакомого по прежним экспедициям.

Русская печка сменила дымный костер, около нее радушно пылала раскаленная до-красна «железка», бревенчатые стены избы, вместо оленьих нюг в чуме, снова окружали путешественников.

Прекрасная лампа светила у досчатого потолка, усатый кот лежал на печке и мурлыкал заодно с огромным самоваром, окруженным стаями чистых чашек. Путешественники разделись, чувствуя себя снова приобщенным к этим слабым проблескам культурного житья, где хотя можно свободно читать и писать.

А на полу, поджав ноги, сидели самоеды и ожидали уплаты за провоз, чтобы скорее вернуться в свои дымные закопченные чумы, которые пока что дороже им всяких нью-йоркских небоскребов...

III. Пронька Ненянг

Путешественники пили чай и слушали рассказ гостеприимного хозяина Киселева о необыкновенной жизни самоеда Проньки Ненянга.

Детство и юность Проньки. Пронька Ненянг — Прокопий Комаров (по-самоедски «ненянг» значит «комар») родился где-то на одном из протоков ветвистого, как оленьи рога, Енисея. Отец его, имевший детей больше, чем оленей, пришел с Таза на Енисей в поисках лучших земель. В детстве Пронька служил у купца-рыбопромышленника в Дудинке, а потом, после смерти отца, перекочевал в тундру с десятью оленями, доставшимися ему в наследство.

С десятками оленей Ненянг был почти прикован к одному месту, не смея выбирать себе лучших пастбищ в пределах рода, и должен был заняться презренным для самоедского сердца промыслом — рыболовством. Если остяк рыболов по душе, то самоед лишь в случае нужды обращается к сетям.

Чум Проньки выглядел нищим и жалким. Проньке неоткуда было достать сотню оленьих шкур для нюг, и поэтому его нюги, изношенные до последней степени, представляли собой почти дырявые лохмотья, совершенно лишенные свежей пушистой шерсти.

Летом Проньке приходилось покупать для чума киски (березовую кору) у лесных самоедов пян-хасово, но и пян-хасово, выварив крепкие и неломкие киски в воде, требовали за каждую по одному оленю.

Когда Проньке исполнилось двадцать лет, он смастерил себе бубен, обтянул его обод кожей дикого «священного» оленя и начал шаманить.

Он священнодействовал, исполняя должность жреца и врача. Впрочем, он не столько лечил болезнь, сколько старался предсказать ее удачный или смертельный исход. Особых одежд, как и все самоедские шаманы, Пронька не носил, а только во время пляски надевал «вершинцу» поверх малицы и, держа бубен в руке, ударял в него с монотонным припевом.

По обычаю самоеды относились к пронькиным словам с полным доверием, потому что они думали, что шаманство дается свыше и не требует при этом никаких церемоний. Вообще это не сложное искусство, хотя тадибе (шаман) и играет у самоедов очень важную роль, служа посредником между неначь (человеком) и нум (богом). Шаман, конечно, должен быть не дурак, для того чтобы «разговаривать» с нумом на особом, только тадибе известном языке. Но Пронька и не был дураком; в его мозгу отпечатались детские воспоминания о хитростях купца-хозяина и порядки более культурной жизни русских.

Отречение Проньки. Однако, приезжая на факторию, Пронька видел и чувствовал, что наступили иные времена. Там не торговали уже водкой, появились новые деньги, над убогими избами трепыхались красные флаги, а хозяина-купца убили. Знакомый самоед, по бедности осевший совсем на фактории, рассказал, что теперь каждый может быть старшиной и начальником, только надо записаться к русским, которые живут в исполкоме, в большевики.

Пронька посмотрел на десяток своих оленей, копавшихся около чума, и утром, взяв бубен с колотушкой, пошел в Дудинский исполком. Он положил звякнувший пензер на стол и сказал, что хочет поступить в начальники-большевики. Секретарь с любопытством взял пензер.

- 43649 -

— Куда его в партию! — крикнул из другой комнаты председатель исполкома, местный житель. — Он же поп, шаман по-ихнему!

— Верно, — сказал секретарь, отодвигая пензер на край стола. — Рады, что ты перестал околпачивать людей, но в партию тебя, дорогой товарищ, принять нельзя. Устав запрещает нам принимать в партию бывших служителей культа. Понимаешь, устав.

— Я шаманить больше не буду, — упрямо сказал Пронька. — Мне оленей надо.

— погоди, товарищ, — успокоил его секретарь. — Мы снабдим вас казенными оленями, отберем их у богачей...

Волнуясь и путая самоедские и русские слова, Пронька долго объяснял секретарю:

— Ты тундры не знаешь... Богач скупой, он песца требует. Ваши, говорит, деньги не крепкие. Да и на что ему деньги. Деньги в ящик спрячешь и не видно их, а оленей всегда видно... Хотя бы водку опять разрешили. Отец раньше весной всегда водкой промышлял...

— Водки, товарищ, конечно, здесь не будет, — сказал секретарь. — А насчет оленей, повторяю, мы постараемся снабдить ими бедноту, может быть купив их или отобрав у богачей...

Пронька повернулся и, шаркая оленьими лапами, пошел к выходу.

— А бубен-то! — крикнул ему вдогонку секретарь.

— Я шаманить больше не буду, — сказал Пронька, не оборачиваясь.

Обратно в тундру. Рассерженный отказом Пронька брел в свой чум. Падавший снег напоминал ему белых оленей, которых он не получит, потому что его не записали в «начальники». Он побил с горя жену, запрет по бедности в нарты горячих важенок (самок) и поехал в тундру, где как-раз наступала весна, удер — пора рыбной ловли.

Богачи, услышав, что Пронька оставил у русских бубен, отнеслись к нему с подозрением и не дали на лето об'езжать молодых и диких менаруев (оленей). Пронька с трудом добрался до места своих обычных рыбалок. Весной Пронька ел птичьи яйца, доставая их из гнезд, в изобилии разбросанных по всей тундре. Летом ловил рыбу и часто видел вдали при свете незаходящего солнца силуэты нарт и оленей кочевавших по тундре самоедов. Чум Проньки богачи об'езжали, словно в нем лежали больные оспой. Осенью Пронька пере-

шел к реке и стал ловить «подледными» сетями. Он выезжал на оленях по льду и, выдолбив поперек течения лунки, ставил в них жерди с натянутыми между ними сетями, которые потом выбирались через лунки же. Промокший, голыми руками он выбрасывал на свинцовый лед трепыхавшуюся блестящую рыбу и ел ее сырую, без соли и хлеба.

Нападение. Однажды дрожащий, с заледеневшими пимами на ногах, он возвращался на берег в чум. Вдруг он увидел около своего чума другой и маленькое стадо новых оленей. Оказалось, что по пути на факторию заехал к нему самоед, такой же бедняк, как и Пронька.

Самоеды долго сидели у костра в чуме, и Пронька яростно уговаривал гостя начать отбирать оленей у богачей.

— Русский начальник сам сказал, что можно! — врал Пронька, чувствуя позади и впереди беспримерно тяжелую жизнь рыболова.

Гость нерешительно качал головой, но утром они оба свернули чумы и выехали к перекрестку анасных дорог. Вскоре на горизонте показалась цепочка нарт и рядом — большой гурт свободно бежавших оленей. Известный старый богач-самоед направлялся к фактории запастись продуктами и продать лишних песцов. Пронька и его товарищ вылетели навстречу богачу на легких нартах, потрясая хореом.

Анасы остановились в недоумении. Ватага собак с злым лаем окружила пронькины нарты. К ним не спеша подошел старик

— От русских пришел приказ! — неистово кричал Пронька, размахивая над головой клочком какой-то бумаги. — Отбирать от каждого стада богача десять оленей. Вместо ясака... Убивать будут, если не отдашь...

Старик, знавший Проньку как шамана и самоеда, предавшегося русским, позволил Проньке выловить арканом десять оленей и поскорее погнал обратно в тундру стадо и нарты, бормоча проклятия по адресу Проньки.

Всю ночь экспроприаторы праздновали свою победу. Они закололи оленя, напились крови, наелись до боли в животе свежим мясом и только утром, после тяжелого сна, ликующие отправились на факторию.

Но здесь их ожидала беда. Богачи, встревоженные событиями, задержались в тундре и, опасаясь дальнейших реквизиций, прислали на пустовавшую факторию нескольких разведчиков: разузнать о новых, таких строгих законах.

Тотчас же Проньку арестовали за самоуправство, отобрали у него чужих оленей и посадили в каталажку — бывшую баню с заколоченным окном.

Встреча с Пронькой. — ...И теперь еще, поди, в тюрьме сидит, — закончил Киселев рассказ о Проньке Ненянге.

Киселев повествовал о Проньке, непрерывно хлебал чай, временами вздрагивая икал и, смотря на темневшую в углу икону, крестился, вопросительно повторяя:

— Да кто же это меня та-ак помина-а-а-ет?

В это время под окном закрипели нарты и раздались громкие смешанные самоедско-русские голоса. Киселев взглянул из-под руки в окно, затянутое наледью, словно занавеской, и сказал:

— Кого-то бог принес. Однако санки пригнали.

Действительно, около избы остановились заснеженные нарты, запряженные четверкой крупных оленей.

— Однако это русские, — сказал Киселев, не отрывая глаз от окна.

Дверь закрипела и неохотно открылась, впустив двух мужчин, одетых в оленьи малицы, заиндевевшие у лица.

— Чай да сахар, — хрипло сказал один из вошедших, снимая через голову малицу.

— Ага, переписчик. Ну что, всех волков в тундре переписал?.. А это еще кто с тобой? — засмеялся Киселев.

— Ненянг Прокопий.

— Пронька! Мы только о нем говорили. Вот легок на помине! — воскликнул в изумлении Киселев.

Пронька был красивый брюнет, лет тридцати. Его лицо не носило отпечатков финской крови. Под малицей у него оказалась русская рубашка с тщательно вышитыми у воротника узорами.

Пронька за чаем держал себя совсем не по-самоедски. Самоед не умеет обращаться ни с ложкой, ни с вилкой, предпочитая всему свою грязную пятерню. Пронька же мешал чай ложечкой, а жареную рыбу аккуратно цеплял вилкой с заржавленными зубчиками.

— Слушай, Прокопий, — сказал Киселев, когда увидел, что Ненянг напился чаю и отодвинул чашку, перевернув ее доньшком вверх. — Ты разве не в тюрьме? Тут говорили, что ты за оленей в кутузке сидишь.

— Он теперь со мной грехи замаливает, — смеясь ответил за Ненянга переписчик Кодалов. — Досрочно выпустили. Нынче меня возит и как переводчик работает. Без него бы пропал я... Медаль ему потом схлопочем.

— Скажешь ты, — проговорил на чистом русском языке Ненянг, вытирая концом рубахи рот. — Покорно благодарю. Посмотреть надо, не запутались ли олени...

Он поднялся и, слегка согнувшись в дверях, вышел из дома.

Следопыт Пронька. Позднее мы кочевали с Пронькой по тундре и имели возможность ближе присмотреться к нему. Для нас он был незаменимым проводником, переводчиком и отличным следопытом. Даже в очень тяжелых, путанных местах, когда олени бежали, поставив свои хвосты вертикально, он никогда не терялся и всегда без ошибки выходил на верную дорогу.

— Звериное у тебя, Прокопий, чутье, — чистосердечно восхищались мы им. — Без компаса, без карты, в мятель и не пропадаешь.

— Я на приметы смотрю.

Приметами у него были снежные заструги. От преобладающих ветров они, как стрелка компаса, почти всегда в тундре расположены в одном и том же направлении. Пронька замечал угол, под которым он выезжал, и потом уже не менял этого угла. Кроме того, он наблюдал за кустиками, жалко торчащими из-под снега. С подветренной стороны на кустиках нависали ледяшки и вроде заструг помогали ему держать верный путь.

Пронька был очень любознателен и часто расспрашивал, что такое звезды, облака, луна и северное сияние.

— Плохо, что я неграмотный, — неподдельно, искренно сожалея, говорил он.

Кстати сказать, самоеды, поклонявшиеся прежде и камню, и дереву, и вообще чему вздумается, были совершенно безразличны к великолепному зрелищу северного сияния. Они считают его светом для покойников, которые ночью «ездыт по тундре».

Однажды Пронька даже свез этнографа на священное место — «хайбиде-я».

— Завтра при кочевке,— сказал он, хитро улыбаясь веселыми глазами, —отъедем в сторону. Будто калканы на песцов проверяем. Посмотрим «хайбиде-я».

Так они и сделали.

На краю холмистого материка стояли жердочки с насаженными, словно курицы на насесте, деревянными идолами-сядаями. Здесь же лежали груды оленьих черепов, лапы россомахи, череп медведя, обод шаманского бубна, а под лиственницей поблескивал приклад (дары)—серебряные и медные монеты. Почти все оленьи кости и палки садаев были обмазаны кровью и жиром.

IV. Подготовка к отъезду на север

Ф а к т о р и я Х а л ь м е р - с е д е. «Хальмер-седе» означает по-самоедски холм покойников. Фактория, состоявшая из нескольких домиков, закиданных почти до самых крыш снегом, расположена у подножья холма. Около поселка с вечно дымящимися железными трубами виднелись нарты самоедов, начавших свое ежегодное продвижение к летним кочевьям, разбросанным на самом крайнем севере Гыданской тундры, у побережья Ледовитого моря. Устье реки Таза, запорошенное снегом, сливалось с безбрежным снеговым горизонтом тундры. На вершине холма стоял из серого мрамора памятник К. Марксу, открытый в 1923 году. Это — самый северный в мире памятник Карлу Марксу.

На фабрику самоеды заезжают два раза в год — весной и зимой, направляясь и возвращаясь со своих летних кочевий. Они обменивают на добытую пушнину нужные им припасы, как-то: хлеб, чай, соль, масло, сетную мережу, порох, дробь и спички. В это же время они проводят здесь туземные съезды для выборов старшин и для решения различных дел.

Один раз в году в Тазовскую губу заходит пароход. Он не может из-за мелководья устьев Таза подойти непосредственно к фабрике, и все сношения ведутся с помощью моторных катеров. Пароход ждут здесь трепетнее, чем первый луч весеннего солнца. Пароход забирает сушеную и соленую рыбу, песцов (часть пушнины зимним путем отправляют в Обдорск), оставляет продукты, товары и, бурля винтом, уходит скорее прочь. А люди на берегу бегут на «холм покойников» и оттуда махнут платками и шапками. Стоят на холме, пока силуэт катера не растворится в осеннем прозрачном воздухе, а затем,

глубоко вздохнув, спускаются к своим жалким жилищам, которые даже не могут составить улицы. Впрочем, эти избы отмечены на некоторых картах кружочками, не меньшими, чем уездные города...

А в старых домах — мерзлые, подернутые инеем углы, едкий запах рыбы, невыделанных шкур и вечные, до самой весны, серые сумерки при тусклом ламповом свете.

Прошлой осенью приехал сюда годовальщик (так называют служащих, нанимающихся обычно только на один год) — молодой и красивый парень. Он вошел в избу, огляделся и, ни слова не говоря, побрел в сарай... Когда услышали резкий и неожиданный звук выстрела и вбежали в сарай с едва прикрытой дверью, годовальщик уже умирал. Здесь же валялось ружье с залитым кровью стволом.

За два дня до нашего приезда покончил с собою машинист катера. Его непогребенный труп лежал в нетопленной комнате. Никто не брался рыть ему преждевременную могилу в ледяной почве. Завфакторией пробовал нанять самоедов, но они запросили дорого, а потом, взглянув на искаженное лицо мертвеца, и совсем отказались. Они, как и все туземцы, чувствуют непреодолимый страх перед мертвецами.

В то же время полярная тундра привлекает к себе и таких «годовальщиков», которые живут в ней по сорок лет, седеют здесь, как олений мох, любят тундру всем сердцем не менее самоедов и вовсе не думают покидать эти для других гибельные места. К таким полярным засельникам, старожилам тундры принадлежал и Киселев, в избе которого жила экспедиция.

Туземный сход. Участникам экспедиции не пришлось наслаждаться продолжительным отдыхом и они, вымывшись прежде всего в бане и сделав нужные заказы в лавке фактории, отправились на туземный сход.

Самоеды в белых сокулях, похожие на белых медведей, сидели на снегу вокруг председателя — окультуренного самоеда.

— Они приехали, — говорил об экспедиции председатель, размахивая рукой. — Они приехали, чтобы узнать нужды самоеда и помочь нам... Они просят за плату довести их до Гыды.

Собрание безмолствовало, и дым от самоедских трубок мешался с паром от дыхания. Самоеды вообще смотрели на перевозку экспедиции как на повинность и поэтому не выражали особенного желания сопровождать ее.

В конце-концов собрание постановило широко оповестить тундру о том, чтобы экспедиции оказывали всякую помощь и не боялись ее.

З а м о р. На фактории Хальмер-седе экспедиция занялась исследованиями заморной воды реки Таза. Явление замора состоит в том, что каждую зиму рыбы северных рек Западно-Сибирской низменности должны покидать свои родные воды, иначе они задохнутся в испортившейся воде, покрытой толстым и крепким льдом.

Тов. Киселев с семьей.

Напрасно рыболов закидывал бы сети в проруби реки Таза, ее воды зимою совершенно пустыньны. Как только нарастает лед на реках, сверкающие стада трепещущих рыб, чувствуя изменения в качестве своей водной стихии, бегут от беды, подобно стаду овец. Наиболее неприхотливые породы устремляются в маленькие речки, так называемые живцы, и там в надежных уже водах у свежих ключей проводят зиму, чтобы весной снова выплыть в широкую реку. Самые ценные для промысла осетры, нельмы, муксуны и другие сиговые уходят в Обскую и Тазовскую губу. Весной, как только начнется таяние снегов и шумящие ручьи станут разедать ледяной покров реки, рыба из моря будет постепенно возвращаться обратно.

Явление замора изучалось давно, но не было согласия в раз'яснении его причин. Некоторые об'ясняли его возникновением в зимней воде, прочно укрытой от воздуха толстым льдом, ядовитого газа — сероводорода. Другие же считали, что гибель рыб происходит вследствие недостатка кислорода, поглощаемого при окислении органических веществ, выносимых из обширных торфяников величайшей в мире Западно-Сибирской низменности.

Химическая проба воды реки Таза, а еще ранее Турухана, произведенная экспедицией, не обнаружила сероводорода. Таким образом явление замора надо об'яснить недостатком кислорода.

Мянгачи Яр. Когда прибыла основная часть экспедиции, мы двумя партиями отправились на реку Удер-яга, где находился обоз завхоза.

Пурга при ясном солнечном небе сопровождала нас при отъезде. Тундровый ветер поднимал с земли снежную поземку, крутил ее, и сияющее солнце рассекало своими золотыми лучами миллионы блистающих, бешено танцующих снежинок.

Иногда солнце скрывалось за тучи, и тогда на земле попадали тени. Исчезновение теней, повсюду равномерный матовый свет приводили к тому, что искажалась перспектива: маленькая травка казалась кустом, снежные кочки делались неприметными для глаза, и путники то и дело, чортыхаясь, спотыкались лыжами об эти кочки, словно скрытые под шапками-невидимками.

Вместе с переводчиком Пронькой Ненянгом и переписчиком Кодоловым (в этом году происходила всесоюзная перепись) мы прибыли ночью на Удер-яга, где, кроме обоза, стояли два чума подводчиков завхоза.

Окрестные самоеды узнали тотчас же о нашем приезде, и на следующий день входная нюга нашего чума открылась, и мы увидели богатого самоеда Мянгачи Яр. О нем еще в Хальмер-седе нам говорили, как о наиболее подходящем подводчике.

Мянгачи Яр, не торопясь, вышел чаю с предложенным угощением и спросил:

— А что, не думают у богачей отнимать оленей?

Мы отвечали, что об этом пока ничего неизвестно. Мянгачи — зажиточный самоед и потому беспокоился о неприкосновенности оленей. Стадо его насчитывало около 700 голов. У него имелось две жены, из которых одна живет здесь, управляя

хозяйством при помощи работника, а другая — кочует со вторым чумом и второй половиной стада.

Мянгачи напился чаю и сказал:

— Я вам могу дать до озера Хассейн-то десять нарт. Больше не могу. Оленей нехватает.

Через переводчика-Проньку мы сказали:

— Нам надо 20 нарт и мы хотели бы иметь одного возчика, так как с одним человеком легче вести денежные расчеты...

Последовали долгие переговоры, но Мянгачи стоял на своем, и мы законтрактовали у него лишь обещанный десяток.

Часть экспедиции перешла к чумам Мянгачи, а ботаник отправился с переводчиком на реку Мудуй для найма недостающих нарт, вернее оленей, так как нарты и упряжь у нас были свои.

Умные деревья. Когда останавливались самоеды, останавливалась и кочующая с ним экспедиция. Тотчас же намечалось место для постановки радиостанции, вместе с дымом из чума возникали и колонны радиомачт.

В своем распоряжении мы имели четырехламповый регенеративный приемник.

Радио экспедиции должно было служить главным образом для приемки сигналов времени при астрономических определениях.

Вначале мы очень опасались за сохранность активной жидкости для наших сухоналивных батарей. Действительно, ведь морозы были страшные. Около Туруханска, например, ямщики, называвшие радио громкослушателем, иногда радостно говорили:

— Ныне тепло. Меньше сорока градусов.

— Откуда вы знаете?

— А эвон водка-то в бутылке не замерзла, а в ей ведь 40 градусов. — объясняли простодушно они.

При переездах мы укладывали пузырьки с жидкостью в ящики, обвертывали его заботливо оленьими шкурами и для придания большей теплоты сами садились на ящик.

При работе на холоде приходилось батареи помещать в особый сундук-термос, обитый изнутри кошмой. Этот сундук служил нам для перевозки и сохранения хронометров зимой, так как ход их очень чувствителен к переменам температуры, а на морозе они и совсем останавливаются. Боковые отделения термоса из красной меди заполнялись горячей водой раз в сутки. В общем наша походная радиостанция выдержала испытание и работала отлично.

Мерзлота не позволяла вкапывать колья, удерживающие мачты, и мы втыкали их в снег, заливая у основания водою. Самоеды помогали нам возиться с кольями, поднимать и спускать мачты.

Они говорили о радиостанции:

— Ока ваде ханте.

Что значит:

— Оттуда идет много слов.

Мачты были бамбуковые, составные, из трех колец. Между

— Мутера-пя.

Что означает по-русски:

— Мудрые, умные деревья.

Мачты были бамбуковые, составные из трех колен. Между мачт протягивалась антенна. Заземлением служил противовес: медная сетка, бросаемая прямо на снег.

В возке геодезиста стояли батареи, гудели примусы, стараясь хоть немного нагреть воздух. Геодезист раскладывал образцовый хронометр и надевал наушники. Самоеды сидели молча, чуть дыша, не сводя любопытных глаз с геодезиста.

— Та-та-та-та...

Слышались, наконец, ритмичные сигналы времени. Бордо (Франция) сообщал нам время в 2 часа, Науэн (Германия) — в 4 часа и Детское Село (СССР) в 12 часов.

Самоеды вообще очень охотно надевали наушники и внимали передачам.

— Ну, что, что говорят? — нетерпеливо выпрашивали они у слухача.

— Ты спроси, как будет нынче рыба ловиться? Хорошо или плохо?

— Справься, каков будет отел оленей? Не будет ли метелей?

Они полагали, что раз они слышат, то и их услышат.

Мянгачи иногда говорил:

— Ты сегодня не ставь палки, завтра будем дальше кататься (ехать). А потом уж поставишь и скажешь, где ты находишься.

Однажды слушал передачу он сам. На его морщинистом лице застыло удивление, смешанное с какой-то торжественностью. Порою он улыбался, оскаливая крепкие зубы. Вдруг он задергал головой, сорвал наушники и закричал:

— Трещит! Ой, трещит! Точно в ухо комар залетел! Даже ушам больно!

И зажал уши ладонями. Действительно, какой-то сильнейший шум, треск передавался из Науэна.

— Грех это! — воскликнул Мянгачи, показывая на батареи и наушники. — Вот нум (бог) рассердился.

— Не нум это! — и мы выскочили из чума. Все небо было залито великолепнейшим северным сиянием. По небу там и здесь переливались бледным светом сверкающие завесы, то сбегаясь вместе, то стремительно отлетая в разные стороны.

И на этом красочном фоне чернели силуэты наших радиомачт: атмосферные разряды лишили их языка и превратили всю передачу в нестерпимый хаос даже для старого самоедского уха.

V. Быт путешественников

После того как радио установлено, бамбуковые мачты возвышаются среди плоской тундры, геодезист принялся за определение астрономического пункта, остальные участники экспедиции начинали исследование по своей специальности.

Приключения зоолога. Зоолог, взяв ружье и капканчики для мелких грызунов, уходил в окрестную тундру в поисках добычи. Если ловушки поставлены еще вчера, он осматривал их, вынимая задавленных зверьков. Заяц и белая куропатка часто делались добычей его ружья.

Однажды он чуть не поплатился жизнью, зайдя без компаса далеко в тундру. Зоолог долго искал обратный след своих лыж, но путался и вскоре потерял окончательно даже всякие намеки на него. Он спешил. Лыжи скрипели и раскатывались на твердом снегу. Вдруг у него сломалась одна лыжа. Он скользил на другой, проваливаясь ногой по колено, когда попадал в рыхлый снег около кустарников.

Неожиданно зоолог увидел вдали на горизонте чернеющую точку.

— Это — человек, — подумал он, останавливаясь. — Ведь лес здесь так редок...

И он начал кричать и, ковыляя, побежал навстречу неожиданному спасителю. Но точка уменьшалась и, наконец, исчезла совсем. Усталый зоолог тщетно осматривался вокруг, надеясь увидеть «умные деревья» — радиомачты. Он приподнимался на носки, но лишь однообразный снежный горизонт всюду встречал его глаза. Подул легкий ветерок, и несколько колючих снежинок упало на покрасневшее лицо зоолога.

— Метель! — с ужасом подумал зоолог, натягивая кашюшон малицы, и бросился вперед. Под малицу забетал ветер, руки в перчатках мерзли. Вскоре зоолог заметил какие-то свежие следы.

— Близко чум, — с радостью подумал он, и сердце его забилось быстрее. Через минуту он остановился и печальными глазами рассматривал найденный след: лыжа, нога, лыжа, нога. Это был его же след...

— Хотя бы найти реку, — бормотал он, облизывая сухие губы. — Там, в лесу вырыть в снегу яму и переждать метель...

В отчаянии он сдернул с плеча тяжелое ружье, выстрелил в темное небо и закричал:

— О-го-го-го!..

Сняв мокрую шапку, прислушался: никто не отвечал ему, только ветер со свистом проносил мимо миллиарды снежинок...

Поздно вечером, отморозив себе палец, подбородок и щеку, он случайно наткнулся в сумерках белой ночи на чум. Самоед, вышедший на поиски зоолога, скоро вернулся и, узнав о прибытии потерявшегося, радостно сказал:

— Хорошо, что нашелся мышиный начальник.

Так самоеды звали зоолога.

Соревнование у самоедов. Этнограф каждую остановку старался использовать для опроса и измерения самоедов. Последнее было нелегким делом, так как самоеды боялись измерительных приборов, казавшихся им какими-то орудиями пыток. Увидев расставленные в чуме приборы, они нередко с ужасом пятились спиной к выходу, обращаясь в постыдное бегство. Но этнограф пускался на хитрости и через переводчика Проньку Ненянга (Пронька отлично понимал нужность измерений и сам смеялся над своими отсталыми со-родичами) предлагал самоеду:

— А лечиться хочешь?

— Хочу, — радостно отвечал самоед.

Они очень любят лечиться.

— Так снимай малицу и штаны! — с докторской решительностью объявлял этнограф. Раздеваться самоеду не хочется, в чуме холодно, да еще стоят какие-то страшные палки и рогульки. В то же время и полечиться невредно. Самоед снимал малицу и, взявшись за штаны, спрашивал нерешительно:

— А в солдаты потом не будут брать?

И все еще косился на ужасного невиданного в тундре железного жука — кривой циркуль. Наконец, он все-таки снимал штаны, зоолог для защиты от холода давал на время общую рубаху, так как самоеды не носят и не имеют рубашек.

— А для чего мерять? — опять колебался самоед, перебирая кривыми ногами в отблесках костра.

— А лекарство как давать? — говорил Пронька, повторяя слова этнографа. — Одному больше лекарства надо, другому меньше. Надо все вымерить и по размерам и давать лекарство...

Против этого уже никакой самоед не находил возражений и подставлял, наконец, свою голову, иногда покрытую коростами и паршей. Самоеды никогда не моют головы, никогда не ходят в баню, поэтому различные кожные болезни — лишай, чесотка, чирьи («червяк завелся», как говорят о чирьях самоеды) очень распространены среди них. Сифилиса экспедиция не встречала почти совсем у самоедов, но страшная оспа посетила тундру в прошлом году и много деревянных хальмер (могил покойников) оставила после себя. Оспопрививание еще не распространено у самоедов, медпунктов очень мало, и иногда самоеды против оспы принимают свои дедовские «меры» предосторожности: ставят лук с наложенной на него стрелой у входа в чум, а если это не помогает, то выжигают себе на лице рябинки, чтобы обмануть чудовище. Дескать, этот человек уже бывал в переделке и его трогать нечего.

Вообще же тундра — отличный, единственный на земном шаре курорт, воздух которого лишен вредоносных бактерий. Нет сомнения, что когда-нибудь больные будут прилетать в тундру и лечиться здесь, вдыхая испорченными легкими целебный воздух.

Иногда лекарь-весако (так звали самоеды этнографа, «весако» буквально означает — старик — и употребляется при обращении к старшим и почтенным людям, независимо от их лет) предлагал измеряться самоедам под видом игры.

— У кого голова больше? Кто умнее, значит, из вас? — говорил коварно этнограф.

Пронька и здесь измерялся много раз первым и увлекал остальных своим личным примером. После него и прочие самоеды охотно совали в лапы жуку жестковолосые головы и с интересом ждали конца соревнования на самого умного самоеда.

Б е з р а б о т н ы е. Геологу и ботанику, пока не наступила настоящая весна, было мало работы. Геолог изучал лишайные снега береговые обнажения, а ботаник — растительность, выкапывая растения из-под неглубокого снега или же пользуясь ямами, вырытыми оленями. Флора тундры состоит главным образом из мхов, лишайников, осок и низеньких кустарников, определить которые опытному специалисту нетрудно и в зимнем состоянии.

VI. На север.

В начале апреля на реке Мудуй — в центре самоедских становищ — ботаник вел переговоры с самоедами, принимая подводчиков для передвижения экспедиции на север. Кроме грузовых нарт, для экспедиции требовались и нарты для дров, так как в верховьях реки Гыды не было и следов лесов. Самоеды оказались крайне не стоворчивыми подводчиками. Согласившись сегодня на наши условия, на завтра, переслав ночь в чуме и поглядев утром на своих оленей, приходили к нам и отказывались от поездки.

Сход у самоедов.

Голодовка геолога. Пока тянулись эти скучные переговоры, геолог был отправлен для исследований на реку Малую Хету, впадающую в Енисей. Он уехал с несколькими чумами енисейских самоедов, промышлявших здесь — около реки Мудуй — капканами песка. С наступлением весны, когда песок стал линять, они начали кочевку на родной Енисей, чтобы промышлять рыбу.

В течение этой месячной поездки геологу пришлось испытать голодовку, столь обычную весной для бедняков-самоедов. Весною бедняки ту же подпоясывают кожаные штаны, сети бесцельно лежат на нартах, рыба еще подо льдом, а на факториях нет муки. Когда вышли все запасы, в том числе и данные геологу на дорогу, самоеды и их русский спутник вываривали старые кости. Ели из них жир и с завистью смотрели на оленей, для которых тундра во всякое время года припасала обильную пищу.

Помощь весны. 5 апреля ботаник находился в балке переписчика близ р. Мудуй.

Балок представляет большую кибитку выше человеческого роста с деревянным остовом, на который натянуты оленьи шкуры, обшитые снаружи парусиной. Он помещается на большие нарты и имеет, как в избе, дверь и два маленьких окна со стеклами и всамделишными рамами. На полу, устланном мягкими оленьими шкурами (бросив оленью шкуру на гальку или мелкие камни, можно спать, как на лучшей перине, совсем не чувствуя твердости ложа), ставится столик и железная печь. Балок очень удобен для передвижений по голой и холодной тундре, а особенно во время долгих свирепых полярных выюг. Везут его 4—6 оленей.

Около балка стояло несколько легких нарт. Нераспряженные олени лежали, подогнув ноги. Длинные хорей были воткнуты в снег возле нарт. В балке двое старшин и несколько окрестных самоедов окружали ботаника, курили трубки, пили хороший чай с кусками сахара и слушали ботаника.

— Значит, — говорил он через переводчика, — олени ваши, нарты и упряжь наши. За провоз одной нарты с грузом до озера Хассейн-то мы платим вам десять рублей...

И ботаник для наглядности показал растопыренные пальцы обеих рук. Один из старшин с выпщипанной по самоедскому обычаю бороденкой отставил чашку, дососал сахар, достал из берестяной табакерки порцию табаку, заложил ее за губу и сказал, глядя на раскаленную печку:

— Олени начинают чесаться рогами о деревья. Надо ехать. Скоро весна...

— Скоро весна, — согласились и прочие самоеды. — Надо ехать...

Ботаник договорился, что экспедицию повезут самоеды Опай Саландер и Мянгачи Яр. Ботаник карандашом написал условия, а старшины с трудом нацарапали на бумажке свои тамги — родовые знаки.

Волки. Подписав договор, ботаник отправился к реке Сыгдар-яга, где находилась основная часть экспедиции. По дороге то и дело попадались большие стаи белых куропаток и виднелись волчьи следы. Волки появились с нашим выходом в тундру, они уже зарезали двух оленей у Мянгачи.

Рано утром напуганное зверями стадо оленей с шумом, словно град по железной крыше, мчалось к чуму. Полуголые самоеды выскочили из-под теплых шкур навстречу стаду и закричали махая руками:

— Ха-хатутто!! Ха-хатутто!!

Услышав человеческие голоса, олени остановились, перебирая нервно ногами. В тундре, на пастбище, валялись облитые кровью два оленя с перегрызенными горлами. Оленей привезли на становище, и самоеды полакомились этим неожиданным и печальным угощением.

Отказ Мянгачи. Мянгачи отказался дать нам обещанные десять нарт. Он просил созвать сход, чтобы снова перераспределить подводы. Снова собрался сход, снова пили чай и курили табак самоеды. Сход решил, что Салендер не повезет нас, так как он кочует в стороне от озера Хассейн-то — около реки Ярта-яга. Сход постановил, что для большей части нарт должен будет дать оленей Мянгачи, а остальные нарты сход распределил понемногу между враждовавшими самоедами Ачи Яр и князем Хасобе Ябтунгай. Князьями самоеды до сих пор называют бывших старшин.

Ачи Яр и Хасобе Ябтунгай. В Лебяжий месяц самоеду Ачи Яр исполнилось двадцать пять лет. Ачи Яр был «арка тетта» (богач). Утрами он выходил из своего просторного чума и довольными глазами взирали на охраняемое работниками и собаками двухтысячное стадо оленей — наследство, полученное им от отца. Он видел, как быстро растут на его капитал проценты — родившиеся нынешней весной телята с длинными неуклюжими ногами. К Ачи Яр подбегали «авки» и вырывали из рук сушеную рыбу.

В чуме Ачи было припасено достаточно сушки и листового табаку. Две молодые жены его варили в котле оленье мясо, а новый медный чайник, купленный на фактории, блистал лучами вечернего солнца и не успел еще окончательно закоптиться над костром.

Но в 1925 году богач Ачи Яр в несколько дней лишился своего стада, потеряв от падежа почти всех оленей. Однажды на рассвете в чум влетел один из старых пастухов и, сорвав «паны» с крепко спавшего Ачи, закричал:

— Олени кашляют, падают!..

Ачи Яр вскочил, выбежал из чума и увидел, что вчера еще здоровые и сильные олени, его дорогие олени, кашляют, сопят, дрожат. Многие из них, скрещивая передние ноги, валятся уже на мох, изо рта у них с хрипом вылетают клубки белой пены, животы раздуваются и они умирают, словно удушенные невидимым арканом. Некоторые, объятые внутренним ужасом, бросились к Ачи и в надежде защиты пытались даже проникнуть в чум. Здесь настигла их невидимая стрела, они падали, бились в конвульсиях, стараясь подняться, и тотчас же умирали с высоко поднятой к небу головой и остекляневшими, широ-

ко открытыми глазами. Телята дико вертелись среди стада, отыскивая свою обезумевшую мать, а найдя ее павшей, тщетно пробовали сосать мертвые сосцы.

Ачи Яр под вой и лай собак с помощью пастухов начал разгонять стадо, стараясь хоть часть его предохранить от заражения, но было уже поздно, и вечером Ачи покидал печальное поле смерти. Его нарты везли уцелевшие пятьдесят оленей, а все прочие, похожие издали на кучи снега или камни, остались лежать мертвыми. Ачи Яр, не оглядываясь, гнал оленей. Он знал, что еще и через много лет, когда от трупов останутся среди мхов и травы одни лишь скелеты, покрытые бархатистым лишайником, и тогда эта падежная поляна все еще будет заразной и страшной.

Вскоре на туземном с'езде Ачи избрали, как дань времени, самоедским старшиной вместо богатого князя Хасобе Яб-тунтай. Ачи Яр был одним из первых старшин, который был молод и не вел за собой большое стадо.

Зимой Ачи Яр стоял с чумом в низовьях реки Таза и занимался изготовлением и починкой нарт, как и остальные самоеды. Иногда, сидя у костра и глядя на пламя, охватывающее щепки, он вспоминал о своих оленях, сгоревших, как коробки спичек.

Но вдруг у него снова пал олень. Ачи с ужасом ждал: не последуют ли за погибшим и жалкие остатки его стада? Он сходил к священной лиственнице и обмазал рыбьей кровью стоявших там деревянных «сядаев». Болезнь была, видимо, незаразная, беда пошла другой дорогой, и счастливый Ачи Яр взвалил оленя на нарты, вывез его неподалеку в тундру и, не снимая шкуры, бросил среди карликовых березок.

Тем же вечером к Ачи пришел старик из рода Ядни. Старик со старухой и двумя внуками обитал в соседнем чуме и имел всего-на-всего десяток дряхлых, как и он сам, оленей.

— Слушай! — сказал старик, закладывая табак за отвисшую губу. — Мы сдерем шкуру с твоего оленя и с'едим его мясо.

Ачи Яр подкинул в костер щепок и отрицательно покачал головой.

— Нельзя — сказал Ачи Яр. — Ты можешь умереть от него. Олень, может, вредный.

— Умереть? — спокойно переспросил старик. — Я буду есть мясо только со старухой. Если оно окажется безвредным, дети будут также есть его.

— Берите, коли, — так согласился Ачи Яр и пошел чинить нарты.

Радостный старик привез оленя, отточил на бруске нож, сделанный из напильника, и принялся со старухой за пиршество. Дрожащими руками вспороли они оленя, распахнули на животе у него шкуру и, заталкивая в беззубые рты хрящики, печенку, с удовольствием ели давно непробованное мясо. Слегка опьяненные мясом, они легли спать, чтобы с утра снова приняться за богатое угощение. Свинцовая печальная луна стояла на небе, круглая, как шаманский бубен, и глядела на стариков...

Они не увидели больше солнца, хотя их глаза и были широко раскрыты. Внуки нашли их мертвыми.

Дети подали в суд на Ачи, обвиняя его в преждевременной смерти своих кормильцев. Весной во время туземного с'езда состоялся суд самоедов над Ачи. Около фактории среди выпряженных нарт сидели самоеды и слушали, как Ачи Яр, стоявший в центре круга, горячо доказывал свою правоту. За ним выступили и свидетели — самоеды трех родов, которые жили недалеко от Ачи, у реки Таза.

Молодые самоеды и свидетели просили оправдать Ачи, но старики еще молчали и вопросительно смотрели на князя Хасобе — своего бывшего старшину и уважаемого ими самоеда. Князь Хасобе Ябтунгай тихо сказал:

— Вина Ачи Яр. Он должен был вывезти оленя дальше в тундру, а не оставлять его около чумов на соблазн народу.

Он помолчал, языком поправил за губой табак и сказал:

— Особенно потому, что он старшина, его надо оштрафовать на пять рублей.

— На пять рублей!.. — воскликнул Ачи Яр, вскакивая. — Но за что?!. Я же говорил Ядни...

Его не слушали, и старики решили так, как решил Хасобе Ябтунгай.

Ачи Яр до сих пор не может забыть этого несправедливого приговора и ругает своего врага и обидчика — князя Хасобе Ябтунгай.

Хасобе Ябтунгай. Как-то проездом мы остановились в чумах Хасобе. Он принял нас радушно, но с некоторой осторожностью и приказал спрятать в ящик меховые куклы (изображения недавно умерших родственников), лежавшие среди наваленной в изголовьи одежды.

— Почему на тебя жалуется Ачи Яр? — спросили мы за чаем.

— Ачи Яр — плохой самоед! — неторопливо ответил Хасобе Ябтунгай.

— Может, потому плохой, — сказали мы, снова вспоминая Ачи Яр, — что он тебе след перебил? Ведь до него ты старшинил?

Старик вытер нож и руки о край одежды, крикнул женщинам, чтобы они привязали собак и сказал:

— Я долго старшинил... Я при царе старшинил...

Закуривая, он откинул халат, надетый прямо на голое тело, и мы увидели на его смуглой груди точно родимое пятно — бронзовую медаль, висевшую на шнурке из оленьих сухожилий.

Утром, прощаясь, Хасобе Ябтунгай принес небольшой мешок из налимьей кожи, вытянул оттуда несколько радужных кредиток с орлами и спросил, не выпуская денег из рук:

— Что, эти деньги ходят?

— Эти? Нет!

— А на факториях же берут бумажные деньги?

— Бумажные, но не такие.

— Таких у меня целый мешок.

Ботаник сказал:

— Ну, покажи-ка бумажку. Десятка, кажется. Давно их не видел. Да чего ты боишься? Не отберем...

— Приказчикам на фактории раз показал, а они взяли и разорвали...

Старик сунул бумажки обратно в мешок и, тщательно завязав его, медленно пошел в чум.

Бег на месте. 18 апреля закончены все переговоры, и экспедиция готова двинуться на север. Ночью изморозь пышно украсила деревья, утро возникло туманное, горизонт приблизился к чумам. После чаю самоеды начали одеваться. От стада пришли пастухи с красными лицами и, сняв отсыревшие за туманную ночь малицы, сели пить чай на освободившихся у костра местах.

Хозяева, не торопясь, устроили из нарт и арканов загон. Некоторые олени не хотят идти в загон. Молодых ловят арканами и со спутанными задними ногами гонят к терпеливо ждущим у запряжек старикам-быкам со стертыми шеями. Самоеды строго соблюдают очередь среди оленей, которых они знают каждого «в лицо», хотя бы стадо было в сотни голов.

— А как же ты узнаешь людей? — отвечали самоеды на наши недоуменные вопросы. Кроме того, у каждого оленя на ушах имеется метка «петтима».

Пока мужчины ловят и запрягают оленей, женщины ломают чум и тщательно упаковывают его юги в нарты.

Наконец, несколько десятков нарт вытянулось гуськом. Прокладывая дорогу, быстро скрылся в тумане ехавший на легких нартах хозяин, а за ним тронулась и цепь анасов. Сбоку и сзади, подгоняемые собаками и пастухами, бегут свободные от запряжек олени. Некоторые собаки привязаны под женскими нартами с высокими копыльями, а щенки и любимчики сидят рядом с детьми в нартах, высунув из-под мехов лохматые морды. Щадя оленей, на грузовые нарты самоеды положили не более 80 килограммов поклажи.

Хасобе Ябтунгай у своего чума.

Самоеды едут не торопясь. Да им и некуда торопиться! Они идут по отцами и дедами заказанной, невидной русскому глазу дороге, параллельными путями, и похожи на небесные светила, проходящие свои вековые маршруты по строго закономерным орбитам. Кочеванье — жизнь самоеда, и он не имеет желания ускорять ее древний темп.

Вскоре караван остановился, так как оказалось, что самоеды спутали в тумане направление и, отойдя недалеко от стоянки, решили сегодня больше не ехать.

Оттепель. Оттепель с мокрым снегом задержала нас еще на неделю. Весна, прерываемая сильными весенними метелями, приближалась. Со стороны, обращенной к солнцу, из самоедских чумов стоял снег, и они кажутся черно-белыми. Снег, умирая, нестерпимо блестит, и мы надели очки с темными, дымчатыми стеклами. Самоеды тоже носят очки,

но вместо стекол у них жестянки с прорезанными щелками. Очки украшены бисером, а металлическая оправа обшита меховой каемочкой. Пронька Ненянг щеголяет в больших автомобильных консервах, которые он купил на фактории. Только собаки и олени не боятся снежной слепоты, сопровождающей болью в глазах и временной потерей зрения. На холмах и возвышенностях появились черные проталины с желтеющей прошлогодней травой. Олени теснились на них, им не надо теперь выбивать копытами ягель из-под снега. Быки-олени

Безрогие олени весной.

рогами сдирают добела кору с лиственниц, редким леском окаймляющих речку. Скоро их прекрасные ветвистые рога спадут окончательно. Темно-бурая кровь сочится по комолым оленьим мордам.

Мы получаем воду, которую добывали прежде продолжительным таянием снега, с поверхностей речек, где над льдом, словно на блюдечках, серебрятся лужи.

Подняв голову, можно увидеть первого воздушного гостя. Он высоко летит над тундрой, покрытой еще сугробами снега. Это — орел. За ним, торжественно гугукая, блистают лебеди. Полярные куропатки кричат резко, по-весеннему и, сбившись стаями, похожи сейчас на тундру. В их белом снежном оперении кое-где мелькают, как проталины, рыжие перышки. И чем дальше идет весна, тем больше и больше прибавляется у них золотых перьев, а головы и шеи самцов совсем темнеют.

С н о в а в п е р е д! С первым же похолоданием двинулись снова вперед к северу. На пути среди плоской равнины встречали группы отдельных холмов, из которых один правильной куполообразной формы с крутыми склонами издали бросался в глаза. На нем виднелись низенькие лиственницы, поставленные шалашом и увенчанные белеющим черепом оленя с рогами. Рядом сложен костер дров, частью обгорелых, почерневших, частью свежих. На размытом краю холма валялся разрушенный слопец. Эти подоби́я чумов из лиственниц поставлены по приказанию шамана на месте жертвоприношения. На реке Месо мы подошли к северной границе лесов. Леса здесь — убогие рощицы лиственниц — встречаются лишь вдоль левых притоков, текущих с юга.

На остановке самоеды задавили оленя, и некоторые участники экспедиции, подражая туземцам, выпили по кружке горячей крови и с'ели теплого, парного оленьего мяса. Оно было совершенно безвкусно, так как самоеды никогда не едят его с солью, считая последнюю лакомством.

П е р в ы й д о ж д ь и п е р в ы й т е л е н о к. Снег раскис, проталины и по размеру и по количеству увеличились. Снеговая вода в озерах и речках разлилась поверх льда. В зимней меховой обуви ходить нельзя, и мы переобулись в сапоги. Когда стал накрапывать первый дождик, установили палатку, привязав ее за нарты, так как деревянные колышки нельзя вбить в неоттаявшую землю. Двухдневный дождь, сменявшийся мокрым снегом, захватил нас на реке Луцемпя-яга. Это название означает — «река напавших русских». Видимо, некогда русские бывали здесь. Трудно решить: было ли это во времена Великой северной экспедиции, или, может быть, здесь стучали мечи храбрых и предприимчивых мангазейцев?

Самоеды, опасаясь ранней весны, которая может помешать им во-время дойти до летних кочевий, принесли в жертву двух оленей. Важенки богача Мянгачи в ожидании отела уже идут в отдельном стаде. Самоеды собираются вместе и гадают:

— Метель будет?

— Или не будет метели?

Старик самоед качает седой головой и говорит:

— Я видел вчера ворнгай (ворону). Нехорошо это.

Ворона прилетает в тундру не каждую весну, и ее появление, по приметам самоедов, предвещает несчастье. Самоеды смстрят, куда летит дым из чумов, не покрыты ли предзакатные облака багрянцем? Самоеды поднимаются на цыпочки и,

откинув калюшоны малиц, вздернув очки на лоб, стараются узнать: не начинается ли страшный северный ветер, приносящий губительные для новорожденных телят метели и пурги?

В прошлом году много привезли на фактории пешек — шкурок маленьких телят, не выдержавших северного ветра и метели.

Важенки, почувствовав приближение родов, уходят медленно куда-нибудь за холм, таясь от человеческого и звериного глаза. Вскоре они возвращаются обратно. Рядом с ними бегут неуклюжие, на длинных ногах телята. Теленка помещают на нарты, но порою в первый же день своего рождения ему приходится преодолеть несколько километров. 1 мая у Мянгачи родился первый теленок.

Куликаны. Ночи светлы настолько, что в любое время на воздухе можно читать и писать. У быков отрастают новые мягкие, покрытые пушистой шерстью рога. Они уже не чешутся, а напротив очень чувствительны, и когда при ловле свистящий аркан коснется их, олени недовольно брыкаются передними ногами, выбивая мох и куски мокрого снега.

Иногда самоеды срезают часть выросших рогов, затягивая оставшиеся корешки оленьими жилами. Рога съедаются сырыми с необычайным аппетитом. Впрочем, это вредно отзывается на оленях, и самоеды редко разрешают себе подобное кушание. В это же время олени часто хворают. Прошлым летом особые полярные оводы отложили под кожу их вдоль спины свои яйца. Из яиц вывелись личинки. Прикрытые оленьим мехом, они чувствовали себя прекрасно, жили под кожей, развивались, росли и к весне превратились в куколки, так называемые куликаны. Из-за них кожа у оленей вздувается желваками, из которых рукой можно выдавить жирного, неподвижного куликана. Из куликанов летом родятся большие мохнатые мухи-оводы. Некоторые оводы ухитряются пристраивать свои личинки даже в глотке оленей. В начале лета эти несчастные олени страшно чихают, и живые мухи вылетают из их ртов.

Только необходимость может заставить самоеда убить оленя весной. Его шкура в это время вся источена дырочками, словно решето, и не имеет никакой цены.

VII. Самоедский суд

Древняя история. В начале мая мы стоим в районе реки Танам. Крутые склоны берегов обнажены, и можно читать по ним прошедшую историю. Сверху — грунт глини-

стый с каменными валунами, свидетелями ледникового периода, ниже выходят слои песка, богатого галькой, а еще ниже в песке — морские раковины: остатки пенившегося когда-то здесь морского прибоя. В этих же слоях имеются обломки древесных стволов — древний плавник. Самоеды и сейчас иногда пользуются им как топливом, но плавник трухлявый, ветхий, пропитанный ржавчиной, горит плохо, слабым синеватым огоньком.

На перекрестке анасных дорог. Район, где мы находимся, представляет перекресток анасных дорог и сейчас очень оживлен. Самоеды пользуются случаем покалякать с соседями, собрать сходы, решить мелкие дела, не разбиравшиеся на фактории Хальмер-седе, а может быть, и перерешить хальмерсединские приговоры. Законы тундры часто не совпадают с законами факторий, и здесь вопрос решается часто не числом голосов, а числом голов оленей: богач здесь имеет несравненно больше веса среди должников — бедняков.

Дело Мянгачи Яр. Мянгачи Яр собрал сход и просил разобрать его дело. А дело его заключалось в том, что еще три года назад от его 15-летнего сына убежала к отцу 20-летняя жена.

Самоед никогда не скажет, что он женился. Он заложит табак за толстую губу, сплюнет коричневую слюну на снег и сообщит:

— Я купил жену.

Но недолго стоит на одном месте чум самоеда, так же недолго, если захочет, может прожить с мужем и купленная жена. В таком случае обычно уплаченный за жену калым (он платится исключительно важенками и песцами) возвращается

Суд в Хальмер-седе постановил, что отец убежавшей жены должен вернуть Мянгачи часть калыма (15 важенок и 5 песцов), но тот, имея стадо всего в 50 голов, отдает пока 10 оленей.

Временно живущий при Мянгачи небогатый шаман Семен, заменивший нам как переводчик уехавшего на Енисей вместе с переписчиком Проньку Ненянга, просил нас повлиять на осужденного. Мы решительно отказались. Два раза собирався сход, подтвердивший хальмерсединское решение, но старик так и не вернул оленей. Отобрать насильно у бедняка последнее средство к существованию не решились самоеды. Побоялись новых советских законов, да и было доказано плохое обращение с невесткой Мянгачи.

Кирпич чаю. На другой день старшины собрались, чтобы расследовать случай кражи кирпича чаю. Они сидели в первых рядах расположившегося полукругом прямо на снегу схода. Бедняк самоед в рваной малице сразу признался, что он действительно украл чай. Старики не заложили за губу и по второму разу табака, как дело было окончено.

— Пусть виновный уплатит пять рублей! — сказал один из старшин. Все согласились с ним, согласился и пострадавший хозяин, у которого служил бедняк. Но тут встал этнограф и, держа в руке черный кирпич чаю, сказал через переводчика:

— Я вношу за виновного кирпич чаю.

И передал кирпич хозяину. Переводчик два раза повторил слова этнографа. Самоеды очень удивились его тароватости, а потом, вскочив с мест, закричали хозяину.

— Ты должен помириться с работником.

И хозяин, держа в левой руке чай, протянул правую работнику, недоумевающе глядевшему на этнографа. Хозяин и работник пожали руки. Самоеды одобрительно качали головами, кто-то хлопнул в ладоши. Старшины поднялись, и сткинув нюгу чума, согнувшись вошли внутрь, чтобы приняться за угощение, выставленное Мянгачи.

VIII. Навстречу незаходящему солнцу

Зима отступает. Под напором ранней весны зима быстро отступает на север. Мы стремимся не отстать от зимы. Самоеды не обращают внимания на проталины и спешат к своим летним кочевьям. Едем каждый день без остановок. Местность становится все пересеченнее. Среди прошлогодней ветоши на проталинах едва зеленеют травянистые кочки пушицы. Ее радостно щиплют олени, изголодавшиеся за зиму по зеленому корму. Самоеды начинают сменять зимние одежды чума на летние: теперь нюги бесшерстные, кожаные или берестяные. Лишние меха упаковываются в нарты и оставляются на пригорках поблизости от летних кочевий.

12 мая зоолог обнаружил первое живое насекомое и радостный показывал его всем на ладони.

70 параллель. Геодезист хмурит лоб. Он стоит около своих инструментов, окруженный нартами (иначе любопытствующие олени могут свалить теодолит) и говорит:

— В чем дело? Уже 70 параллель!..

— Не может быть! — восклицают путешественники. — На всех картах еще под 69 параллелью начинаются верховья реки Гыды. Где же она?

— Я не знаю, — отвечает геодезист. — Но мои инструменты не лгут. Мы находимся под 70° северной широты.

Все с недоверием качают головами, лишь один ботаник не удивляется. За свою многолетнюю экспедиционную практику он привык плавать по несуществующим на картах севера рекам или находить холмистые водоразделы на месте красиво разрисованных рек.

Переправы через речки. Через речки и озера переезжаем с трудом. Самоеды пробуют хореями глубину натекшей на поверхность льда снеговой воды и глубину заберегов. Найдя удобное, наиболее мелкое место, они гонят туда оленей, подбадривая их громкими отрывистыми криками и безжалостными тычками хореев. Испуганные олени перескакивают забереги, но, случается, падают в ледяную воду и ломают нарты. Самоеды храбро бросаются им на помощь, промачивают свои меховые пимы. Иногда олени проваливаются сквозь тяжелый снег в воду и барахтаются, падают на колени, с трудом вытаскивая свои мохнатые ноги.

71 параллель. Геодезист мрачен и уже сам начинает коситься на инструменты.

— Ничего не понимаю! — бормочет он, сердито отгоняя оленей. Достаточно точное определение по солнцу. Мы находимся близ 71 градуса северной широты. Но где же река Гыда?

И смотрит внимательно на измятую карту, где так явно и приветливо течет под 71 параллелью река Гыда, предел нашего зимнего пути.

На озере Хассейн-то. Утром 14 мая несколько человек с грузом отправилось к озеру Хассейн-то, не обозначенному ни на одной карте. Груз должны были оставить на берегу озера — на месте предполагающейся весновки.

Путь к озеру вел по долине маленькой Волчьей реки. Благодаря теплым дням эта долина уже частично освободилась от снега, ее низины наполнены водой, и нарты погружались на четверть метра в холодную воду. Окружающие холмы бесснежны и зеленеют моховым ковром, кое-где разорванным голыми темными пятнами земли. Долина Волчьей реки расширилась и слилась с долиной озера Хассейн-то. При сравнительно незначительной ширине 1—2 км Хассейн-то имеет длину до 20 километров.

Место для багажа выбрали на коренном мысу, близ выхода реки, которая, по рассказам самоедов, течет в Гыду. Здесь же сложили 4 нарты дров, привезенных самоедами для нас. Лодка и продовольствие, как еще сообщал нам

прежде геолог в письме с Енисея, присланном с самоедом, не были заброшены сюда из фактории Дерябино, несмотря на все обещания, данные завхозу.

Радостно мчали нас назад самоеды. Вперегонку бешено летели олени под гиканье и пенье довольных хозяев. К вечеру снег подмерз, и нарты легко скользили по твердому насту. В полночь наблюдали солнце, медленно катившееся вдоль розового горизонта. Потом незаходящее светило, красное, как груда раскаленных углей самоедского костра, пачало подниматься вверх, заливая своими лучами охваченную весенним томлением Гыданскую тундру.

IX. Фактория Дерябино

Мы направились за 80 километров на факторию Дерябино, чтобы отдохнуть, вымыться в бане, пополнить провиантские запасы, произвести астрономические наблюдения в этом населенном пункте — последнем на нашем пути. Кроме того, мы хотели отсюда съездить к Ледовитому морю.

Антон Росляков. Около фактории, как обычно, наши нарты со снежной целины вступили на наезженную дорогу, на горизонте иногда мелькали самоедские чумы.

В одном из чумов жил Антон Павлович Росляков — будущий наш переводчик. Около чума Рослякова бродил всего десяток оленей. Это сразу определяло социальное положение хозяина. Росляков вышел из чума, в его малице на груди был воткнут значок с изображением Ленина.

— Здравствуйте! — приветствовал нас Росляков на чистейшем русском языке. — Я Антон Павлыч Росляков.

— Хомо сапиенс, — добавил он по-латыни. Был неожиданным слышать латинские слова в Гыданской тундре из уст этого одутливого старика-самоеда. Росляков между тем пытливо выискивал глазами завхоза, который летом нанимал его. Но тогда завхоз был в русской одежде, а сейчас одет в малицу, как и все мы.

Антон Павлович Росляков — самоед из рода Окатетта — родился под Обдорском в середине 60-х годов прошлого столетия. Отец у него рано умер, и Антон жил с матерью — работницей обдорского заседателя Рослякова. Мальчишка нравился старику-заседателю, он привык к нему и отдал Антона в Обдорскую миссионерскую школу, а затем отправился на 1500 километров южнее — в Тобольское духовное училище. Росляков учился в бурсе плохо и больше всяких богословий любил выпить, а выпив, потанцевать. Вскоре Рослякову за хорошее

поведение и отличные «успехи» пришлось покинуть мрачные каменные стены бурсы. Но он не унывал и пристроился приказчиком и переводчиком у купца Корнилова. Ловкий, веселый Росляков пришелся по нраву своим хозяевам и, пожалуй, смог бы вместо неудавшейся карьеры попа сделать себе карьеру торговца.

Но здесь случилось одно происшествие, заставившее разбитного приказчика Антона Рослякова бежать от родных обских берегов, и перекочевать на Енисей.

Судно с грузом спирта, направлявшееся морским путем в Англию, разбилось у берегов Обской губы. Весенний лед разбросал спиртовые коричневые дубовые бочки по отмелым берегам губы. Самоеды находили бочки, принюхивались к ним и, полагая, что это нум (бог) прислал им столько огненной влаги, с легким сердцем жадными губами без меры пили этот спирт. Массовое пьянство иногда заканчивалось смертью, и посиневшие, словно утопленники, трупы опившихся самоедов лежали в своих досчатых гробах на холмах побережья Обской губы.

Власти приказали прекратить пьянство и уничтожить спирт, и самоедский отряд отправился под командой оборотистого корниловского приказчика Антона Рослякова. Но Антон, ставший уже Антоном Павловичем, не столько уничтожал спирт, сколько просто продавал его самоедам. Это дошло до властей, и Рослякову, если он не хотел познакомиться с сырыми казематами тобольской тюрьмы, надо было бежать. Так он и сделал, поселившись здесь на Енисее, подальше от тобольских властей. Он жил около фактории, промыслял, служил переводчиком. Здесь он нашел свою старость, и только отрывки латинского языка, видимо накрепко вбитого суровыми бурсацкими учителями, неожиданно выдают в нем иного человека, глаза которого видели не только бескрайние дали Гыданской тундры.

Спрошенный нами через год бывший обдорский исправник, старик Л. Н. Ямзин, так отозвался о Рослякове:

— Антошка?.. Знаю! Знаю! Он мало что тем спиртом торговал, он еще в пьяном виде кого-то тогда ножом пырнул.

Снова под крышей. Протоки Енисея, к которым мы приблизились, залиты водой. Против самой фактории чернеют большие забереги Енисея. На одной синеющей полынье плавает гусь, над головами пролетела вдоль Енисея чайка.

Несколько изб и кладовых фактории для защиты от зимних метелей соединены крытыми дворами и переходами. В од-

ной избе из 2 комнат помещается контора и комната заведующего. В другой — живет семейный приказчик, он же и переводчик. Под общую крышу включена и дорогая нашему взору теплая баня.

От радушного заведующего узнали, что геолог, прибывший на собаках по Енисею с р. Хеты, три дня назад уехал на озеро Хассейн-то вместе с лодкой и прочими запасами. Для тяжелой лодки пришлось устроить особые сани. Геолог увез весь керосин, необходимый нам для при-

Участники экспедиции с А. П. Росляковым.

мусов при поездке к морю. За керосином послали самоеда, а сами, вымывшись в бане, принялись за чтение еще зимних газет.

Расчеты с самоедами. В комнату вошел улыбающийся Мянгачи, за ним следовали и прочие возчики.

— Теньга! — сказал Мянгачи и показал грязную ладонь.

Надо сказать, что самоеды мало верили в покупательную способность бумажных денег. Они уклонялись от получения их в тундре, стараясь повременить до фактории, чтобы при нас же купить на эти бумажки товары. Для проверки они все-таки взяли еще в пути небольшие авансы и ездили с ними на одну из енисейских факторий. Нам пришлось вместе с деньгами дать самоедам записки, чтобы в лавке приняли от них деньги. Заведующие факториями не могли, конечно, отказываться от советских денег, но нередко они предпочитали выгодную пушнину, незаконно уклоняясь от червонцев.

Мянгачи, получив деньги, тотчас же обменял их на нуж-

ные ему товары, уплатил старый долг и по свойственной самоедам привычке снова набрал товаров в кредит.

К этому их приучили хитрые купцы, улавливавшие таким образом себе клиентов. Официально в долг теперь запрещено давать, но самоеды очень обижаются:

— Ты мне в долг не веришь? Не желаешь иметь со мной дела? Поеду к другому.

А ведь фактории все-таки конкурируют между собою, им невыгодно терять поставщика пушнины, и заведующий, вздохнув и махнув рукой, записывает на личный счет самоеда тот или иной товар.

Весна и море. Мы ждем керосин, но весна не медлит и смело шагает, сметая даже и здесь под 71 параллелью остатки снегов.

Гусей уже много, вслед им летят казарки и чайки. Енисей почернел и местами залит водой. Стайки снегирей-подорожников и полярных жаворонков летают с проталины на проталину. Самоеды приехали на факторию, день и ночь идет торговля, день и ночь хлопают факторийские двери, вечно на кровати заведующего, как на диване, сидят в меховых одеждах тундровые гости.

Росляков запрет лохматых собак волчьей породы и ночью при заморозке поехал за Енисей снять, пока не поздно, свои капканы.

— Пыр! — крикнул он на пятерку запряженных гуськом собак, и они с хриплым лаем потащили длинные, низкие санки.

На фактории имеется целое собачье стадо, помещающееся в особом стойле. Тут же висит большой котел, в котором варят собакам сухую рыбу. На собаках возят главным образом топливо-плавник, который мощное течение Енисея несет на своих волнах с юга и выбрасывает на берега. Летом плавник собирается, и для просушки бревна составляются в огромные костры.

18 мая ветер уронил нашу радиомачту.

Вокруг нее снега не было, а земля еще настолько мерзлая, что мы привязали мачту за бревно, сжав его другими большими чурбанами. Бушевавший ветер разбросал бревна, и мачта, потеряв равновесие, улала на землю, заливаемую косым дождем.

На Енисее собираются ставить сети в полыньях. Сын заведующего факторией ездил ночью за дровами. Одна из нарт провалилась на слабом енисейском льду, парень едва успел

отцепить жалобно визжавших собак, а дрова и нарту пришлось бросить

Из-за сильной потайки самоеды отказались везти нас к морю, и 20 мая экспедиция, покинув гостеприимный кров фактории Дерябино, отправилась на весновку к озеру Хассейн-то. К сожалению, мы мало пополнили наши продовольственные запасы, так как на фактории почти ничего не осталось съестного, а соседнее зимовье — Толстый Нос — еще зимой отказалось продать нам сухари.

Х. Весновка на озере

Мы не узнавали старых мест, по которым ехали всего неделю тому назад. Даже маленькая речка у фактории прорвала снеговые сугробы и шумно меж снежных стенок вливалась в Енисей, где темнеет глубокая вода, бегущая среди дряблого льда. Самоеды придерживались долин и склонов, сохранивших еще свой снеговой покров, по вершинам же холмов полозья нарт с трудом медленно скребут голую землю. Воздух тундры то и дело оглашался резкими выстрелами путешественников. Иногда куропатка, гусь прерывали свой вольный полет и шлепались о мягкий мох тундры.

Мы только-что спустились к речке, текущей в озеро Хассейн-то, как вдруг на одной из кочек с треском сломался гладкий полоз нарты, занятой астрономическими инструментами. Самоеды оторвали тотчас же доску от сиденья поломаной нарты и насажили из доски пластырь на расколотый полоз. Они быстро и ловко прикрепили доску деревянными гвоздями — дрель для просверливания дыр, как и нож, имеются в пути у каждого самоеда.

Утром 25 мая пересекли озеро Хассейн-то, держа по крепкой ледяной поверхности его курс на мыс, где развевался флаг нашего палаточного лагеря.

Устройство лагеря. Лагерь белеет тремя налатками, сделанными по особому заказу в Ленинграде. Сбоку примостилась маленькая палатка геодезиста, куда тянулся провод от мачт радио. Для защиты от снежных весенних метелей и летних комаров в палатках два входа: один обычный, застегиваемый при нужде наглухо, а второй — так называемый нансеновский. Это — узкая дыра с пришитым рукавом. Она должна была в случае сильной метели помочь нам выйти из палатки с противоположной от главного входа стороны. Пол в палатках пропитан озокеритом. В первой палатке жил этнограф, переводчик Росляков и работник Нир-

чи — молодой самоед, нанятый нами в Дерябино. В соседней палатке обитали ботаник, геолог и завхоз. Шкурки птиц почти всегда сушились на оттяжках третьей палатки, отмечая принадлежность ее зоологу, с которым помещался топограф.

Росляков и Нирчи, как истинные сыны тундры, не любили палатку. Они сложили из дровяных кражей подобие чума, покрыв его брезентом и день проводили здесь. Пустые нарты поставили одну на другую, ненужный летом маленький балок геодезиста лишился своего мехового чехла, который вместе

Хассейнто-гард.

с меховой одеждой тщательно укупорен отдельно. С помощью топора и лома проделали в мерзлой земле ямы, чтобы укрепить в них колья для оттяжек бамбуковых радиомачт.

И вот наш лагерь уже готов, далеко заметен в тундре и назван самоедским именем «Хассейнто-гард», или «Луце-гард», что значит «Русское селение на озере Хассейн-то».

Гости. То и дело в «Хассейнто-гард» навевывались окрестные самоеды. Их радушно принимал завхоз и угощал чаем. После десятой чашки гости закуривали и спрашивали через переводчика:

— Почем песцов принимаете?

— Каких песцов? — недоумевал завхоз.

— Твой товар, мой песец! — говорил гость, доставая из-за пазухи малицы мятую шкуру песца.

— Да мы не купцы! — отвечал завхоз, отводя руку с песцом.

— А кто же вы? — искренне в свою очередь недоумевали теперь самоеды.

— Путешественники! Ученые, — старался завхоз через Антона Павловича разъяснить гостям цели и задачи Гыданской экспедиции. Гости недоверчиво качали головой, нерешительно прятали песка в мешок и говорили:

— Ты не беспокойся. Мы цену хорошую дадим. Нам сахар, масло шибко надо...

Вешний песец. Река, покрытая сверх льда обширными лужами, по выходе из озера делает крутой поворот к югу, теряясь вдали среди невысоких холмов. Прибрежная тундра полна следов стоявших здесь чумов, выжженных на мху кострищ, ям для хранения рыбы, рыбьих костей и гусиных перьев.

На другой стороне озера иногда видны бегающие по скользкому льду низкорослые песцы. Однажды зоолог увидел среди карликовых кустарников в кочкарнике подозрительное снежное пятно. Держа ружье на изготовку с взведенным курком, он подбежал к пятну, оказавшемуся песцом, издохшим от неизвестной причины. Зоолог тотчас же снял с песка шкуру, но она была уже внешней, шерсть лезла из нее, а мездра была черной не только на лапах, но и на хребте. Видимо, песец пал недавно. Зоолог отрезал голову для научной коллекции, бросив ненужную песцовую тушку.

Кладбище. Ботаник на берегу посиневшей реки обнаружил кладбище.

На мысу против нашего лагеря находились два женских погребения. Как обычно для безлесной тундры, погребения состояли из невысокого могильного холмика, под которым виднелись доски и береста, едва прикрывающие покойника в истлевшей одежде. Над могилой — деревянные воротца с колокольцем от парадных женских нарт на перекладине. Тундровый ветер невидимыми руками колыхал колокольчики и вызванивал какую-то тихую мелодию. Здесь же брошен дырявый котел, поломанные нарты, изорванная упряжь, кости съеденного оленя. Самоеды считают, что покойника должна сопровождать на тот свет также «мертвая», то-есть изломанная рухлядь.

Пернатые друзья. Тундра оживляется. У нас появились неожиданные пернатые друзья — стайки поморников, которые напоминали ворон своим темным оперением со светлым брюхом. Поморники совершенно безбоязненно уничтожали выброшенное зоологом мясо песцов, гаг, внутренности гусей и прочие отбросы кухни. Климат тундры таков, что в нем процессы гниения весьма затруднены. Труп полярной совы лежал у нас в полной сохранности около двух

недель и только подсох. За обладание трупами птиц и песцов поморники затевали шумные драки с чайками, обычно кончавшиеся победой первых.

Капкан в гнезде. Гуси разделились на пары. Они сидели в гнездах, помещавшихся среди кочек на земле. У гнезда обыкновенно находились оба родителя. Бродя по тундре, мы нередко спугивали этих больших птиц и забирали их яйца.

Однажды обнаружили гнездо гуся у самого лагеря. Чтобы поймать добычу, зоолог поставил капкан около гнезда, тщательно замаскировав его землей и мхом. Так делают самоеды, добывая гусей и лебедей.

Вскоре показался гусь. Он тревожно подлетел к коварному гнезду и, заметив на месте все свои яйца, спокойно опустился на землю. Капкан щелкнул, но гусь смог вырваться и с гоготом полетел к северу, испуганно рассекая белыми сильными крыльями прозрачный воздух. На другой день приехавшие к нам в гости самоеды наткнулись на гнездо и забрали яйца.

Озеро Хассейн-то и его древние обитатели. Священный самоедский холм, заросший травой, возвышается на краю полого склона, размытого водою озера. На холме валяются нарты, обломки жердочки, на которой сидели семь маленьких остроголовых сядея. Около черных кострищ белеют оленьи рога, высушенные ветром.

С холма хорошо видно все озеро Хассейн-то с большими снежными сугробами на береговых обрывах. В песчаных обрывах много гальки, крупного плавника, морских раковин и разных костей. Из отложений послеледникового времени геолог выкопал большую кость и, держа ее высоко над головой, спросил нас:

— Чья это кость?

— Оленья! — сказал топограф.

— Нет. Животное, которому принадлежат подобные кости, живет в более южных широтах.

— Ну, лошади.

— Еще южнее.

— Что же по вашему, — буркнул топограф, — здесь, на берегу Хассейн-то бродили верблюды?

— Может быть. Это кость носорога...

Все осмотрели кость носорога, обитавшего здесь несколько тысячелетий тому назад вместе с мамонтом.

Весенние метели. Весна обманчива, и 3 июня вдруг налетел северный ветер, намел сугробы снега, и с жалобным стоном понеслись на юг обманутые чайки. Мы спустили ан-

тенну, чтобы штормовый ветер не сорвал радиомачты. В углы палаток нанесло все-таки снега, несмотря на то, что мы пользовались в это время «нансеновским рукавом» и принимали все меры предосторожности.

Назавтра метель улеглась, подул теплый южный ветер и солнце уничтожило выпавший снег. Но погода весной в тундре переменчива, и не раз еще менялся ветер — то нанося снег или крупу, то разгоняя облака от солнца, стоявшего на небе день и ночь. Бывали дни, когда ветер за сутки обходил все страны света, надувая то одну, то противоположную стенку палатки.

Б л у ж д а н и я т о п о г р а ф а. Топограф вышел в 3 часа дня на охоту в направлении к северо-востоку от лагеря. Вскоре убил куропатку. Рядом с ним, перелетая с кочки на кочку, печально кричал полярный куличок, так гармонирующий с унылым ландшафтом тундры.

Топограф обогнул небольшое озеро, изрезанные внешними водами берега которого имели вид зубчатой старинной крепостной стены. Неожиданно из-за стены выбежал песец и, подняв острую мордочку, остановился, глядя узкими глазами на топографа с ружьем. Топограф дуплетом выстрелил в песца и подбил ему заднюю ногу и живот. Песец ковылял на трех ногах, пытаясь прилечь. Топограф, зарядив ружье, снова выстрелил в песца. Дробь вырвала пучек мха. Песец упал, дергаясь конвульсивно. Топограф прицепил песца за спину и, израсходовав безрезультатно последний заряд в гуся, сидевшего на снегу, отправился к лагерю. Вскоре он увидел шесть песцов, еще не окончательно вылинявших. Они бегали парно, выделяясь белым цветом шкур на фоне проталин и серея на фоне снега, так как их мех был все-таки темнее снежной белизны. Топограф инстинктивно сдернул ружье с плеча, но вспомнив, что зарядов нет, только крикнул на песцов. Побродив еще немного, он направился домой.

Ландшафт равнинной тундры необычайно однообразен. Это — цепи плоских, невысоких холмов и болотистых низин, похожих в своем чередовании на волны бурного моря. Иногда мелькнет снежная поверхность еще не оттаявшего озера или речка, за которыми следуют такие же другие, и так без конца. Чтобы не заблудиться, нужно быть самоедом или непрерывно следить за компасом. Топограф в погоне за песцами забыл про него и вскоре почувствовал, что дело неладно. Прошло уже несколько часов, а берега реки, к которым направлялся топограф, не показывались. Неожиданно выглянуло солнце. Топограф по часам и солнцу проверил компас.

Было шесть часов утра, значит топограф бродил уже целую ночь. Очень хотелось есть, усталые ноги ломило, а приходилось перескакивать множество глубоких долин и оврагов. Невыносимый голод заставил топографа очистить убитую вчера куропатку и вырезать из груди несколько кусочков мяса. Но, съев кусочек, он почувствовал отвращение. По оврагам и долинам лежало еще много снега, верхняя корка которого уже не выдерживала тяжести человека, и топограф то и дело проваливался в снег. Топограф устало брел вперед, утоляя жажду снегом, льдом из лужиц, пытаясь увидеть на горизонте радиомачты или характерные берега озера Хассейн-то. Поздно вечером он заметил самоедов. Они под'ехали к измученному топографу с землистым лицом и предложили ему сесть на нарту.

Самоеды направлялись в гости к соседям, но по пути решили посмотреть «Хассейн-то-гард» и напиться там сладкого чаю.

Прощание с очками. 9 июня—пять градусов тепла. За рекой в лужицах приятно гогочут гуси. С противоположного берега спустился песок и побежал по льду прямо к нашему лагерю. Мы схватились за ружья, но песок тотчас же скрылся. Мы вытащили из палаток одежду, обувь и просушиваем их на теплом солнце. Вокруг колокольчиками звенят кулички, с песней взвиваются над тундрой полярные жаворонки, крикают недавно прилетевшие острохвосты и заливаются авлейки.

— Аулы, аулы, аулы...

По-самоедски «яулы» означает беда. Самоеды смеются и говорят:

— Почему кричит — беда? Никакой беды нет. Весна — сытое время!

В нашей еде гуси сменяются зайцами, зайцы — куропатками. Зоолог не успевает препарировать подносимых ему со всех сторон убитых птиц и зверей. Неистово стонут гагары. Не даром самоеды называют их «нюни». Пищат отдельные комары. Плавно несутся к берегам полуночного моря важные гаги в необычайно красивых и пышных брачных нарядах. И под неумолчный шум разлившихся ручьев мы расстаемся с надоевшими очками.

Краснозобые казарки. Убили краснозобую казарку и обнаружили ее пуховое гнездо с крупными яйцами. Эти красивые птицы с кирпично-красными шеей и грудью замечательны тем, что район их летнего обитания и гнездовья

очень невелик: с южных берегов Каспийского моря они прилетают лишь в Гыданскую тундру и на полуостров Ямал.

Краснозобые казарки интересно приспособились к борьбе с хищным песцом, безжалостно разоряющим птичьи гнезда и поедающим яйца. В тундре нет деревьев, все гнезда на земле и беззащитны против острых зубов блудливой росомахи и хитрой полярной лисицы — песца.

Казарки устраивают свои гнезда в соседстве с храбрым и сильным соколом-сапсаном. Воинственный сокол не трогает

Наши охотники с добычей.

их, а песец и росомаха не смеют подойти к гнездам казарок, зная, что клюв и когти сокола жестоко расправятся с разбойниками.

Действительно, рядом с колонией казаркиных гнезд мы нашли на крутом обрыве гнездо сокола с тремя красными яйцами. Невдалеке валялись головы турухтанов и перья других птиц.

Первое плавание. Завхоз и Росляков заняты ремонтом купленной нами у Ачи-Яр маленькой лодки, так называемой ветки. Она сшита из трех досок, управляется двухлопастным веслом и свободно перевозится на нартах, так она легка. 20 июня мы впервые спустили на мутную воду ветку и переехали через вскрывшуюся реку, часть льда которой, примерзшая ко дну, не всплыла еще кверху. Лед огромными

кусками с шумом выныривает со дна, вынося с собой песок и ил.

Мянгачи Яр приехал в гости на четверке оленей, выбирая путь по мокрым низинам, где легче скользить нартам. Мянгачи долго смотрел на «ветку», вытащенную на берег, и, потрогав пальцем ее днище, залитое смолой и варом с блестящей жестяной заплатой, спросил:

— Это что такое?

Он никогда не видел смолы и вара. Когда завхоз об'яснил ему их назначение, Мянгачи поспешно уехал к чумам и вскоре вернулся на свежих оленях, привезя в починку и свою лодку. Росляков развел костер и начал варить в жестянке из-под керосина смолу. В это время неожиданно упала радиомачта, вырвав кол.

— Скоро лето! — сказал завхоз вздрогнувшему Мянгачи, — земля оттаяла. Кол не держит.

Тундра зеленеет, распустила свои клейкие листочки ползучая полярная березка, а по краю болотец вылезла ярко-зеленая щетина осоки. На южных склонах подгоняемые незаходящим солнцем, под жужжание шмелей, писк комаров и веселые крики птиц вырастают почти на глазах привлекательные арктические цветы: белые пучки крупок, желтые маки, звездочки дриад и пушистые сережки ив. На сухих холмах повсюду видны плотные лиловые кисти душистой паррии.

Найденный капкан. Зоолог шел с топографом по тундре. Вдруг они увидели мертвого канюка — хищную птицу, обе лапы которой оказались защемленными в капкан.

— Капкан! — воскликнул зоолог, подняв канюка. — Мой капкан! Вы помните, я говорил, что неделю тому назад не досчитался одного из маленьких капканов, расставленных вокруг лагеря на леммингов? Вот он, этот капканчик! Я думал, что его утащил случайно попавший песец.

Видимо, канюк, охотясь на леммингов, попал в капканчик, сумел подняться с ним на воздух, пролететь два-три километра, но затем погиб от голода со скованными ногами.

Канюк — самая обыкновенная хищная птица тундры. Его уютное гнездо — просто ямка на земле, устланная сухими веточками кустарников — нередко попадалось нам на обнаженных от дерна склонах холмов. Около гнезда иногда лежали трупы леммингов, которые канюк складывает про запас, когда его прожорливые птенцы сыты.

У д е р. Весна закончена... Наступил удар — пора ловли рыбы сетями. Самоеды массажи промышляют ее в оттаявших озерах, соединенных с Хассейн-то речками, и в самом Хассейн-то. Ледяная броня его откололась от берегов и распалась на несколько километровых кусков. Ветер то подгоняет лед к истоку нашей реки, то отгоняет обратно.

Ачи Яр поймал около 200 огромных нельм. Несколько штук привез нам, рассчитывая променять на сухари, но у нас са-

Нирче неводит на Хоссейн-то.

мих некуда девать рыбы, которая копится в снежном сугробе. Зимние метели позаботились устроить для нас естественный погреб близ самых палаток, под яром. Мянгачи также в благодарность за починенную лодку привез много семги, сига. Сиг мы едим «айбат», то-есть сырыми с солью, срезая посамоедски мясо с костей длинными пластами. Это туземное лакомство нравится всем. Мянгачи жалуется на волков. Они напали на его стадо, и он должен был откочевать на другую сторону озера, ближе к нам. По словам старика, волки мстят ему за то, что он в прошлом году, найдя выводок волчат, подрезал им сухожилия на ногах. Самоеды делают это для того, чтобы волчата, выкормленные матерью, не могли осенью уйти от охотников. Операция была произведена неудачно, волчата к зиме превратились во взрослых зверей и теперь режут оленей своего обидчика.

О т п л ы т и е. Испробовали большую лодку на веслах и под парусами. Лодка оказалась в исправности, и мы начали

нагружать ее вещами. Часть вещей оставлена на берегу, сложена в балок и нарты, закрытые брезентом. Они будут здесь ожидать осеннего приезда завхоза. Самоеды обещали присматривать за вещами, чтобы росомаха не съела наших запасов. От людей оберегать в тундре нет надобности.

Лодка основательно загружена продовольствием, инструментами, снаряжением, кухонной и чайной посудой, ящиками с примусами, керосиновыми бидонами и личными вещами.

Руководителю экспедиции — ботанику — пришлось испортить не мало крови, торгуясь со своими спутниками из-за

Наше отбытие в Хассейн-то.

лишних вещей. Каждый старался забрать с собой побольше, стараясь не видеть, что лодка вот-вот начнет черпать бортами. Багаж вытеснил людей в узкую щель на корме, где за рулем сидел Росляков. Даже гребцы с трудом расчистили место, чтобы размахнуться веслами. Зоолог с ружьем взобрался на вершину брезентового горба, образованного вещами. Радиомачты и рыболовные сети пришлось погрузить в утлую лодченку — ветку, забуксированную сзади.

В 2 часа дня 28 июня под ружейный салют отчаливаем от лагеря, где провели целый месяц.

Так от Ленинграда мы еще раз изменили способ передвижения: нас мчали паровозы, везли мохнатые лошаденки и круторогие олени.

А теперь под мерное всплескивание весел мы медленно плыли по воде...

XI. На веслах и парусом до морского залива

Исчезнувшая река. По какой же реке плывем мы? Что это за извилистая с низкими берегами река, постоянно делающая восьмерки и текущая параллельно только-что пройденному самой пути?

Реки Гыды не оказалось на месте, указанном на картах. Да ее и не могло быть, потому что реки Гыды не существует в природе и течет она пока что только на географических картах. Из озера Хассейн-то вытекает река Хассейнто-се («се» — по-самоедски означает реку, вытекающую из озера, «ям» — залив моря, большая река). В прошлом году самоеды не понимали завхоза и, говоря ему о Гыда-ям, разумели не реку Гыду, а морской залив Гыда-ям.

По реке Хассейнто-се. Дует противный северо-восточный ветер, и движение лодки очень замедлилось. Сильные волны захлестывают лодку, а ветер яростно бьет в горб нашего верблюдообразного судна.

Зато, когда река поворачивала на юго-запад, шли довольно быстро, подгоняемые попутным ветром и течением.

На ночевку остановились в большом, укрытом от ветров заливе реки. К утру поставленные сети угостили нас щокурами, которых по обыкновению съели сырыми. За день стоянки завхоз прибил брезенты, покрывавшие вещи, к бортам лодки, чтобы захлестывающие волны не оставались в лодке, а скатывались по брезенту обратно. Насколько возможно, разгрузили наше судно, разбив объемистые ящики из-под керосина, а керосин в жестяных бидонах просто был уложен на дно. В полдень раздался крик ботаника:

— Солнечное затмение!.. Давайте темные очки!

Мы надели весенние темные очки и, наблюдая за этим не совсем полным затмением, посмеивались над геодезистом, позабывшим своевременно предупредить нас об этом небесном, подведомственном ему явлении. Зоолог ушел в тундру к найденному вчера топографом гнезду куропатки. Но найти его оказалось нелегким делом. Топограф смущенно водил зоолога из стороны в сторону и бормотал:

— Вот здесь оно было. Вот эта кочка как раз приметой была.

— Хм! — говорил зоолог, смотря себе под ноги, — гнездо куропатки не иголка.

Куропатка, благодаря своему пестрому оперению, незаметно сидела в гнезде в зарослях лишайников, неподвижно прижавшись к земле. Только после долгих поисков охотники, едва

не раздавив куропатку ногами, наткнулись на это укромное скрытое гнездо.

В светлую полночь песец в недоумении остановился на противоположном берегу, заметив незнакомые и непривычные его глазам постройки. Постояв некоторое время, он сел на самом берегу и долго-долго смотрел на нас — странных пришельцев.

Берега реки Хассейнто-се то очень низки, с кустарниковой болотистой тундрой и многочисленными заливными озерами, то возвышаются на 2—3 метра крутыми обрывистыми ярами. Близ одного из яров во множестве летали красивые краснозобые казарки, а высоко в небе с резким криком кружился сокол — охранитель их гнезд. Подобные места самоеды называют «сяку-надо», то-есть яр краснозобых казарок.

Встреча с самоедами. На четвертый день нашего пути заметили на горизонте два чума. Это первые самоеды, встреченные нами на Хассейнто-се. Едва мы пристали к берегу, как самоеды явились в гости, держа в руках подарки — сигов и шокуров.

Самоеды не видели, как завхоз достал из своих нарт примус, взболтнул его прислушиваясь, есть ли в нем керосин, поставил на ящик в палатке и разжег примус. Примус роскошно зашумел, как дождь, и лепестками ромашки белое сильное пламя охватило его оранжевую горелку. Завхоз налил в чайник воды и поставил его на примус.

В это время, неслышно ступая по мху ногами, обутыми в оленьи пимы, подошел один из самоедов. Он в крайнем изумлении смотрел на гудящий примус, обошел вокруг него и спросил, указывая пальцем:

— Это что? А?

Росляков перевел.

— Примус, друг! — весело отвечал завхоз, стоя на коленях и подкачивая примус.

— П-р-и-м-у-с? — с трудом выговорил самоед неслыханное никогда им слово и, не сводя глаз с примуса, присел на корточки рядом с завхозом. — Ой как хорошо!

— Да уж лучше вашего костра!

— С костром худо! — сразу охотно согласился самоед. — Богатый, тот может хоть плавник с моря везти, а у бедного лишних нарт и оленей нет.

— Знаю, знаю, — махнул рукой завхоз, — как у вас тут дрова ценятся. Я от Хальмер-седе вывез десять нарт с дровами для экспедиции и обошлись они нам в 250 рублей. В 250 рублей! А в десяти нартах и двух саженьей не наберется.

Самоед плохо слушал завхоза. Он, не мигая, созерцал примус и, все еще не веря, тихонько поднес палец к розетке огня.

— Ух, как палит! — восторженно вскрикнул он, сунув обожженный палец в рот.

Самоед крикнул товарищам и проходившим мимо самоедкам, которые точно детей, несли на руках пухлые вязанки хвороста. Грязные пальцы у самоедок были в крови — они исцарапали их, вырывая с корнем и ломая тугие березки и ивы. Самоед быстро заговорил с собравшимися, жестикулируя и показывая на примус. Одна из самоедок, заглядевшись, спустила руки и рассыпала хворост.

— Не верят! — сказал самоед завхозу. — В костре огонь большой, а это маленький, ему не согреть воду!

— Даром, что маленький огонь! — сказал завхоз. — А он сильнее вашего костра. Вот гляди, пять минут тому назад поставил чайник:

Завхоз поднял крышку и оттуда вырвался пар.

— Слушай — тихо сказал самоед, — продай мне. Чай хорошо греть!

— Еще бы, — присвистнул завхоз, — многие самоеды просили его продать. Кончится экспедиция, пожалуйста!

Самоед снова присел к примусу и, глядя на него, как на диговинную птичку в клетке, повторил:

— Продай! Я песца дам.

— Чудак человек! — обратился за сочувствием завхоз к самоедкам, не понимавшим по-русски ни слова. — Сказано, вот кончится экспедиция, приезжай на фабрику, сколько стоит по описи, столько и заплатишь.

Завхоз повернул винтик, примус задышал медленнее, а потом умолк совсем.

— Хае! (Умер!) — хором воскликнули самоеды.

Завхоз закрутил винтик, подкачал примус, поднес спичку в возникшему дымку, пламя рванулось вверх и примус ожил, загудел.

— Регулятор, понимаешь? — об'яснил завхоз, погасил примус и снял чайник.

Мы угостили самоедов необыкновенным «примусным» чаем.

— Вы хорошо выехали с озера, — сказали за чаем гости, — а то река Хассейнто-се очень мелкая. Летом ее можно перейти вброд...

Мы не могли с этим не согласиться, так как часто сами садились на мели.

— А сколько ходу до Гыданского залива? — спросили мы.

— Два дня, — ответили гости, заливая куски топленого масла чаем.

Ночь тихая, и несмотря на это, не слышно писка комаров.

— Температура около трех градусов! — сказал ботаник.

— Откуда вы знаете? — спросил его геодезист, держа в руке градусник.

— Комаров нет. Они прекращают свою деятельность при температуре ниже 3—4 градусов.

Жертвенное место. Недалеко от чумов, на краю крутого, высокого склона расположено жертвенное место. Здесь

Жертвенное место.

навален белый сугроб оленьих черепов, покрывшихся лишайниками. Есть среди них и свежие, с засохшими остатками мяса. В кучу воткнуты лиственницы, а на их ветвях — мешочки с волосами жертвенных оленей. Около поломанных нарт висит старый обод шаманского бубна. С жертвенного места открывается вид на беспредельную низину, за которой на горизонте белеет ледяная поверхность озера Ямбу-то. Там когда-то академик Шмидт раскопал своего мамонта.

Орел. Опять пришли самоеды и принесли продавать мертвого орла, пойманного в капкан. После долгой торговли они уступили его за серебряный полтинник зоологу для коллекции и охотно сели пить сладкий чай с сушками и маслом.

— Не может ли кто-нибудь сопровождать нас до Гыданского залива? — спросил гостей ботаник.

Гости отрицательно покачали головами, а самоед Телипти Ябтунгай показал на большой брезент и сказал:

— За него я бы провел вас до залива.

Но брезент нужен нам, и мы одни двинулись дальше по широкой реке и скоро достигли озера То-нгаева, пройдя таким образом всю реку Хассейнто-се, соединяющую озеро Хассейнто и То-нгаева.

Под лай п е с с а. И ночью не прекращается жизнь тундры. В полночь, если погода теплая и ясная, на северных склонах, освещаемых полуночным солнцем, гудят шмели и пищат комары. Днем же они распространяются по всей тундре, и особенно оживлены южные склоны, сильно нагретые теперь полуденным солнцем. Комаров при тихой и теплой погоде появилось столько, что пришлось надеть сетки. Но это все-таки не те тучи комаров, которыми так изобилует лесная полоса Сибири. Не даром самоеды стремятся со стадами к Ледовитому морю. Достаточно подуть слабому ветерку с севера, чтобы здешние комары присмирели.

Бледное зеркало воды раскинулось перед нами поздно вечером 7 июля, когда мы покинули реку и вступили в озеро То-нгаева. Тихая погода сулила легкое плавание нашей грузной лодке. Мы спешили пересечь озеро, пока не поднялся ветер, но не тут-то было. Едва Росляков направил лодку к высокому яру на южном берегу озера, где на фоне неба четко рисовались силуэты 4 чумов, окруженных стаей нарт, как дно лодки мягко уткнулось в илистую мель.

Как мы не меняли курса, чумы оставались недостижимыми. Самоеды заметили наше затруднение и выслали две ветки, чтобы указать нам фарватер. Но помощь оказалась бесполезной, в чумы мы так и не попали.

Целую ночь мы устало шлепали веслами, пересекая озеро, натыкались на мели и спешили при начинавшемся утреннем ветре войти в узкую глубокую протоку, где можно было, наконец, пристать к доселе недоступному берегу и раскинуть палатки.

Плывя вдоль обрывистых берегов озера и держась от него на значительном расстоянии вследствие отмелей, слышали вдруг звенящий собачий лай. Сначала подумали, что это скрипят уключины, но, прислушавшись к лаю, стали смотреть на берег и увидели, что там сидит песец и лает на нас. Он еще долго продолжал следовать за лодкой, останавливаясь, присаживаясь и оглашая своим лаем пустынную тундру. Песец был темного цвета, уже сбросивший целиком свой белый зимний наряд. Благодаря защитному костюму, мы не сразу и отыска-

ли песка на берегу. Так хорошо он сливался с буроватым фоном тундры.

Немного дальше наше внимание привлекло яркое сиреневое пятно на краю обрыва. Оно было похоже на большой куст сирени, покрытый цветами. Лишь, подплыв ближе, распознали, что это скопление одного из самых сильных красивых весенних растений тундры — паррии.

Петля Салендер. Через два дня выехали в пустой лодке под парусами в гости к соседнему самоеду Петле Салендер. Слово «Салендр» значит — «человек, пришедший с Оби». Этим именем называют многолюдный род осамоедившихся остяков, жителей Оби. Они забыли свой язык, приобрели нравы своих прежних врагов и кочуют с оленями как самоеды по тундре. Около чумов Салендера — священное место. На трех палках качаются две высохших от ветра рыбы, а на земле лежит камень, обильно политый рыбьим жиром. Это остатки жертвоприношения перед рыбными промыслами. Здесь же куча оленьих рогов с воткнутыми листовницами, которые самоеды везли для этой цели несколько сот километров.

На яру — пестрые чумы, покрытые замшевыми нюгами, нижняя часть их имеет еще покрывку из бересты, сшитую в полотнища. В чуме досок не постлано, оленьи шкуры лежат прямо на сухой земле. Костер из полярной березки тлеет в яме, вне чума, чтобы не разводить в нем надоевшего за зиму дыма. Петля живет сравнительно чисто. На чайные чашки нет надобности плевать, они и так блестят. Леска и варка из рыбы также не вызывают отвращения. Сушеная рыба висит гроздьями в чуме и, когда горит костер, она и коптится и высыхает одновременно. Около чумов сбились в кучу 200 быков и важенок с телятами. Позже они ушли под присмотром человека и собак кормиться в тундру. Мы приехали в период усиленной неводьбы, когда мужчины работают целыми сутками, а у женщин от чистки рыб ногти сходят с коричневых пальцев. Тотчас же после нашего приезда послали нарту за ближайшими соседями из рода Салендер и Ядни, чтобы они прибыли для совещания о перевозке нашего груза осенью с Хассейн-то на реку Юрибей, где будем осенновать.

Петля Салендер — веселый, очень толковый старик, усиленно угощал варкой, показывая сам в этом пример. Он руками брал варку с блюда и засовывал ее в рот, причмокивая жирными губами. Хозяйка раскатала в грязном плоском корыте лепешки из теста и, поджарив их на рыбьем жире, предложила нам.

Петля оказался сговорчивым и сразу согласился на наши условия.

— Но только бумажных денег не надо! — добавил он через переводчика.

Мы показали ему серебряные полтинники, и он закивал утвердительно головой. Прощаясь, завхоз одарил всех самодов конфетами и монпансье.

Н г ы д а. Опыт плаванья по озеру То-нгаева показал, чем мы рискуем, если попробуем идти дальше в перегруженной лодке. Малейшее волнение среди широкого водного пространства могло потопить нас. Поэтому мы выгрузили на берег половину нашего имущества, тщательно укрыв его брезентом.

Стада Селендера. У некоторых оленей не совсем еще вылиняла шерсть.

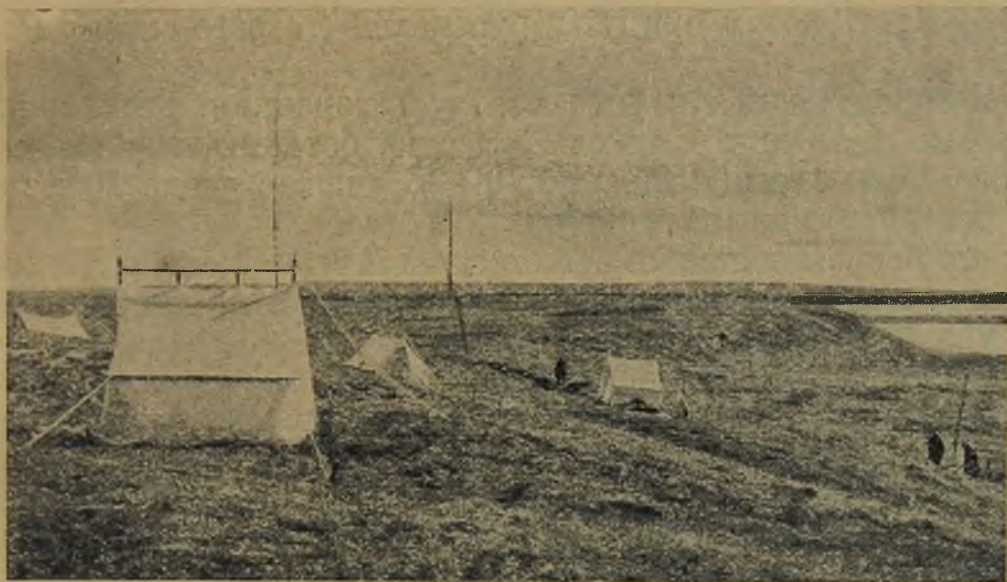
15 июля после обычных долгих сборов поставили парус, и довольно сильный боковой северный ветер погнал нашу облегченную лодку вниз по проточному озеру То-нгаева.

Вскоре озеро разбилось на широкие рукава, разделенные низменными островами. Только искусство нашего кормчего Петли Салендера помогло двигаться вперед, минуя мели. И то при переезде на левый берег буксируемая ветка с радиомачтами, кольями и сетями была залита водой настолько, что связку кольев и мелкие доски вымыло волнами из нее и унесло. Озеро вытянулось в узкую глубокую протоку, соединяющуюся с Гыданским заливом.

Вечером подошли, наконец, к самому узкому месту протоки, так называемой «Нгыда», откуда уже начинался собственно морской Гыданский залив.

Свое наименование залив получил от этой перемычки «Нгыда». Имя это старое, многие самоеды забыли его и нам стоило не малых трудов выяснить его истинное значение.

В старину, когда самоеды не имели еще огнестрельного сружия, а пользовались луками, им приходилось особенно

На озере То-нгаево.

ухищряться, чтобы убить осторожного «дикаря» — дикого оленя. Заметив стадо, охотники быстро об'езжали его, расставляя палки с навязанными крыльями гусей, а затем гнали испуганных животных к засаде, где в снежных окопах таились вооруженные луками стрелки. Эти снежные прикрытия, собственно, и назывались «нгыда».

Нгыда — место весьма священное для самоедов. На яру стоит шест с грудой оленьих черепов при основании и сломанные нарты. На вершине шеста белеет древний череп. Прежде на яру был ворох черепов диких оленей и много нарт, но они свалились в воду с размытого берега, а на священном месте начала накапливаться новая куча.

С яра видна на севере широкая полоса воды Гыданского залива, а к югу идут обширные озерные низины, прерываемые остатками материков в виде высоких холмов.

На одном из таких холмов вытянулись в ряд девять чумов. Мы разбили лагерь на низком песчаном берегу по краю болотистого заливного луга.

XII. По заливу до реки Юрибея

Утром девять чумов, остроконечными шапками маячившие на горизонте, исчезли, словно растворившись в чистом летнем воздухе. Антон Павлович и работник Нирчи отправились на поиски чумов. Они нашли в устье небольшой речки два чума. Сизый дымок от потухавших костров выдал месторасположение чумов. Женщины встретили Рослякова и, прерываемые лаем собак, сказали, что все мужчины уехали ловить рыбу.

— Пусть потом придут к русским! — строго сказал Росляков.

Вечером, когда с залива потянуло холодком, к нам явились два самоеда. Один из них подал руку ботанику и сказал:

— Ани-дарова! (Здравствуй!) Я уж вас знаю. Я вез тебя до Хальмер-седе от тунгусов.

Это был наш старый знакомец — Ары Салендер. Самоеды, подогнув ноги, сели пить обязательный чай и, чавкая, говорили между глотками:

— Мы сами здесь первый раз.

— А как путь до реки Юрибея? — спросил через переводчика завхоз, наливая еще чаю самоедам.

Они покачали лохматыми головами и отговорились незнанием. Виденные нами вчера девять чумов принадлежат их же группе малооленных самседов. Малооленные бедняки часто соединяют вместе свои скудные стада. Вместе им легче охранять убогие богатства от хищных волчьих зубов. Летом, когда начинается неводьба и каждый человек нужнее на берегу, чем у стада, они выделяют к соединенным стадам общих пастухов.

— А кто знает побережье залива? Есть такие? — спросили мы.

— Есть, есть! — закивали головами самоеды и обещали через три дня прислать проводников, уже мочивших свои весла в пресных водах залива. Беседа прервалась показавшимися вдали нартами. Рога четверки сытых оленей отчетливо выделялись на фоне розовевшего неба. Наш кормчий—старик Петля Салендер — допил последнюю чашку и сказал, вставая:

— Сын едет.

Старик простился с нами до осени.

В соседстве с лебедями. Часть груза оставалась еще на прежней стоянке, и за ним отплыла лодка. Неблагоприятный ветер дул с залива, косматая волны с белыми рваными гребешками. Но скоро ветер переменился, и лодочники.

не налегая на скрипевшие уключинами весла, распустили парус.

Этим они привлекли несколько лебедей, долго кружившихся над ходко шедшей лодкой. Лебеди, видимо, очень заинтересовались неизвестной белой и странной птицей, еще более огромной, чем они. Подстегиваемые любопытством, они подлетали на расстояние ружейного выстрела, но наши стволы, черневшиеся у мачты, были заряжены только мелкой дробью, безвредной для лебедей. И, заглушив инстинкт охотника, мы молчаливо наблюдали восхищенными глазами за медленным полетом этих прекрасных птиц.

Выборы проводника. Окрестная тундра несет следы продолжительной пастбы оленей, местами мох совершенно выбит копытами до земли, повсюду сереют клочья шерсти линявших оленей. Попадают чумовища многих чумов, видимо, недавно ушедших отсюда. Наталкиваемся на прикрытые сверху оленьими шкурами и высохшими ветвями полярных березок нарты, кучи тальника, запасенного для топлива, придавлены кусками дерна, чтобы озорной тундровый ветер не раскидал их по тундре и не вымочил в бесчисленных озерах.

Неожиданно наш лагерь наполнили самоедские голоса. Много самоедов приехало для выбора проводника. Завхоз радушно встречал гостей, но его радушие было обратно пропорционально количеству продуктов, которых явно нехватало, так что мы уже поговаривали о назначении определенного пайка. Самоеды пили чай, ели вермишель, которую нам по ошибке высылали из Красноярска вместо макарон, и похваливали отличное масло.

Но, видимо, вопрос с проводником у них решен заранее, так как удалось довольно быстро сговориться о поездке с нами брата Ары Салендера за плату 4 рубля в сутки.

Дождь и комары. Дождем встретил нас следующий день. Сидели в палатках, слушали однообразную мелкую дробь дождя и от скуки занимались перечитыванием старых газет, взятых в качестве оберточной бумаги для коллекций. Вероятно, никогда еще газеты не находили себе столь внимательных читателей. Топограф, упражняя свою память, заучивал наизусть скромные объявления о сдаче комнат и продаже мебели в стиле Людовика XIV.

— А все-таки хорошо! — сказал всегда жизнерадостный завхоз, входя в палатку и стряхивая дождевые капли.

— Что ж хорошего? — печальным хором отозвались его сожители.

— Комаров мало! Ну, бывают здесь скучные дожди, обрекающие на бездеятельность, но вообще здесь чудно! Вспомните, как некоторые из вас страдали из-за комаров хотя бы на Полярном Урале?

— Как дым, их бывало, — сказал ботаник. — Кажется, у меня до сих пор шея от них чешется.

Да. А сейчас мы, если и пользуемся сетками, то положи для спанья даже и не разворачивали еще.

Новый лагерь. Лодка вошла в залив, сразу расширившиеся до 10 километров. Залив, вода которого сделалась более прозрачной и зеленой, как будто ограничен холмистыми коренными берегами с обрывистыми оснеженными ярами. На самом деле вода отделяется от коренного берега широкой полосой болотистой низовой тундры, покрытой многочисленными озерками и извилистыми протоками из них с илистыми бережками. Перед низменными скрытыми берегами залив мелок и при отливе желтеет отмелями. Для того, чтобы прислать к берегу, надо найти русло впадающей в залив речки. Заметив одно из таких узких и извилистых, но довольно глубоких русел, вошли в него, и лодка мягко ударилась о берег заливного луга, казавшегося цветником от белых пуховок пушицы.

Но этот цветник не для гулянья. Его почва настолько пропитана водой, что хлюпает под ногами. Едва нашлась сухая площадка у самого берега, чтобы поставить палатки.

— Вставайте скорее! — кричал на другой день рано утром ботаник. — А то подмокнете!

За ночь переменялся ветер и нагнал из залива такую массу воды, что она уже лизала веревки, удерживающие палатки, а лодка чуть-чуть не тыкалась носом в стенки. К счастью, начался отлив и вода постепенно спала.

Опасаясь нового наводнения при северном ветре, переправили часть багажа на повышенный край коренного берега, где расставил мачты радио геодезист.

Мимо проплыли две самоедских лодки с парусами из заплатаанных малиц и рубах. Они направлялись в протоки, чтобы там бить палками и ловить сетями линяющих, неспособных летать гусей.

Ссора этнографа и переводчика. Переводчик Росляков — довольно упрямый, самолюбивый старик — отказался работать с этнографом. Этнограф ради науки заставлял его выпрашивать у самоедов и самоедок всякие поверья и интимные обстоятельства туземной жизни.

Почтенный старик, которому и вообще-то пристало разговаривать с «бабами» не каждый день, обижался на эти распросы, а самоедки, краснея, кричали:

— Шамай! Шамай! (Грех! Грех!).

Росляков хитрил, видоизменял вопросы, за что этнограф и назвал его путанником. Это окончательно расстроило старика, и он явился с жалобой к руководителю экспедиции. В конце разговора Росляков сказал:

— Захворал я даже от этого. Нельзя ли мне хоть чашечку спирта. Полечиться!

Теперь этнограф торопит ехать скорее вперед и найти чумы молодого самоеда Петра Ядни, говорящего по-русски и, следовательно, могущего заменить Рослякова.

О х о т а н а н е р п у. Борясь с волнами, мы плыли вдоль левого берега залива. На одной из кратковременных остановок, когда еще красные ладони не остыли от гребли, из воды высунулась маслянистая голова нерпы, и черные любопытные глаза мгновение смотрели на нас.

Зоолог вскочил в качаемую волнами лодку, где находилось ружье — трехстволка, и когда нерпа вынырнула снова, он выстрелил. Удар пули и всплеск воды от скрывшейся нерпы показался нам одновременным. Но нерпа, резвясь и играя на вспененных волнах, выплыла еще раз, а затем скрылась окончательно.

Ночь стояли на берегу залива, не дойдя до устья реки Юрибея. Около палаток на теневой от полуночного солнца стороне белел иней, а замерзшая за ночь трава хрустела под ногами.

Неизвестное судно. Берег залива залит ярко сияющим на горизонте, не спавшим и ночью солнцем. С трудом сдвинули сильно обмелевшую в песке из-за отлива лодку. Днем заметили далеко на горизонте абрис какой-то лодки под парусами.

— Это не самоедская лодка, — сказал Росляков, взглядевшись из-под ладони в таинственный силуэт. — Сюда в прежнее время приходили какие-то суда. Они купали песка, выпоротка, и расплачивались товарами с клеймами не русскими.

Между тем судно, казавшееся темным пятном, скоро спроектировалось на фоне правого обрывистого берега, и парус его внезапно вспыхнул белым огнем, кроме того в бинокль можно было усмотреть, что судно буксирует за собою другую груженую лодку, покрытую сверху брезентом.

Судно быстро двигалось вдоль черного берега и вскоре скрылось в его извилинах.

Что это за судно, столь неожиданно встретившееся на нашем пути, мы так и не узнали. Быть может, это был и мираж, не редкий в тундре. Надо сказать, что воды Гыданского залива видели не только суда научных экспедиций, но и торговые пароходы. В 1880 году во льдах Гыданского залива погибли торговые суда — пароход «Оскар Диксон» и шхуна «Нордланд». Их гибели посвящена следующая глава. Она составлена по дневникам отважного шведа, капитана Нильсона. Дневник впервые появляется на русском языке.

ХIII. Гибель „Оскар Диксон“ и „Нордланд“

Пароход «Оскар Диксон» был построен в 1880 году на средства русского богача — промышленника Сибирякова. Хозяин предназначал его для торговых рейсов как по реке Енисею, так и для морского сообщения между Европой и Енисейской губой, поэтому пароход был снабжен винтом и колесами и очень сильной по тому времени машиной в 100 лошадиных сил.

19 августа 1880 года пароход «Оскар Диксон» вышел из Норвегии, имея целью пройти в Енисейскую губу и реку Енисей. Он вез груз, состоявший из частей двух небольших судов. В пути «Оскар Диксон» встретился со шхуной «Нордланд», везшей для парохода уголь.

Торговая экспедиция благополучно прошла сквозь льды Карского моря, но у мыса Мочуй-сале в Гыданском заливе льды обрушились с такой силой на «Оскар Диксон», что он сел на мелкое дно, где и остановился, несмотря на все усилия поднять его. Лед, который все время ворочался, ударялся о судно, отчего получался постоянный треск.

Когда убедились, что все старания проскользнуть к устью Енисея напрасны, решили здесь зимовать. Так как «Оскар Диксон» был из железа, а шхуна «Нордланд» деревянная, то постановлено было, что обе команды зазимуют на шхуне.

Начали спешно приспособлять шхуну для зимнего жилья. Доски и некоторые маленькие паруса брались для этого с «Оскара Диксона». С вершины мачты ясно было видно, что твердый ледяной мост соединяет корабли с берегом.

Часть экипажа отправилась на берег и водрузила там шест с сообщением, что судно застряло во льдах. Спустя некоторое время заметили в тундре одинокого самоеда. Преодолевая боязнь, подстегиваемый любопытством он под'ехал на оде-

нях. С грехом пополам об'яснились с ним и попросили его последовать на борт.

Иван Борра — так звали этого самоеда — отказался ехать, показывая что оленям нечего будет есть на льду. Его угостили, и он тотчас же помчался к своему чуму рассказать о замечательнейшем событии в его жизни.

Обратный путь до судна был тяжел. Приходилось тащить на себе санки с провиантом. Совершенно изнемогшие около полуночи моряки достигли судна, бросив, однако, на льду санки.

Между тем на шхуне стучали молотки и топоры, устраивая квартиры потеплее. Через несколько дней снарядили новую экспедицию, снабдив ее палаткой и провиантом на несколько дней. Важно было войти в сношения с туземцами и через них сообщить в Европу о тяжелом положении. Эта экспедиция обнаружила у шеста на берегу следы множества нартов, но не могла найти ни чума, ни самоедов.

12 октября назначили отправление экспедиции, которая должна была дойти до Гольчихи — первого населенного пункта.

Но утром подул сильный ветер, обледенелые мачты скрипели, лед ломался, вода поднялась, и суда, задрожав, пришли в движение. Никто не ожидал этой катастрофы. Машины «Оскар Диксон» уже были разобраны и часть груза, который перетаскивали на «Нордланд», была сложена на льду близ судна. Лед сокрушался с такой быстротой, что ничего не успели спасти. Капитан «Нордланда» прибежал на пароход за помощью. Но едва он влез на борт, как обратный путь для него оказался отрезанным. Беспомощные суда, сжатые ледяными клещами, вскоре из-за снежной бури были разлучены друг с другом. На «Оскар Диксон» всем, кто умел обращаться с машинами, было приказано в кратчайший срок привести их в порядок. К вечеру труба «Оскар Диксон» дымилась. Ночь застала судно у большой льдины. Были приготовлены лодки, роздан провиант, чтобы в случае ночной катастрофы прибегнуть к этим средствам спасения. Все были на ногах и ждали конца этой зловещей ночи.

К великому удивлению, утром увидели невдалеке шхуну, сплошь окруженную льдами. Команда шхуны перешла на борт «Оскар Диксон», так как «Нордланд» не имел достаточного провианта для зимовки.

Между тем пловучие ледяные поля остановились вокруг судна. Решили прорубить выход через них, чтобы опять попасть в открытое море. Зазвенели о лед томы и топоры, и

после двух дней работы удалось раскрошить эти ледяные массы.

Не было времени носить провиант со шхуны и, кинув на нее прощальный взгляд, отслютовав ей свистком, оставили бедную спутницу с бесполезными парусами.

Влачимые ледяным полем, вошли в залив Гыдаям и бросили якорь близ западного берега на расстоянии 3 километров от земли.

В поисках топлива пошли на берег и встретились там с самоедами. Помощью знаков договорились, что они довезут Сибирякова и еще нескольких моряков до какого-нибудь населенного пункта. Все немногочисленные шубы, которые находились на борту «Оскар Диксон», были отданы путешественникам.

Экипаж стал тремя меньше, т.-е. 24 человека. Снова разобрали машину и в то же время готовили на всякий случай галатку и спальные мешки для продолжительного тундрового путешествия. Весь провиант был взвешен и строго распределен на порции. Вокруг корабля возвели толстую снежную стену, так что железная обшивка не приходила в соприкосновение с воздухом. Переносная печка служила очагом. По ночам устанавливалось дежурство, и каждые четыре часа делались метеорологические наблюдения. Лимонная кислота и спирт, во избежание цынги, выдавались все время аккуратно.

С 12 ноября солнце не показывалось над горизонтом. Обычная одежда моряков мало защищала от холода, и каждый в свободное от работы время сшил себе еще добавочный костюм из парусины.

Мрак и звенящая тишина окутывали плененный корабль. От Сибиряковской экспедиции не получалось вестей. Порою налетали снежные бури. От холода на судне постоянно раздавался треск наподобие сильных ружейных выстрелов.

Новый 1881 год встретили на «Оскар Диксон». Между тем чудовищные массы снега накопились вокруг судна, почти каждый день его счищали с палубы, но как только поднимался малейший ветер, она моментально снова заносилась снегом. В середине каюты было 20—25 градусов тепла, а на стенах все-таки появлялась изморозь и лед. В темноте с великим трудом находили дровяные запасы из плавника на берегу, хотя между ними и судном были часто поставлены вехи.

С нетерпением ожидали вестей от Сибирякова и дня, когда снова покажется солнце

Последнее случилось 28 января. Солнце на мгновение блеснуло над горизонтом, но и это было большой радостью.

9 февраля снег был счищен с вентиляторов, и в первый раз в этом году в кают-компанию заглянул дневной свет. В этот день лампа не зажигалась в течение 5 часов.

В марте отправили на сушу палатку, провиант и одежду, опасаясь, что судно потерпит крушение при ломке льда. 23 марта во время сильного шторма вода вдруг стала проникать на внутреннюю палубу.

Оказалось, что так как железо имеет свойство не смачиваться льдом и снегом, то между пароходом и льдом образовалась щель, через которую и сочилась вода. Заделали все спуски, не давая воде попасть в склады и машинное отделение. В апреле снег падал в таком количестве, что с трудом можно было ходить между сушей и пароходом. От льда «Оскар Диксон» начал получать сильные боковые удары, иногда нельзя было устоять на ногах.

Мрачное настроение вдруг рассеялось тем, что в подзорную трубу заметили на горизонте множество оленей, мчавшихся прямо к судну.

Через час экспедиция, состоявшая из 2 русских, 4 самоедов, 38 оленей и 15 нарт подошла к пароходу.

Радость моряков была велика, но, к сожалению, они не могли разговаривать с гостями, так как не понимали ни по-русски, ни по-самоедски. Однако из их объяснений (знаками) выяснили, что путешествие было очень трудно. В темноте при снежных буранах они преодолели 2.000 километров. На оленей часто нападали волки, и многие из них были даже съедены волками. Экспедиция привезла шубы, продовольствие и оставила судно, взяв с собою почту. Пять моряков последовали за ними, чтобы через Обдорск отправиться домой.

Масса тюленей при ярком, продолжительном свете лежали вокруг судна на льду и грелись на солнце у края своих подушин.

В конце месяца прибыли сразу две экспедиции из Обдорска и Дудинского на Енисее. Последняя, имевшая до 1.000 оленей и 300 нарт доставила, кроме продовольствия, и уголь для машин. Шесть участников Обдорской экспедиции разбили свой чум на льду рядом с судном: до сентября они не могли пуститься в обратное путешествие.

Самоеды часто посещали моряков, снабжая тюленьим жиром и дровами. В июне отправили на север свою экспедицию с «Оскар Диксон», чтобы отыскать шхуну «Нордланд», но экспедиция безрезультатно вернулась спустя четыре дня. Ско-

лоли лед с бортов парохода и освободили от льда колеса и винты, в то же время привели в порядок машины. Вскоре самоеды перенесли свои чумы на сушу, и надледная вода разделила их с судном.

Чистили и красили пароход, ожидая ломки ненавистного льда. С вершины мачты зоркие глаза постоянно высматривали горизонт, пытаясь увидеть открытую воду.

25 июля лед затрепал, подломился, и около парохода засинела большая полынья. Судно освободилось от ледяного поля, и впервые за 9 месяцев и 8 дней винт вспенил воду и двинул корабль. Впереди была совершенно свободная вода, и пароход мог показать корму Гыданскому заливу. Но к вечеру плотный хоровод льда опоясал судно. Оно несло вместе со льдом.

2 августа подул мягкий южный ветер. Льды направились к северу. В подзорную трубу были видны угрюмые, неподвижные, плотные северные торосы. Ледяное поле вместе с «Оскар Диксон» подвигалось к ним. Стали готовить шлюпки. Вот поле коснулось своими краями ледяной стены, лед затрепал, крохи льда снежной пылью вздымались вверх. Ледяное поле сжалось и в своих цепких объятиях душило «Оскар Диксон». Первая льдина, обрушившаяся на судно, сломалась, и часть глыб с невероятным грохотом низринулась на палубу. Другие куски упали в воду, отчего спасательные шлюпки то подбрасывались в воздух, то опускались между глыбами. «Оскар Диксон» получил пробоину и начал медленно погружаться.

24 человека стояли на льду с двумя пустыми шлюпками, без провианта и одежды и смотрели на несчастный корабль.

Капитан с несколькими моряками вернулся на корабль и принес оттуда провиант, часть одежды и сбросил еще одну шлюпку. Вскоре корабль был полон воды и у него виднелся лишь конец трубы и половина мачты.

Спустили лодки со льда и пошли на веслах к берегу. В это время «Оскар Диксон» погрузился совсем, и льды, колыхаясь, сомкнули над его безвременной могилой свои гигантские ряды. На мгновение все замерли, а потом еще сильнее налегли на весла.

Через сутки моряки добрались до берега, где был оставлен зимой провиант и палатка. Здесь разделились на две партии. Часть отправилась к реке Енисею, а часть осталась с самоедами, чтобы в сентябре перекочевать до Обдорска сухим путем.

Лодочная партия во главе с капитаном Эмилем Нильсон через неделю прибыла в первое населенное место — Сопочная Карга. Там они увидели европейский пароход под именем

«Луиза». Они спешили к «Луизе», но застряли на мели. К ним подплыл какой-то самосед. Нильсон перескочил в его лодку и отчаянными взмахами весел подгонял ее к «Луизе». Но капитан «Луизы» спокойно стоял на мостике, курил трубку и не остановил корабля, полагая, что это туземцы едут выпрашивать водку.

6 сентября лодочная партия достигла Никандровского острова и продолжала путешествие к Енисейску уже на речном пароходе. Из Енисейска путь в Швецию был легкий и свободен.

Оставленные в Гыданском заливе 16 моряков 28 сентября отправились через тундру в Обдорск и далее, сменив оленей на лошадей, до Тюмени. Отсюда по железной дороге в Петербург, Ганге до Стокгольма, куда они и прибыли 5 февраля следующего года.

XIV. Вверх по реке Юрибею

На севере виднелась полоса сплошного льда, нагнанного ветром с моря. Небольшие льдины группами разбросаны по водной поверхности залива и ближе к берегу, обозначая границы подводных мелей, на которых они сидят. Чтобы обойти эти мели, мы должны были сделать большую дугу в несколько километров, с трудом выгребаясь против ветра и волн. Источенные теплом льдины со звоном рассыпались на длинные иглы, едва наша лодка задевала их.

В полночь, когда солнце стало совсем багровым и приблизилось к горизонту, мы, наконец, сбились длинные косы мелей, образованные выносами большой реки, и круто повернули к югу. Глубина резко изменилась, шест уже не доставал дна, и мы, поставив парус, быстро шли к берегу, иногда натыкаясь на мели и затем снова отыскивая подводное русло Юрибея.

Устье Юрибея (слово «юр» по-самоедски означает жир, Юрибей — это река, богатая жирной рыбой) — довольно широкая дельта среди низовой тундры, изрезанной мелководными протоками. На другой день мы поднялись вверх по реке и разбили лагерь у коренного берега, выходящего невысоким яром, который носит на самоедском языке название «Ябтарма» — место, где линяют гуси. У подножия холма надолго забелели наши палатки. Около них вырос склад ящиков и мешков с продовольствием, керосином и коллекциями. Близ палаток ботаника, как обычно, расставлены сетки с растениями, а на оттяжках палатки зоолога попрежнему качаются от ветра сохнувшие шкурки. Все с утра до позднего светлого вечера бродят по тун-

дре, занимаясь своей работой. Только этнограф недоволен, нет человека — объекта его исследований, хотя следы пребывания людей видны везде в окружающей тундре, которая застывшими волнами холмов убегает к югу от блистающего зеркала Гыданского залива.

На вершине холмов то палка с черепом оленя отмечает святое место, то спущенная пасть, безопасная для дешевой шкурки летного песка, маячит на оголенных зимними ветрами по-

Стоянка на Юрибее.

вышениях. Кое-где черные кострища и следы оленьей пастбы безмолвно говорят об осеннем оживлении в низовьях богатого рыбой Юрибея.

Несмотря на тщательные поиски, этнограф никак не может найти необходимые ему чумы неуловимого Петра Ядни.

30 июля геодезист начал производить астрономические наблюдения по звездам, несмотря на присутствие полуночного солнца, которое впервые сегодня на треть своего диска опустилось за горизонт.

Дикие олени. Утром лагерь встревожен стадом диких оленей. Стадо (десять взрослых оленей и четыре теленка) спустилось с обрывистого противоположного берега и пробиралось по желтеющей отмели, желая, видимо, переплыть на наш берег.

Заметив палатки, олени остановились, некоторые более трусливые повернули обратно. Но, увидев смельчаков, стоявших на прежнем месте, матки с телятами вернулись на отмель, беспокойно перебирая тонкими ногами, и пугливо вытянули

шей, незнакомые с лямками грузовых нарт. Постояв некоторое время, три оленя отправились вдоль отмели, погружая свои копыта в холодный и мокрый песок. Остальные, несмотря на наше беззастенчивое движение по лагерю, громкие разговоры, шум примусов, стук топора, топтались на месте, некоторые даже легли на отмель.

Но вот начался прилив, волны подбирались к оленям и они, почуя что-то недоброе, пустились рысью к берегу, пеня около себя воду. Выбежав на низкий берег, они стали пастись на низовой тундре и только позднее скрылись на высоком коренном яру.

Мы пробыли на Юрибее около недели. За это время этнограф с геологом сделали трехдневную экскурсию вверх по реке, разыскивая стойбища Петра Ядни, но не нашли его. Завхоз и топограф с нашими самоедами сплавали на прежнюю стоянку, откуда привезли оставшийся груз и геодезиста.

Погода стояла на редкость хорошая. Днем температура поднималась до $+13^{\circ}$, ночью же иногда падал иней. В иные дни даже ветер стихал — явление в тундре исключительное. В такие теплые, тихие дни нас одолевали комары, но как только снова начинался ветер или с залива набегал туман, комары затихали.

Часть сотрудников экспедиции решила воспользоваться хорошей летней погодой и сделать экскурсию вниз по заливу.

Четвертого августа, выгребаясь против сильного ветра, мы подошли к знакомому устью Юрибея и забрали с собой геодезиста, занимавшегося астрономическими наблюдениями. До нашего возвращения оставили здесь радиостанцию и другие лишние вещи.

Подняли парус, но не переставали грести, волны залескали через борта, качая лодку, шедшую вдоль отмелого берега на запад.

С в я щ е н н ы й о с т р о в. Остановились близ невысокого, по обыкновению оснеженного остатками зимних сугробов яра. На берегу валяется много плавника. Обь и Енисей весной выносят не мало бревен в море. Северные ветры пригоняют их к берегам, а приливы и бури выбрасывают истертый волнами плавник на землю, как бы заботясь о людях, лишенных в этой холодной пустыне топлива. Более крупные бревна распилены самоедами на дрова и частью увезены на нартах, свежие следы которых ясно видны на мокром песке и глине, частью же сложены в большие кучи.

На вершине яра, называемого священным островом Юрибея («Юрибей-хайбиде-о»), белеют две груды оленьих черепов

увенчанные жердями лиственниц, воспоминанием о далеких лесах. Около полуразвалившейся от старости нарты лежат кости мамонта и череп белого медведя, чернеющий глазными впадинами. У кострищ, где варили мясо жертвенных животных, темнеют вымазанные кровью и жиром кости и палки. Удобренная тундра близ куч костей расцвела травой и множеством цветов. Поблизости нашли два больших железных крючка полуметровой длины с сточенными заржавленными остриями. Самоеды весной ловят ими тюленей. Крюк на веревке привязывается к бревешку и пускается в синеющую продушину, которая служит нерпе для сообщения с воздухом. Вылезет мокрая нерпа на лед, понежится, фыркнет, повернется белым брюхом к солнцу, потом, перебирая короткими лапами, нырнет в продушину и попадетсся своей серебряной шкурой на крючок. Вспененная вода окрасится кровью, но бревно на туго натянутой веревке не пустит нерту скрыться в спасительные глубины.

Ветер дует, залив неумолчно шумит своим прибоем. Гуси закончили линьку и снова летают стаями. Священный остров не отпускает нас, и мы не можем отплыть на лодке, которую то бьет волнами, то она лежит на мокром желтом песке.

П р и б л и ж е н и е о с е н и. Преодолевая ветер, туман, скрытые мели, мы плыли по заливу и дошли так до устья новой реки, несущей свои воды в Гыданский залив. Позже узнали ее название — Нейте-яга (Налимья река). Нейте-яга была конечным пунктом нашего плаванья вдоль берегов Гыданского залива. Пора уже подумать о неудержимо надвигающейся осени.

А осень действительно начиналась! Геодезист сумрачной полночью наблюдает Полярную звезду, зоолог обнаруживает на убитых куропатках белые перышки, а ботаник собирает в свой гербарий пожелтевшие травы.

А р к т и ч е с к а я т у н д р а. Почва, растительность, животный мир, словом, весь географический ландшафт находится в зависимости от климата. Параллельно постепенному изменению климата по направлению с юга на север изменяется и географический ландшафт. Зимой, у Янова стана и на р. Турухане мы видели горизонт, закрытым хвойными лесами, которые лишь на водоразделах частично уступали место торфяникам из белых мхов—сфагнов. Мы находились тогда в лесной полосе со всем присущим ей животным населением и хозяйственным укладом человека. В верховьях Турухана в окрестностях Хальмер-седе моховая и лишайниковая тундра оттеснила леса к речным долинам, где заболоченность меньше

и где потому вечная мерзлота летом оттаивает глубже. Это — полоса лесотундры. За ней к северу раскинулась безбрежная, безлесная полоса типичной тундры. В нее мы вступили ранней весной, за р. Месо. В северной части этой полосы мы работали весну и лето. Теперь же, плывя к р. Нейте, мы пересекли границу новой географической полосы — арктической тундры. Она отличается от типичной тундры тем, что кустарники по пояс высотой, окаймлявшие основания холмов, исчезли. Лишь редкие кустики приземистой ползучей ивы кое-где напоминают, что на свете существует не только мох, но и деревянистые растения. Полярная березка тоже почти исчезла, и только одиночные, покрасневшие от заморозков веточки ее выдаются среди побуревших трав.

Зато на открытых холмах, где суровые зимние ветры и метели уничтожили слабую дерновину из мхов, увеличились площади обнаженных растрескавшихся от мороза пятнистых тундр, глинистые голые пятна которых окружены широким бордюром из лишайников, мхов и ярких арктических цветов. Вечная мерзлота оттаяла за лето всего на полметра, и только в сухих песках надо копать метр, чтобы заступ ударился о твердую, как камень, оледеневшую породу. Здесь можно наблюдать озера, полные воды, несмотря на то, что уровень их выше залива, так как вечная мерзлота препятствует стоку воды сквозь оледеневшую почву.

В окрестностях Нейте мы пробыли несколько дней. Видели вдали несколько чумов, но бесчисленные речки и озера помешали добраться до их хозяев.

Обратно на Юрибей. Ветер яростно гудит, хлопая брезентовыми стенками палаток, шумит прибой и косо бьет дождь. Солоноватая вода, гонимая с моря, подбирается к палаткам, и только отлив слегка обуздывает разыгравшуюся стихию. До сих пор мы не испытывали особенного неудобства, беря воду для чая из залива, опресненного многочисленными реками, теперь же ветер нагнал столько морской воды, что нам приходится ходить с чайником на озерко.

Вся низовая тундра превратилась в будущее море, из которого поднимаются отдельные сухие до половины холмики. На одном из них и теснятся наши палатки. Лодку держим наготове, загруженной багажем, а она, поднимаемая водою, трусливо, как олень, испугнутый волком, жмет к палаткам.

Волны лижут вход палаток, и мы всю ночь поочередно выглядываем наружу, не пора ли снимать палатки и грузиться в лодку? Но, к счастью, на утро ветер немного стих и вода спала.

14 августа ветер переменялся на западный, сделался попутным. Мы вышли далеко в залив, чтобы избежать мелей, и быстро неслись обратно на Юрибей, обгоняя полутораметровые волны. В несколько часов мы сделали путь, которым вперед тащились столько дней.

В устье Юрибея вчерашняя вода чуть не смыла радиостанцию и вещи, оставив следы своего пребывания у самого багажа.

Против течения. В лагере нас встретил этнограф с встревоженным лицом. Заливаемый дождем, подтаскивая нос нашей лодки, он крикнул:

— Нирчи пропал!.. Как уехали вы, уехал и он искать Петра Ядни и с тех пор не возвращался! А провианта у него всего на два дня было!

— Да, — сказал завхоз, выскакивая на берег и качая головою. — Жалко Нирчи. Хотя не больно важный работник был, но голодная смерть в тундре незавидна.

Мы не успели и обсушиться, как на маленькой лодочке, ловко работая двухлопастным веслом, приплыл веселый и ленивый Нирчи.

— Нашел! — сказал Нирчи, вытаскивая со дна углой лодочки рыбу. — Как же, нашел Петра Ядни! Он недалеко стоит. Отсюда видно.

И, взглянув на Рослякова, добавил тише:

— Недавно оленя бил. Много крови напился.

Росляков, которому давно уже хотелось попить крови, облизнулся и завистливо щелкнул языком.

Ночью 17 августа вода в посуде покрылась толстым слоем льда. Значит температура спускалась значительно ниже нуля. Об этом же говорит и хронометр, остановившийся из-за холода в палатке топографа.

К чуму Петра Ядни. Закусив муксуном и нельмой, пойманными в наши сети, и поджаренным на масле с сухарными крошкам вкусным мясом полярной совы (самоеды очень ценят мясо этой большой птицы), при попутном восточном ветре, туго надувшим наш парус, мы двинулись вверх по реке Юрибею и вечером остановились около чумов Петра Ядни.

Не простившись с Росляковым, этнограф, наконец, переселился к Петру, занятому сейчас неводьбой рыбы. В Юрибее из-за продолжительных северных ветров, которые нагнали льды к устью Юрибея и крепко заперли его ледяной дверью, рыбы почти нет. Олени Ядни и его соседа Салендера пасутся на долинных болотах, поедая зеленую траву и листки ивняка, пренебрегая сухими лишайниками.

Охота на гусей. Рассчитав Нирчи (он взялся сопровождать нас лишь до Юрибея, где у него были родственники), мы выступили вверх по Юрибею, идя на песчаных плесах бечевой, тем более, что весла часто бывали бессильны против резких порывов ветра.

21 августа мокрый снег впервые покрыл извилистые берега Юрибея. Сетка дает нам одних щук, которых самоеды не считают и за рыбу. Они говорят:

— Рыбы нет сегодня, одна щука.

На одном из плесов заметили стайку молодых гусей. Окружив их двумя отрядами, двигавшимися по берегу, мы часто

Лагерь на Юрибее.

стреляли по ним. Дробь дождем сыпалась на воду, плывшие в лодке, подбадривая охотников громкими криками, добивали веслами ушедшую из-под огня дичь. Вечером сидели у шумящего примуса, варили гусей и впервые простым глазом смотрели на мерцавшую на северо-восточном небосклоне Венеру — прелестную вестницу полярной зимы. Зоолог помешал в котле и сказал:

— А плохие мы все-таки охотники. Всего трех гусей убили. А вы знаете, как самоеды охотятся на гусей?

Зоолог накачал ослабевший примус и продолжал:

— Они отыскивают линяющее и поэтому неспособное летать стадо, потаенно кормящееся где-нибудь на озерке, и гонят его в расставленные сети. Гуси массами попадают в них и здесь убиваются руками и палками. Такая же судьба ожидает и случайно ускользнувших на берег. Лишь немногие счастливицы уходят живыми. В руки охотников достается иногда до сотни жирных птиц.

Стоянка на Юрибее. Еще весной мы слышали от самоедов о каменных порогах на р. Юрибее. Если бы это действительно оказались выходы на дневную поверхность древних коренных пород, это представило бы для геолога не малый интерес, так как весь север Западно-Сибирской низменности, к которой принадлежит и Гыданская тундра, сложен самыми позднейшими в геологическом смысле отложениями, так называемыми четвертичными. К ним принадлежат глинистые осадки заливавшего тундру моря, они содержат в себе морские раковины. Позднее с гор к востоку от Енисея надвинулись льды, которые покрыли сушу и прибрежные моря, продвинувшись далеко к югу. Наступил ледниковый период. Следами его остались каменные обломки — валуны, которые лед принес на себе за сотни километров. Постепенно льды стаяли, наступил современный период. За несколько тысячелетий, прошедших со времени полного стаяния льдов, реки и озера успели отложить значительные толщи глины и песков, в которых и заключаются кости мамонта, носорога и других животных, еще живших в послеледниковое время.

Как мы и ожидали, «пороги» не были выходом каменных скал. Они были всего-на-всего скоплениями каменных валунов, вымытых рекой из ледниковых отложений крутого яра. Весенними ледоходами камни разной величины сгребло в длинные косы, перегородившие наискось часть речного русла.

Через два дня мы достигли места, где Юрибей, протекая в коренных берегах, сузился до 40 метров и обмелел настолько, что наша лодка, даже разгруженная от людей, с трудом проходила на перекатах. Бросили якорь у самоедского брода, песчаный берег которого весь был изрезан полозьями нарт и глубоко истоптан копытами оленей. Здесь мы решили сделать окончательную остановку. Лишь геолог не верил в сильное обмеление реки и отправился с некоторыми участниками в почти пустой лодке дальше. Однако мели не позволили ему продвинуться более чем на три километра, так что палатки их лагеря виднелись из нашего.

В общем мы поднялись вверх по реке Юрибею не более 100 километров, и только здесь река получила течение, дотоле же уровень воды зависел от колебания уровня в заливе. Насколько низка Гыданская равнина. Самые высокие холмы ее поднимаются над уровнем моря едва на 40—50 метров.

Брод. У самых палаток выросли два чума. У их хозяев мы купили на мясо теленка оленя. В ближайшей болотистой тундре бродит около 700 оленей; поедая жесткую листву ив и полярные березки.

Однажды утром самоеды стали переправляться через реку. С громкими криками, разбудившими нас, они перегнали вброд оленей. Затем соединили шестами две лодки — ветки, крепко связали их и с помощью этого примитивного паромы перевезли свой скарб. На паром ставились попарно груженные нарты, двое самоедов на противоположном берегу перетягивали его к себе арканом и сгружали нарты. Пустой паром подтягивался другим арканом обратно, снова нагружался и так много раз, пока на прибрежном песке не выстроился длинный ряд нарт.

Самоедские дети из рода Ядни.

Торфяники. Недалеко от стоянки ботаник обнаружил несколько торфяников значительной мощности. Глубокие залежи торфа в тундре — крайне редкое явление. Торфяные болота свойственны преимущественно лесной полосе, где климат благоприятнее и нарастание мхов идет быстро.

По краю оврагов, прорезающих торфяники, поднимаются обрывы с нависшими сверху слоями торфа. С поверхности он совершенно сух и хорошо горит, но на глубине нескольких сантиметров уже скован мерзлотой.

Тщательно изучая обнажения торфяника, достигающие 4 метров, ботаник нашел в нем остатки березы. Но это не приземистая полярная березка со скрюченными ветвями, как старушечьи пальцы. У этой березы довольно толстый ствол с хорошо сохранившейся белой корой и тонкими ветвями той березы, которая в настоящее время растет далеко на юге от

Юрибея, на современном пределе лесов. Почти 300 километров отделяло иструхшие остатки дерева от его современных родственников. Вместе с березой в торфе много хорошо сохранившегося хвоща, которого также нет теперь в тундре.

Все это объяснялось тем, что в послеледниковый период леса продвигались далеко на север. Потом климат ухудшался, и леса постепенно отмирали, отступая к югу. Они продолжают отступать и в нашу эпоху, свидетельствуя об ухудшении климата и, быть может, о надвигающемся новом ледниковом периоде.

«Бескорыстные» гости. Осенние дожди подняли уровень воды в реке и сильно изменили внешний вид тундры. За лето она достаточно высохла, сделалась повсюду проходимой, и это немудрено, так как по количеству выпадающих осадков тундра близка к полупустыне. Осенью дело меняется. Вечная мерзлота не пропускает глубоко в землю влагу, она стекает в низины, и болота между холмов пропитываются водою, как губки. Хлюпая копытами по мокрой тундре, олени привозят к нам гостей. Гости, едва сойдя с нарт, заявляют:

— Русские!.. Не подумайте, что мы к вам ездим за чаем. Нет. Мы не хотим, чтобы вы думали, что мы вас избегаем.

— Очень рады, — сказал радушный завхоз, — у нас у самих на все нормы. Мы вас угостим одним чаем с сахаром.

— А масло? — спросил коротконогий старик. — Маслом вы угостите нас из норм. Потом дополучите.

— Дополучать негде, — сказал завхоз. — Все запасы далеко. На озере Хассейн-то.

Сконфуженные самоеды замолчали, все же не отказавшись от чая с сахаром, хотя, качая головами, долго издавали протяжные звуки сожаления.

— Ничего! — утешал их завхоз, похлопывая по спине и плечам. — Как следует угостим вас зимою, когда с базы продукты привезут.

К осенновке. Вечером 7 сентября мы соединились в одну партию и двинулись вниз по Юрибею. Обратный путь делали быстро, так как встречный ветер не мешал нам. По-прежнему мимо проходила пустынная тундра, но скоро побережье Юрибея оживится чумами и стадами оленей. К ледоставу сюда стекутся окрестные самоеды, чтобы приняться за подледный промысел рыбы. То и дело встречаются их прошлогодние кострища, запасы топлива и перевернутые лодочки, заботливо покрытые от солнца кусками дерна, чтобы дно не треснуло.

XV. Осенновка

Для осеннего лагеря, в котором мы проживаем около двух месяцев, дожидаясь замерзания рек и открытия пути на юг, выбрали высокий коренной берег Юрибея. Сюда же позднее подошел со своим чумом и Петр Ядни, с которым мы договорились, что он будет за плату поставлять нам рыбу.

Поездка к устью. До заморозков решили съездить к устью Юрибея за грузом и дровами, потому что запасы керосина истощались. Отправились вчетвером: ботаник, зоолог, завхоз и Росляков. Последний по обыкновению на рулевом весле. Почти пустая лодка быстро и легко скользила, подгоняемая тремя веслами и парусом. Продовольствия взяли немного, надеясь на охоту и рыбную ловлю. Однако дожди взмутили воду, с берегов ручьи снесли в реку мелкий перемытый торф, и он забивал ячейки сети. Росляков долго ругался, прочищая наше единственное рыболовное орудие веником из прутьев.

Охота также была неудачной.

Нередко огромные стаи гусей, готовившихся к отлету, дразнили нас на отмелях, но открытая тундра не позволяла подкрасться к этим сторожким птицам. С тревожным готаньем, шумно хлопая крыльями, они поднимались, покидая песок, весь исхлестанный причудливыми отпечатками лап.

Как-то, идя парусом, встретились на повороте с большой стаей краснозобых казарок. Они менее пугливы, чем гуси, и подпустили близко нашу бесшумно подвигавшуюся лодку.

— Держу пари, что десять, из них останутся нам на ужин,— прошептал зоолог, прицеливаясь из ружья.

Вдруг стая начала подниматься. Зоолог выстрелил. Сизый дымок струился из разогретого ружейного ствола. На земле забарахтались три красногрудых птицы. Второй ствол дал осечку.

Завхоз, который управлял парусом, также выстрелил из своей двухстволки, но в этот момент парус дернуло ветром и выстрел пропал даром, безвредные дробинки упали где-нибудь далеко на мху.

В низовьях мы снова в знакомых местах. Среди плавника изредка находили обломки тяжелых дубовых досок с шалнерами, нередко отесанные, мокрые бревна — это разбитые плоты с Енисея. Они не мало покачались на волнах и напитались водой до чрезвычайности.

Обратно мы спешили, но загруженная лодка шла медленно, упрямылась, как осел, и чаще всего ее приходилось тащить

опасительной бечевой. В лагерь вернулись как раз во-время, так как начались сильные дожди, еще не испытанные нами. Холодный ветер помогал дождю пробиваться сквозь ткань палаток и наветренная сторона сильно протекала, а вторую крышу — тент — в свое время мы поленились натянуть и теперь страдали от луж на полу.

Быт во время осенновки. Ничего нет скучнее ненастья в экспедиции. Из палатки нельзя высунуть носа, читать нечего, а что было, то все перечитано по много раз.

Самоеды также страдают от дождя. Чум бедняка протекает еще сильнее палатки. Этнограф, живущий в чуме Петра Ядни, покрыл свой угол брезентом и скорчился там вместе с багажом. Один раз Петр Ядни пришел к нам совсем мокрый, стуча зубами, так нам пришлось ему в изъятие из правил поднести чашку разбавленного спирта.

— Чаю надо? — спросили мы его.

Дайте чего покрепче, заикаясь, забормотал он, оставляя около себя темную лужицу.

Он и в ненастье продолжает неводьбу, торопясь сделать запасы рыбы на зиму. Петр неводит в компании с другим бедняком самоедом. Один из рыбаков заводит на лодочке невод, помощник стоит на берегу, помогая вытаскивать тоню. Женщины чистят рыбу, никогда не разрезая ее поперек, так как это считается грехом. Распластав рыбу и отрезав ей голову, вывешивают для сушки. Собаки ходят ленивые с туго набитыми брюхами, редко лают и едят рыбу с выбором.

Рыбу Петр доставляет аккуратно через день, складывая в кучу у палаток.

Но чайки с криками подлетают к нашей рыбе, нахально разбрасывают даже доски, которыми рыба покрыта, и уносят в клюве легко достающуюся добычу. Зоолог выстрелил в стаю этих воров. Три чайки, кувыркаясь, упали около палаток, так и не выпустив из клювов цепко схваченную рыбу. После этого хищения рыбы тотчас же прекратились.

Ночами светит луна, окруженная радужным ореолом. Выпадает иней, уже во второй раз любимемся северным сиянием. Гуси улетают, и крики их можно слышать в любое время дня и ночи.

Самоеды выезжают из глубин тундры к рекам. Лето кончилось и уступило свое место осени. За все лето скупая тундра угостила нас только одной веточкой недозрелой брусники и одной ягодкой голубики.

Упаковав ящики для зимнего путешествия, мы устроили перемет, насаживая на его крючки кусочки мелкой рыбки из породы сига, называемой на Енисее селедкой. Налим, попавшийся на крючок перемета, едва не вывернул завхоза из лодки, заставив его упустить весло, и лишь подтягиваясь по канату перемета, он добрался до берега.

Петр Ядни за чаем рассказывал, что по мере замерзания уходит в залив из Юрибея сначала нельма, потом муксун и, наконец, налим.

Топограф глубоко вздохнул и сказал:

— Надо и нам с налимами покидать этот Юрибей...

— Зима плохо, — сказал Рссяков. — Прежде бедняки, которые пооборотистее, ездили в тундру и шинкарили водкой, продавая ее богатым оленеводам. А теперь богачи не принимают заработанных на промыслах денег в уплату за одежду и меха. Надо заставить их принимать деньги.

И взглянул на русских.

— А куда ты, Петр, кочевать будешь? — спросил этнограф Ядни и достал карандаш с бумагой. Петр глотнул чаю и сказал.

— Сначала на Ярта-яга пойду, приток Танам. Там у меня из-за ранней весны осталась часть чума и олени. А оттуда на легких санках с'езжу на фабрику Толстый Нос, а оттуда в Хэ и Ныду.

Ботаник, следивший по карте за маршрутом Ядни, покачал головой. Маршрут был путанный, и, видимо, Ядни слегка наврал, чтобы избавиться от нас и докучливых ему, как шаману, распросов этнографа. Петр, хотя и был крещеным, но немного прирабатывал шаманством.

В чумы Ядни. Ветер несет туман в виде белесовато-молочных облаков, из которых сыплются непрерывно хлопья мокрого снега. Сильная метель застигла ботаника в тундре, и он с трудом мог вернуться к палаткам. По гладкой ледяной поверхности озера ботанику пришлось ползти, так как ветер оттаскивал его назад. Ботаник пришел с бородой, набитой снегом. Он долго его выцарапывая, а все участники, глядя на эту картину, тотчас же решили побриться.

5 октября Юрибей стал, быстро покрывшись льдом, заполнив им даже каемки заберегов. Мы вытащили лодку на берег и продали ее Петру Ядни. Он был очень рад, получив прекрасную, новую поместительную лодку с мачтой и якорем. Лодка летом вполне заменит ему недостающих оленей

при перевозке имущества и позволит промыслять рыбу в Гыданском заливе.

Часть путешественников переселилась в чум Петра, который с Салендером уже ставит на дальних озерах подледные сети.

Чумы у Ядни и Салендера дырявые, летние, в них свободно гуляет ветер, и хотя мы покрыли их брезентами, в чумах мало теплее, чем в палатке. Ядни из-за недостатка времени и болезни жены не заготовил топлива. Сырой тальник на костре дает такой едкий дым, что его никто не выдерживает и, чихая, вылезают все из чума и слезящимися глазами осматриваются по сторонам.

12 октября наступил конец осенновке, и часть экспедиции уехала с Салендером на мыс Евай-сале, который длинной тонкой полосой земли вытянулся в Ледовитое море, словно палец, указывающий путь на полюс. Свое название он получил от живущего на нем самоедского рода Евай, что значит буквально уха.

Ботаник, геолог и завхоз на трех нартах Петра отправились на восток. Завхоз ехал за нашим имуществом на озеро Хассейн-то, а остальные к морю на мыс Мочуй-сале, где еще в 1926 году были оставлены для нас небольшие продовольственные запасы экспедицией Комитета северного морского пути.

XVI. Поездка по Евай-сале

Ямщик торопит геодезиста, топографа и Рослякова. Он боится, что наступившая оттепель (мы то заменяем сапоги меховыми пимами, то надеваем их снова) не позволит ему перебраться по льду Юрибея. Под'ехав к реке, увидели, что вода поднялась, взломав лед у берегов. Салендер снял пимы и босиком перешел через забереги и всю реку, голыми пятками нащупывая крепость льда. Затем он выпряг оленей и, краснея от напряжения, спускал на себе грузовые санки с крутого обрывистого берега. Подвел оленей, впряг их и благополучно перевел по намеченной дороге.

А навстречу нам на горизонте, словно стадо огромных белых медведей, ползли низкие молочные облака, окутывая тундру и скрадывая горизонт. Это были первые вестники надвигающейся зимы.

В чуме Марчика Салендера. В следующем чуме Марчика Салендера мы получили нового возницу и свежих оленей. Пересекши ряд холмистых гряд, увидели большое стадо оленей, пасущееся под наблюдением самоедки и маль-

чика. Около них стояла запряженная оленями нарта, а в ней лежал ребенок в люльке, заботливо укутанной мехами.

На берегу маленькой Соколиной речки высился чум Марчика. Сам хозяин осматривал сети, в чумах были одни женщины, тотчас же угостившие нас вареным оленьим мясом.

Вечером в чум вошел коротконогий старик самоед и, приветливо улыбаясь, подал нам руку, испачканную рыбьей чешуей. С ним приехало еще с десятков самоедов: все они ловят рыбу очень далеко — у самого устья реки Юрибея. Закусив мерными щокурами и залив их обязательным чаем, договорились с Салендером о переброске всей экспедиции к Обдорску. Геодезист вынул карту, но хозяин лишь улыбнулся и сказал.

— Я повезу вас до Хэ, а дальше будет видно.

Росляков перевел слова геодезиста:

— Нам нужно предоставить половину чума с отоплением.

За перевозку получишь 50 рублей за каждую нарту с грузом в 1,5 центнера. Сговорчивый хозяин вытер руки о меховые пимы и поставил на условие свою тамгу. А утром мы выехали дальше к чумам Перепенти Янду, где были встречены не менее радушно.

Метель. К следующему чуму выезжаем сопровождаемые сильной метелью, слепящей глаза. Однако мы успели заметить, что новый возница направляет бег своих оленей на юг. Геодезист тронул самоеда за спину и, когда тот повернул свое засыпанное снегом широкое лицо, сказал при помощи Рослякова:

— Куда едешь? Не зблудился ли? Ведь нам на север надо!

Самоед махнул рукой и пролопотал:

— Это моя земля и везу тебя в нужное место. К брату своему.

Но чума брата не оказалось на предполагаемом месте, лишь заметенные снегом следы нарт и оленей показывали, куда уехал брат.

Геодезист потребовал, чтобы самоед вернулся обратно в свой чум, откуда мы были ближе к мысу Евай-сале. Слегка смущенный самоед поднял тычком хорея улегшихся оленей и направился обратно по только-что проложенному им самим следу.

Причиной этого случая служит нежелание самоедов везти далеко. Существует обычай везти от чума к чуму. Хозяин и выбрал ближайший чум, предполагая, что мы не заметим его обмана.

Но этот хозяин вообще обманщик. Кроме того, он обманул нас и в оленьих метах, изображения которых собирал этнограф. Для облегчения самоедов, которым довольно трудно обращаться с карандашом, он вырезал из бумаги множество оленьих голов с ушами. Самоеду предоставлялось надорвать или вырезать ножом свою мету. Они это и делали довольно охотно. Поставил мету и наш хозяин. Но когда мы сравнили бумажную мету с метами на ушах оленей, то увидели, что они не сходятся.

«Пилка». Утром выехали снова, но уже правильно — на север. В низинах и по склонам тальниковые кустарники становятся низкорослее и встречаются все реже и реже. Выпавший снег слегка подравнял дорогу, а то из-за кочек стрелка компаса плясала, как бешеная, и вместо маршрутной съемки получились неразборчивые каракули.

Над тундрой носятся стайки полярных куропаток, уже совершенно белых. Куропатки мало боятся нас и подлетают близко-близко.

Вдали клубится дым. Близок чум. Останавливаемся в чуме, стоящем на берегу замерзшей реки.

Мы заходим в чум и здороваемся с хозяевами. Жена хозяина с длинными туго заплетенными косами подбрасывает в тлеющий костер щепок и подвешивает чайники. Дым охалками вылетает вверх в незакрываемое отверстие. Самоед наливает нам какой-то дымящейся жидкости.

— Что это? — спрашиваем.

— Веи (кровь), — говорит он, улыбаясь.

Мы отрицательно качаем головами. Не всякий может пить оленью кровь. Она быстро свертывается во рту, обращается в клейкий кисель и вяжет неприятно челюсти.

Мы пьем чай со слезами на глазах. Ветер забивает дым снсва в чум, и нам тяжело дышать. Дым ест легкие и глаза. Самоеды не обращают на дым никакого внимания. Они аппетитно едят лепешки, макая их в сахарницу, наполненную желтым, как мед, тюленьим жиром.

Мы поднимаемся и выходим из чума на свежий полярный воздух. Хозяин сидит на корточках и играет с какими-то двумя огромными собаками-овчарками, привязанными к колу на цепь.

— Это кто? — окликаем его.

— Тын сармик (волки), — говорит он, оборачиваясь.

Мы невольно отступаем назад.

— Какие волки? — изумленно допрашивает геодезист,

— Мои волки! — смеется хозяин, показывая ряд желтых, ржавых зубов.

Весной их щенятами поймал,— говорит он, поглаживая волков и трепля их за уши.

— Весной, — повторяет он, — у меня волки съели двух быков-олений. Я пошел за ними и нашел гнездо. Там вот были эти два щенка. Прозревшие, но еще беззубые. Я их принес в чум и выкормил.

— Пилька («Пилька» по-самоедски значит боязливый), — кричит он на одного из волков.

— А как зовут второго?

— Тоже Пилка. Одна кличка на двух. Хватит.

Он идет к чуму и приносит большой кусок оленьего мяса и начинает играть им с волками. Он то дает им мясо, то отнимает. Волки цокают зубами. Иногда они хватают хозяина за руку, но, видимо, мягко, любя, дружелюбными зубами, быстро выпуская ее из пасти. Хозяин шутит, дерет их за уши, за хвост, потом говорит:

— Ладно!

И, разрезав мясо ножом, висящим на поясе каждого самоеда, бросает мясо волкам. Они глотают его. И начинают возиться друг с другом, катаясь по снегу, сколько позволяет им это бренчащая цепь. Хозяин распутывает цепь и говорит:

— Мы отпускали их в тундру. Они прибегали обратно. Их на цепи держим потому, что они дергают рыбу...

И указывает на связки рыбы, вывешенные для просушки. Геодезист смотрит на волков и говорит хозяину:

— Слушай, — и хлопает его по плечу. — Продай нам волков для зоологической коллекции.

Хозяин смотрит прямо в глаза и машет рукой:

— Не-е-т.

— Да почему? — недоумевает геодезист. — Дадим хорошую цену.

— Не-е-е-т.

— Что ты будешь с ними делать, когда они вырастут?

Хозяин гладит волков и шепчет:

— Я их отпущу совсем...

— Отпустишь! — даже вскрикиваем мы. — Зачем?

— Они побегут к своим волкам, — говорит строго и серьезно хозяин, — и расскажут, что мы с ними хорошо обращались. Тогда волки не будут больше нападать на наши стада. В уши им я вставляю цепочки, и люди не будут в них стрелять. Они будут богами.

Мы вспоминаем, что и раньше слышали, как иногда самоеды не стреляют в волка, даже забравшегося в стадо, а палят вверх, чтобы не убить случайно этого разбойника — у них священного животного.

Остяки, иначе: они почитают медведя. По их поверьям, медведь — это сын божий, сброшенный на землю. Он только сброс шерстью. И теперь, при встрече с человеком, он становится на задние лапы, спрашивая у бога:

— Драть этого гражданина, господи, или нет?

— Так, как? — не отступаем мы от хозяина. — Продашь? Ведь их прокорм тебе дорого стоит?

— Дорого, — соглашается он. — За раз оленью лопатку с'едают...

— Вот видишь, тем более...

— Нет, нет! Весной они еще больше поумнеют и совсем хорошо про все расскажут, — не сводя глаз с волков, задумчиво говорит он.

Поднимается поземка. Солнце, опоясанное радужным кругом, скрывается в облаках мельчайшей снежной пыли. Мы идем в чум. Волки, задрав к небу свои острые морды, начинают выть.

— Пилка! — кричит на них, останавливаясь, хозяин.

Они замолкают и ложатся у кола, тесно прижавшись друг к другу.

На реке Широкой. Самоеды, везущие нас, не знают точно месторасположения следующего чума, им известна только река, где стоит нужный нам чум. Это все равно, что в городе искать дом, не зная его номера, а имея только наименование улицы, на которой он расположен.

Достигнув реки, они начинают лавировать по ней, высматривая во мраке следы санок, оленей и, наконец, с трудом нащупывают верный курс.

Мы сидели в теплом и бездымном чуме на реке Широкой. Здесь уже не топят тальником, который здесь и не растет больше, а бросают в костер почти бездымные щепки, расколотого плавника.

Наш хозяин отказался везти дальше, так как, по его словам, самоеды двигаются к югу, и на мысе Евай-сале, кроме волков, песцов и диких оленей, никого не найдем. Мы разослали по окружающей тундре нарочных для созыва схода, чтобы выяснить вопрос о нашем дальнейшем продвижении, а сами пока что поставили с большими усилиями радиостанцию (снега мало, и колья приходилось обсыпать снегом и

обливать для крепости водой) и произвели астрономические наблюдения.

Оказалось, что мы находимся под $71^{\circ}37'$ северной широты, и до мыса Евай-сале оставалось всего лишь $23'$, т.-е. около 40 км. На сходе мы предложили отправиться на мыс с чумами, но самоеды не согласились, говоря, что тогда туда надо гнать много оленей, а на мысе корму мало. Геодезист решил ехать с переводчиком на легких нартах к мысу, оставив пока топографа в чумах самоедов на реке Широкой.

Быт самоедов. Хозяин чума, празднуя переход на зимнее положение, задавил трех оленей. Самоеды с жадностью ели теплое мясо, запивая его кровью. Хозяин протянул чашку с кровью топографу и сказал:

— Чинга!

И для большей наглядности повалился на бок, скорчив грязные окровавленные пальцы и раскрыв трагически рот. Еще раз повторил:

— Чинга!

Топограф, не столько опасаясь цынги, сколько не желая обидеть хозяев, выпил кружку крови под одобрительный гул самоедов.

Наевшись, две самоедки вперегонки начали снимать шкурки песцов. Быстро бегали искусные пальцы соперниц, и шкурка, шурша как шелк, отделялась от синеватого мяса песцов. Через двадцать пять минут более молодая самоедка со смуглым лицом и косым разрезом красивых глаз первой сняла шкурку, повесив мясо коптиться над костром.

Топограф дал в руки хозяину карандаш и, призвав на помощь весь запас знакомых ему самоедских слов, попросил начертить реки Гыданского полуострова, впадающие в Гыданский залив. Самоед понял его и старательно и внимательно чертил хвостики рек, только глаза у него заслезились от напряжения, словно от дыма. Увидев у топографа кусок мыла, самоед попросил и показал, что он использует его для лечения глаз.

Топограф сказал:

— Да ты вымойся сперва мылом. Ты мылся когда мылом?

Хозяин покачал головой и облизнул коричневые от запекшейся оленьей крови губы.

Топограф, засучив рукава, вышел из чума и сказал:

— Давай воды!

Самоед крикнул бабам, и они принесли ведро с железным ковшиком. Топограф заглянул в ведро, нюхнул воду и сказал:

— Войво! (Плохо!) Тут грязи на поларшина! Выполощи сперва ведро!

— Войво! — согласился хозяин и вылил мутную воду в свои чайники.

— Ишъ ты! — возмущился топограф, выдернув у него из рук чайник и выплеснув воду. — Такими помоями мыться нельзя, а он для питья! Пусть бабы свежей с реки принесут!

Помывшись, топограф передал мыло самоеду. Тот взял его непривычными руками, и оно выскользнуло на снег.

— Крепче держи! Не огонь, ведь!

Бурая, как мох, пена стекала с самоедских рук, и они мало-по-малу белели, вырисовываясь в своих подробностях, как утренний рассвет.

— Теперь лицо!

Самоед впервые за всю свою долгую жизнь помылил глаза и сказал:

— Не огонь, а жжет!

Самоед начисто вымыл голову в трех водах, даже буквы сошли с нового куска мыла, вытерся пучком свежей «варроу» и стал сравнивать свои белые руки с немытыми пальцами смеющихся самоедок. Самоед взглянул чистыми глазами на топографа и сказал:

— Глаз раньше шибко хороший был. Я охотник. Четырех белых медведей убил, а тюленей не сосчитать.

Их разговор был прерван вернувшимся из поездки на мыс геодезистом. Он рассказал, что на пути к мысу они встретили еще два чума неоткочевавших самоедов и только одну ночь провели в тундре на открытом воздухе.

По следам чумов. Вскоре путешественники отправились в обратный путь к югу. Быстро собравшись, выехали еще затемно и ехали до вечерней темноты, так и не найдя соседнего чума. Чтобы не мучить оленей, расположились на ночлег в тундре, в надежде завтра обрести чум. Пожевав сухой рыбы, устроились между нартами, слегка укрывшись от холодного пронизывающего ветра. Поднявшись с рассветом, когда еще даже неясно были видны силуэты лежавших в снежных ямах оленей, согрели на примусе воду для термоса с хронометрами и отправились дальше. Вскоре заметили слегка занесенные снегом нарты с летним скарбом какого-то откочевавшего уже на юг самоеда.

Пересекали местность с очень волнистым рельефом и часто с вершин осматривали тундру, ища чум. Наши глаза, вооруженные биноклем, и самоедские глаза, не уступающие в

зоркости биноклю, не видели чумов, только маячили повсюду нарты с летними вещами.

Самоеды покачали головами и сказали, воткнув хорей в снег:

— Надо ворочаться обратно к своим чумам.

Геодезист велел ехать в восточном направлении к Юрибею. Самоеды неохотно сели на нарты и крикнули на оленей, не сразу натянувших постромки. Вечером с радостным сердцем заметили свежие следы, запорошенные вчерашним или даже сегодняшним снегом. Следопытствуя, скоро попали на опасную дорогу и ночевали уже не под холодным звездным небом тундры, а под югами чума, слыша возле себя потрескивание веселого, хотя и дымного костра.

Нэди Адер. Двое суток мы почти ничего не ели и не пили. Чай, мутный самоедский чай, отзывавший рыбой, казался нам приятнейшим напитком. Наши лица, обветренные тундрой, разгорелись и покраснелись. Среди самоедов, живописной группой сидевших у костра, отблеск пламени которого придавал всему своеобразный колорит, выделялся красивый самоед Нэди Адер.

Он, подобно Проньке Ненянгу, интересовался загадочными для него вещами, как: облака, звезды, северное сияние. Мы рассказывали ему о многих чудесах больших городов: об электрических лампочках, о трамваях, автомобилях и самолетах. Мы сами соскучились о городе и с удовольствием беседовали о нем. Самоеды слушали нас, как сказочников, и то и дело перебивали знаками удивления, поплеывая клейкой табачной слюной:

— Вот, вот те на!

В свою очередь Нэди Адер рассказал нам о животных тундры. Он сказал, что горностаю встречал по всему Гыданскому полуострову, а зайцев — лишь со стороны Обской губы, упомянув, что самоеды верят, будто мамонт и сейчас живет под землей и ходит там.

— А как по-самоедски змея? — спросил топограф у Нэди Адера.

— Змея? Я не понимаю, — ответил Нэди Адер и взглянул на своих сородичей.

— Ну вот, змея, которая ползает, кусается и шипит, — зашипел топограф.

Но никто не знал, как по-самоедски слово «змея», так как змей в промерзлой тундре нет и змеиное шипенье неизвестно самоедскому уху.

5 ноября мы, наконец, остановились у чумов Петра Ядни и через час, намазывая сливочное масло на сушки, с интересом читали свежие газеты, привезенные из Дерябина.

XVII. Поездка на Мочуй-сале.

Выезжаем с удовольствием, так как очень надоело стоять на одном месте.

Летом самоеды редко сообщаются друг с другом из-за трудности передвижения, но осень — время гостевое, и когда мороз скует озера и речки и выпадет снег, они часто ездят из чума в чум. Через месяц они опять разделятся, опять будут в пути и тогда уже не до гостей.

Откормившиеся за лето олени быстро пересекли обширную, еще недавно мокрую и болотистую, а теперь подмерзшую, едва прикрытую снегом долину реки Юрибея. Всюду попадаются следы нарт, а также копны надерганного летом на топливо кустарника.

В гостях у Насу Яра. Снова после долгого летнего перерыва началась жизнь кочевника самоеда с его однообразным вековым укладом.

Едва мы вошли в чумы Яра, встретившиеся на нашем пути, и едва успели сбить снег с пимов, как хозяйка принесла с воза груды звенящих при ударе мерзлых щокуров. Уткнув свинцовым носом большую окостеневшую рыбу в обрывок оленьей шкурки, служившей подстилкой, хозяйка ловко подрезала шкуру в нескольких местах вдоль боков и, прихватив зубами, ободрала ее широкими полосами.

В то время как самоедка толстыми стружками срезала белое с розоватым наружным слоем мясо, оставляя нетронутыми кости, собаки расправились с брошенной шкуркой и норовили подхватить мерзлые крошки, огрызаясь и ворча друг на друга.

Вскоре им достались твердо смерзшиеся кости и застывшие внутренности, а завитые рыбы стружки были положены перед нами на маленьком столике. Мы поторопились их съесть, пока они не оттаяли. Затем последовало вареное оленьё мясо, варка и сухая рыба с чаем. Петр Ядни передал все сведения о нас хозяину, не говорившему по-русски. В свою очередь хозяин все это должен будет передавать следующим ямщикам.

При свете свечки, у потухшего костра самоеды развлекались игрой в шашки и «шутили» над больным «лыре», сидевшим в углу.

«Лыре» — болезнь, очень распространенная среди туземцев севера, — носит эпилептический характер. Достаточно неожиданно крикнуть, толкнуть «лыре», и он бессмысленно повторит сказанное или выкрикнет что-нибудь.

Самоеды кидали в спину «лыре» меховой мешок с лоскутками шкур, «лыре» вздрагивал и под веселый смех простодушных дикарей бормотал несвязные слова. Его перекошенный рот долго не закрывался, и он угловато перебирал дрожащими плечами.

Чумы Яра.

На оленях по заливу. Через несколько дней мы завидели Гыданский залив и спустились в долину его. Неширокие забереги, покрытые тонким разбитым льдом, преодолели довольно легко. На берегу лежали рядами, как дрова, около 200 мерзлых нельм, пойманных подледными сетями. Лед на самом заливе толстый, занесен снегом лишь частично. Олени раскатывались на зеркальной поверхности льда, самоеды лавировали, выбирая снежные полосы. Перейдя залив, мы оказались среди знакомого ландшафта, недалеко от нашей летней стоянки у озера То-нгаева.

Прокопий Ябтунгай. Прокопий Ябтунгай когда-то жил в Обдорске и немного научился там говорить по-русски. Он принял нас крайне негостеприимно. Мы долго сидели у костра, ожидая обычной порции рыбы, варки и мяса.

— Ничего нет, — сказал нам Прокопий. — Рыба плохо ловилась.

— Тогда продай нам рыбы немного. Для продажи найдется? — спросил ботаник, вынимая серебряные полтинники,

нохожие на крупные рыбы чешуйки. Прокопий взглянул на полтинники и сказал:

— Поищу, может найдется!

И, конечно, нашел несколько нельм. Этот случай необычайно редок в гостеприимной тундре и, быть может, здесь сказывалось известное влияние русской «культуры», полученной Прокопием в Обдорске.

П а л я С а л е н д е р. Чум Паля стоял на высоком берегу озера среди сухой тундры, почти лишенной ветрами снега. В чуме Паля видно довольство и порядок. Три чайника, есть и другая посуда в примерном состоянии. Хозяйки ждут, когда вскипят чайники, и не наливают в них для охлаждения (долго ждать, пока остынет кипяток) ковш сырой воды, как это практиковалось у многих предыдущих ямщиков. Избегают плевать на доски перед постелями, а когда привезший нас самоед наплевал сюда, за ним вытерли. Ножи, чашки обтираются, как и руки, о варроу и одежду, лишь надоедливые собаки нарушают порядок, пытаясь вылизать деревянное корыто из-под мяса. Однако, несмотря на внешнюю чистоту, у наших новых хозяев так же много вшей, как и у обитателей других чумов. Вечером, когда все дела были окончены, мы сделались свидетелями столь привычной для нас сцены самоедского быта. Хозяева принялись выискивать насекомых в одежде и в головах друг у друга. Пойманные мучители тотчас же отправлялись в рот. Это был самый надежный способ умерщвления. Ведь в полутемном чуме, при мерцающем свете костра, так легко упустить маленькое, проворное животное!

Пили кирпичный чай и, слушая рассказы о волках, задавивших недавно двух оленей, о росомахе, вырывшей из ямы рыбий жир, наблюдали за рукоделием хозяйки. Без всякой мерки она ловко выкраивала женским ножом с широким лезвием шкурки молодых оленей и сшивала потом из них оленьими сухожилиями малицы, паны, не забывая при этом подбирать шкурки под цвет, составляя красивые и изящные узоры.

С ы р ы к у Я р. Чум нового ямщика Сырыку Яр только что поставлен. По случаю осени он наполовину покрыт летней нюгой, а наполовину, с северной стороны — зимней. Около чума — две «боговых» нарты, покрытые свежими шкурами с черепами диких оленей, которых здесь не меньше, чем домашних. Сверху шкур положены модели нарт и капканы. Одна из нарт набита мясом дикого оленя, несколько кусков которого получили в подарок привезшие нас подвод-

чики. Хозяин сказал, что на берегу моря есть «товар» для нас.

Утром мы быстро собрались и отправились к северу. Исчезла и полярная березка, исчезли и тальниковые кустарники, только тонкие веточки одной ползучей ивы кое-где едва поднимаются из-под снега.

От'езд на Мачуй-сале.

Пересекли несколько небольших речек и ехали по совершенно плоской низменной равнине, незаметно переходившей в море. Воды не видно, но близость открытого моря сказывалась издали по полосе свинцово-серых облаков на горизонте. Над землей облака были гораздо светлее, отражая не открытую воду, а снежную поверхность тундры. Собранный в кучу плавник ясно сигнализировал о близости чумов.

В чуме бедняка. Чумы принадлежали бедняку-самоеду и, чтобы накормить нас, он отдал последний запас мороженой рыбы.

— Дай еще рыбы! — сказал дряхлый старик-дед, гревший, почесывая, свою из'еденную чесоткой спину у огня.

— У нас больше нет ни одной рыбины, — ответила жена.

Мы постарались угостить их из своих скудных запасов сушками и галетами. На прощание хозяин показал нам переписную квитанцию, полученную им весной на р. Таз, и сказал:

— У меня все в порядке.

Самоеды нередко принимали нас за переписчиков.

Охота на диких оленей. Обширные пастбища покрывают тундру. На них кормятся здесь дикие олени, ко-

торых мы иногда встречали. Самоеды пробовали догнать их на выстрел. Запряжка оленей, поощряемая тычками хореев, мчала нарты, но скоро должна была уступить своим свободным собратьям, скрывшимся за горизонт. Остановились в чумах местных богачей Мытти и Ненач Ябтунгай.

Вечером вернулись с охоты молодые самоеды, радостно встреченные в чумах. Они убили трех диких оленей. Свеже содранные пушистые шкуры покрывали нарты, а из-под шкур торчали куски мяса и окровавленные головы, увенчанные ветвистыми рогами. Собаки подходили и пытались утянуть кусочек свежего мяса. Самоеды всегда свежую убитых оленей на месте охоты, пока они еще не замерзли, с опыtnостью ловкого хирурга расчлняя тушу на части. Не пропадает и кровь, которую тцательно собирают в брюшину.

На дикого оленя охотятся так. Охотник, одетый в белый сокуй, чтобы не отличаться от снега, под'езжает насколько можно близко к стаду оленей. Потом ползет, прячась за доску, прикрепленную к небольшим лыжам и забитую по надрезам спереди снегом. В прорез доски вставляется дуло винтовки, которая здесь кормит туземца более сети.

На берегу моря. 23 октября, оставив багажные нарты у чумов, на двух четверках отправились на берег моря к астрономическому пункту морской научной экспедиции Комитета северного морского пути.

Погода теплая. С полдня небольшая метель при почти ясном небе. Днем увидели свинцовую полосу незамерзшего моря, лишь вдоль берега нагромождены кучи льдин, да из-под снега торчат груды крупного плавника.

На мысу между двумя овражками врыт столб, а на коренном берегу остались доски с гвоздями и лежащие бревна. Знак с надписью «мира 1926», водруженный морской экспедицией, благодаря подмыву берега свалился в воду, но поднят самоедами и положен на краю обрыва. Самоеды в большинстве случаев заботливо относятся к охране знаков.

Здесь же под большим ящиком находился пуд масла в боченке и пуд сахара с проржавевшей запиской в жестяной банке. Любопытные самоеды вскрыли запаянную банку, отчего сахар немного подмок. Волк погрыз боченок, но не добрался до масла. В записке сообщалось, что все это оставлено нам пароходом «Север» 20 сентября 1926 года.

Сделав фотографические снимки, отправились обратно к югу, разрешив самоедам взять себе ящик на доски, в которых у них большая нужда.

Обратный путь. Сопровождаемые метелью и северным сиянием мы мчались к чумам Ябтунгаева. Без компаса без всяких следов дороги самоеды отыскивали путь. Только один раз они сбились, приняв в темноте гробы и палки какого-то кладбища за чумы. Переночевав, мы покинули Ябтунгаев, и опять стал появляться перед нашими глазами более южный ландшафт. Склоны холмов обрастали все гуще и гуще кустарниками, а на снегу чаще встречались следы куропаток.

Оставленное для нас продовольствие.

Вечером у Прокопия Ябтунгая. Из-за метели просидели целый вечер в чуме Прокопия Ябтунгая. Было холодно, так как хозяин жег костер лишь для приготовления пищи. Наш очередной подводчик, рябой парень, целый день нараспев рассказывал сказки. Слушатели повторяли последние слова, когда сказочник приостанавливался и удивленно восклицали:

— Тады!.. Тады!.. Так!.. Так!..

Прокопий занимался мелкими поделками: вырезал ножом наконечник для хореев, части упряжи и пр. из дощечек мамонтовой кости. Дети играли, растянувшись на грязных досках, в куклы из гусиных и утиных носов, обшитых кусочками оленьих шкур. Кукольные одежды довольно разнообразны. Некоторые мальчики водили шуточные анасы, причем оленей у них заменяли древесные стружки.

31 октября, наконец, вернулись к чумам Петра Ядни, где стояли уже наши нарты и балок, привезенные завхозом с озера Хассейн-то. Палатку совсем занесло снегом, а пол после оттепели обледенел, как каток.

ХIII. До фактории Ямбур

Подготовка к от'езду. Делаем последние окрестные экскурсии, прощаясь, быть может, навсегда с Гыданской тундрой.

Вместе с нами уходит и Петр Ядни. На месте своего коистра, где земля оттаяла на большую глубину, он выкопал яму и сложил туда сто килограммов рыбы, а чум перенес рядом. Рыба останется в яме до весны, когда он снова придет сюда к озеру. Пока не вскрыется озеро и не начнется промысел, он будет питаться этой рыбой. Переводчик Росляков более ненужен, так как мы сами кое-как уже научились говорить по-самоедски, а старику будет трудно возвращаться от Ямбура на Енисей.

На юг. 7 ноября при ярком свете полной луны, наконец, заскрипели нарты Марчика Салендера, и мы отправились по протоке, когда-то пройденной нами на лодке. Удары весел сменились теперь цоканьем копыт, водяные брызги — снежной пылью, а скрип уключин — скрипом легко и свободно скользящих по свежему снегу нарт. Остановились недалеко от «порогов» на Юрибее. Здесь же расположились и чумы нашего хозяина. Весь день нас посещали окрестные самоеды, услышавшие, что мы ликвидируем все лишнее, и желавшие что-нибудь купить.

Все они уже начали двигаться к югу.

Метель. Проснулись полузанесенные снегом, который ветер ночью набил в чум. Хозяева поспешно привалили к чуму нарты, возобновив вокруг него выдутую снеговую насыпку (она делается там, где нюги соприкасаются с землей). Чум стонет, скрипит, его палки кряхтят, жалуясь на свою полярную судьбу. Чум едва стоит. Прodelали лазейку под чумовой нугой, так как «двери» совершенно завалило снегом. Вылезши на корточках в тундру, увидели вместо рядов нарт плотные холмы снега, по которым можно ходить. Из них торчат шесты, выглядывают углы грузовых нарт. Плотный снег поддавался лишь железным лопатам, и мы целый день рыли траншеи в этой снежной лаве, чтобы отыскать какой-нибудь шест, упряжь, капкан, вчера брошенный на землю.

С закатом солнца 10 ноября 72 нарты нашего каравана выступили на юг. Шли со скоростью три километра в час, а через 45 минут уже остановились на ночлег. Маршрутную съемку иногда приходится производить в темноте, когда даже плохо видна стрелка компаса. Морозы усиливаются, начинается настоящий лов песка, голодные волки бегают около стада, и сегодня ночью волк вырвал кусок мяса из ноги оленя.

После метели.

Р а с с в е т. Мы поднимаемся, когда еще в верхнем отверстии чума мерцают льдистым светом звезды. Женщины или чиркают «серой» — спичками, или, встав на колени, царапая грязными пальцами нечесанную голову, раздувают угли под золой вчерашнего костра.

Легкий запах дыма слышится в чуме, надо вылезать из спального мешка, иначе зловредный костер подожжет мешок и в воздухе сразу запахнет паленым.

На «дворе» ночь, только ярко желтеет низкая луна. Юг розовеет, свет розовый держится долго, наконец, выплывает багровое солнце. Так на одной стороне неба висит желтая луна, а на другой пламенеет солнце, которое через 2-3 часа потухнет снова.

Рассвет начался, и дым из чума становился все гуще и косматее, растилаясь по снегу, скованному сорокоградусным холодом. Из чумов выходят самоеды и стоняют для запряжки оленей.

Остановка. Вытянулись цепочкой десятки нарт, в каждом анасе по 8—10 нарт. Впереди каравана мчится на легких нартах хозяин, прокладывая дорогу. Он же выбирает и место для остановки. Слезает и лопаткой «янчаги» копает снег (иногда просто рукой) и смотрит: каков здесь лишайник? Поворачивает свои санки, а за ним послушно, как овцы, повфрачивается и все стадо нарт. Останавливаемся обычно около озера или речки, где, сэкономив топливо, можно достать из-под льда воду, не тая снег. Но лед делается все толще и

Самоедка сбивает снег с чума.

толще, его уже не берет топор, и скоро придется все равно таять лед или снег. Лед, как более плотный, дает больше воды и он предпочтительнее снега, который надо выбирать снизу.

Мальчик Хады, смеясь взял за руку топографа, несшего ведро с рыхлым, несслежавшимся снегом, и показал ему на груды снега, крепко сбитого ветром, холодом и тяжестью верхних пластов.

Мы помогаем распрягать оленей, хотя и трудно замерзшими пальцами развязать самоедский узел, наподобие морского, которым стягивается веревка на шее оленя. Узел заледенел от дыхания оленя, олень вертит головой, он нетерпелив и может нечаянно ударить рогом в глаз. Всю упряжь складывают под нарты, иначе олени в поисках лишайника раскидают ее рогами. Проходит час, другой и, наконец, чум поставлен.

20 ноября. 20 ноября долго ждали мы чума... Днем старуха хозяйка, ведшая анас в десять нарт, сломала одну нарту. Старуха редко оглядывалась и не замечала, что груженная нарта в конце анаса скovyрнулаcь и тащится уже на боку, выскребывая снег до мха.

На остановке Марчик, не говоря ни слова, подошел к жене и хлопнул ее лопаткой по голове. Мех шапки спас старуху. Молодой зять бросился к Марчику, схватил его за руки и, оттаскивая от старухи, бормотал:

— Это мои санки были. Не твои.

Они барахтались на снегу под веселый лай лохматых собак. Наконец, молодой выпустил Марчика и он, не глядя на старуху, молча пошел распрягать оленей.

Брод на Юрибее.

Наш хозяин очень вспыльчив. Недавно он бил самым зверским образом лопаткой по голове заупрямившегося передового оленя, обычно же самоеды очень хорошо относятся к животным. Он ссорится с молодой женой своего сына, которая ленится работать. Один раз она не привязала на ночь собак, и они перепачкали одежду спавших самоедов. Целый день после этого была ругань, а шкуры очищались ножами, служащими для всяких хозяйственных надобностей.

Ты и не-юре. Душа «ты» (оленя), по-самоедским героизациям, равноценна душе человека. Поэтому при рождении ребенка убивают теленка, соответствующего пола взамен посланной на землю новой человеческой души. В случаях тяжелой болезни, когда даже сам шаман бессилен и умирающий уже храпит на мягких оленьих шкурах, убивают люби-

мого оленя, чтобы его душа заменила на небе требуемую душу умирающего.

Женщину самоед называет «не-юре». Это слово складывается из двух: не — женщина, юре — друг, то-есть женщина-друг.

Недавно в одной из сибирских газет сообщалось, что самоеды называют себе подобных мужчин «юре» (друг), а женщину презрительно кличут «не-юре», то-есть недруг. Это, ко-

Стадо оленей согнанное для запряжки.

нечно, совсем неправильно и лишь свидетельствует о том, как мало нам знакома самоедская жизнь.

Правда, до сих пор еще не-юре, друг и товарищ, является вещью, предметом купли и продажи, как и олень, песец, мороженная рыба. В самоедских семьях редко можно встретить дочек с прозвищем Маэтта (Лишняя), хотя у них первое слово, произнесенное по адресу новорожденного, является для него будущим именем. Дочка никогда лишней не будет, так как ее всегда можно потом продать за хороший калым, уплачиваемый дорогими важенками и песцами.

Мужчина, чтобы не потерять своего «яб» (счастья), ни за что не прикоснется к поганым женским нартам (сябу), их даже и везут особые поганные олени (сябуси). Мясо от сябуси мужчина также есть не будет, а то с первым же куском отлетит от него его счастье.

Женщина не должна обходить вокруг чума, иначе в эту же ночь волк съест оленя. Женщина не должна брать в руки щуку, а то дух «куль» поселится в ней, и она погибнет от

вздутия живота. Она не может переступить через вещи, иначе эти вещи надо окуривать, ее зубов не должно касаться мясо дикого оленя и медведя. Предродовые муки считаются признаком измены женщины, а при встрече с соперником обманутый муж без всяких разговоров отпрягает от его анасов 1—2 оленей, и соперник молчит, зная, что родовой суд присудит еще больше.

Но в то же время женщина — хозяйка чума, нередко мужчины охотно советуются с женщинами и внимательно выслушивают их.

В последнее время женщина стала появляться и на туземных с'ездах. Так в Хальмер-седе мы видели, как в прениях о кооперативе выступала пожилая самоедка. Самоеды сидели молча кругом на снегу и слушали, что говорила им стоявшая вне круга «баба».

Это было уже необычайно для старых законов самоедской тундры, не менее немисливо, как если бы в сумеречном декабре прошуршали над головами гуси, летя к берегам Полуночного моря.

Ртуть и спирт. Ртутные термометры не действуют, их серебристый столбик пришлось заменить спиртовым. Многие реки, пересеченные нами, промерзли до дна, захваченные холодами рыбы вмерзли в лед. Спать в чуме очень холодно, несмотря на то, что мы покрываем спальные мешки сокуями. Малицу, стянутую холодом, с накаленным морозом ремнем, утром трудно надеть. Полушубки, которыми мы закрываем на ночь лицо, чтобы не отморозить нас, покрывает густой иней от дыхания. Даже самоеды не выдерживают, и ночами старик хозяин встает и разжигает костер, грея возле него замерзшие пальцы. В тундре ниже 40 градусов, а мы сидим в чуме и читаем последние июльские газеты. В них сообщается о страшной жаре и случаях солнечного удара.

Утром неожиданно поднялась метель, и мы вновь вынимаем ртутные термометры, так как температура сразу же поднялась до 3 градусов. А к вечеру метель прекращается и начинается обратный ход: южный ветер сменяется северным, температура падает, барометр поднимается, спиртовые термометры снова нужны, небо проясняется, а хмурый геодезист начинает накачивать примус для согревания своего балка при ночных астрономических наблюдениях. Приходится чаще нагревать воду для термоса с хронометрами. Они, словно обезьяны, чувствительны к малейшему холоду и, чуть что, могут заболеть и остановиться. Нашим хозяевам не нравит-

ся трата дров на кипячение полутора ведра воды. Ведь дрова — драгоценность в безлесной тундре. Запасы, вывезенные с берегов Гыды-ям, кончились в первый же месяц, но самоеды имели в тундре два склада дров, оставленных здесь еще весной по пути на север.

Без солнца. 29 ноября солнце не показалось над горизонтом, а лишь светила заря — отблеск где-то на юге сиявшего солнца. Мы не увидим его целый месяц! Но пресловутая полярная ночь вовсе не страшна, потому что днем в течение нескольких часов достаточно светло от зари.

Самоеды подвигаются по обыкновению чрезвычайно медленно, сберегая силы оленей. В день делается не более 10—15 километров, а через два дня в третий — дневка. Задерживают нас также метели, отдаляя близость фактории, а следовательно, и страстно ожидаемой бани. Фактория приближается, тундра становится оживленнее от перерезающих ее кое-где следов нарт. Уже появились слабые подобия деревьев — толстые прутья полярной ольхи. Самоеды набрали для топлива охалку прутьев, но горели они очень дымно, хоть сиди в противогазах.

Тазовская губа. 11 декабря достигли обрывистых, изрезанных оврагами, местами заросших небольшими ольховыми кустарниками берегов Тазовской губы. Лед на губе, отделенный от берега узкой полоской песка и крупной гальки, поломан осенними ветрами, и повсюду торчат тонкие, острые льдины. Того и гляди поломают нарты.

До позднего вечера, при незаходящей луне мы рысью пересекаем тридцатикилометровую губу, расчищая проходы и зигзагами лавируя среди торосов. У хозяйки в анасе опять сломалась задняя нарта, занятая чумовыми шестами. Марчик дико кричал на нее, оглашая просторы тундры и ледяное поле губы самоедскими ругательствами.

Ночью в тундре. 13 декабря, несмотря на очень холодный день (50 градусов мороза), выехали на легких нартах в факторию Ямбур, оставив весь груз при чумах.

С наступлением сумерок почувствовали, что самоеды сбиваются с дороги, петляют. Они спорят между собой, показывая хорейми на небо:

— Левее этой звезды! Нет, правее!

Самоеды метались из стороны в сторону и, наконец, к полуночи сбились совсем.

Все небо залито северным сиянием и пылает бледным светом, ярко светит полный лик луны, охваченный колеблющи-

мися завесами, постоянно меняющими свои формы, переливаясь в еще более живописные.

А мы блуждаем по тундре, тщетно пытаюсь найти злополучный Ямбур. Утром уже видели себя в теплых избах и бане, а почевать приходится без чумов на голом снегу, голодными, при зловещем сорокаградусном морозе. Уставшие, измученные олени легли на снег, даже не притронувшись к ягелю. Холод заставлял нас вскакивать и бегать, а снег под ногами скрипел, и отбитые комочки его металлически звенели. Мерзли и самоеды, а один из них — старик-работник в дырявом сокуе и рваных пимах — вздыхал всю ночь и бормотал проклятия на голову мороза.

С рассветом увидели совсем близко от себя черную полосу кустарника ольхи, окаймлявшую без сомнения какую-нибудь речку, поехали на нее и через час были в фактории Ямбур.

XIX Фактория Ямбур — фактория Хе

Фактория состоит из новой избы, где помещаются служащие и производится торговля. Есть еще другая небольшая изба для служащих, хлебопекарня, амбар, баня. В устье речки замерзла баржа с товарами, она служит складом. Мы установили радиостанцию и после восьмимесячной разлуки побывали в бане. Веников за Полярным кругом не имеется, и мы хлестали друг друга мочальными жгутами.

Торговля с самоедами. На фактории много самоедов, но торговля еще слабая, так как пока что продают шкуры волка, росомахи, горноста, постели (оленьи), второсортного песка нынешней ловли. Главная масса песка, добытая в лесотундре, поступает весной. Добытчиками песка являются середняки и бедняки, но на факторию его привозят главным образом богачи, скупающие пушнину на оленей и их шкуры. Самоеды достают песцов из нарт и несут к заведующему. Здесь и происходит самый главный торг.

— Это третий сорт! — оценивает песка заведующий с карандашом за ухом.

— Третий?! — обиженно вскрикивает самоед. Он дергает песка за хвост, за голову, вытягивает, раздувает ему шерсть.

— Третий! — машет рукой заведующий. — Двадцать рублей. Да и лапы нет. Бракованный песец.

— Лапа ничего. Лапу эту калканом оторвало.

— Знаю, что калканом. Ну, отдаешь?

— Ладно, пиши записку!

Материальный вдевает в глазные дырки песка бумажки с отметками качества, сортирует шкурки в десятки и одной

связкой привешивают к потолку. Самоед выбирает товары на складе и ругается:

— Почто сушек тогда зеленых дал? Прежде хорошо было. Положил сюда деньги, а ты сюда товар. И я вижу, что как. А теперь мне не видно, чего ты там считаешь!

И показывает на материального, подводящего на счетах итоги.

— Маленькая чашка есть?

— Нет. Бери большую. Все равно.

— Мне маленькую надо. В маленькой чай скорей стынет.

Крушение радиомачты. Геодезист принимал сигналы времени из Науэна (Германия). Неожиданно радиосвязь прервалась, мы выскочили на двор и в сумерках увидели силуэты нарт, оленей и самоедов, запутавшихся в проволоке. Олени с ужасом дергали ногами, видимо, думая, что они попали в калкан, полоз нарты отлетел и лежал рядом с бамбуковым обломком мачты, а самоед барахтался в снегу, ища свою трубку...

Снова в чумы. 20 декабря мы распростились с избами, с пирогами и, отправив геодезиста на Хальмер-седе (оттуда он должен пройти к городу Сургуту), выехали в тундру к чумам Марчика Салендера. Чтобы облегчить нашего хозяина, его богатый родственник — лысый старик Янду — взял у нас 7 груженных нарт.

Тундра на полуострове между Обской и Тазовской губой зимой несравненно оживленнее, чем Гыданская. Повсюду видны следы зайцев и белых куропаток. Волки чаще тревожат стада. Нередко попадаются самоеды, недавно с'ехавшиеся поближе к фактории по пути с севера к лесам.

В конце декабря мы, наконец, увидели настоящие деревья — лиственницы, образующие реденький лесок по берегам реки. Но по водоразделам ландшафт мало отличается от Гыданской тундры. Те же безбрежные дали холмов. Только озер стало меньше, а те, которые встречались, уже не имели таких крутых обрывистых берегов, подмываемых волнами, гонимыми непрерывными ветрами арктики.

Под новый 1927 год мы впервые приветствовали солнце, поднявшееся выше леса из лиственниц и белоствольных берез, на краю которого мы остановились лагерь.

И а к у О н о х а р ю ч и. Тундровая дорога показывает ясно благосостояние прошедшего по ней самоеда: если кочевал богач — дорога хорошо наезжена, снег вокруг вытоптан; если же тащился бедняк, то узкой лентой змеится за ним

след от убогих нарт и почти не заметны отпечатки оленьих копыт.

Однажды, когда мы стояли на дневке, к чуму нашего хозяина подлетели нарты, запряженные четверкой белых оленей. Оленья упряжь была необыкновенная: в ее наборе виднелись части из мамонтовой кости.

С нарт встал маленький невзрачный старичок с красными от дыма глазами и крошечной невыщипанной бородашкой.

Наш хозяин встретил гостя у чума. Старичок снял через голову сокуй и остался в малице с камушоном из богатого бобрового меха.

— Сай (чай)! — кричит наш хозяин выглянувшим из чума бабам.

Старик поднимает оленью полость чума, поздоровавшись с нами — русскими, садится на почетное место — налево от входа.

Самоеды никогда не прощаются и не приветствуют при встречах сородичей и остяков. Русским они всегда протягивают руку и говорят:

— Ани-дарово! (Здравствуй!)

Или же:

— Лакамбой! (Прощай!)

— Как волки? — спрашивает старик-гость.

— Плохо! — машет рукой хозяин. — Вчера задавили оленя и зарезали собаку.

— У меня трех оленей задушили, — качает головой старик.

— Ну, тебе что! — громко восклицает хозяин и, обращаясь к нам, поясняет:

— У него ю-еныр (10.000) оленей. Самый богатый самоед во всей тундре!

Мы с любопытством взираем на этого капиталиста.

Заветная мечта каждого самоеда — увеличить свое оленье стадо настолько, чтобы иметь возможность кочевать по всей тундре, выбирая любые желанные поляны и уголки. Для самоеда нет ничего страшнее, чем лишиться оленей, приковать себя к одному месту и начать заниматься трудной рыбной ловлей.

Средний самоед в Обской тундре имеет всего 200—300 оленей, богатый — 1.000—1.500 голов; очень богатый («арка тетта») — 3.000. А этот старичок владеет десятью тысячами!

Мы угощаем богача топленным маслом и сушками. Он то и дело подносит ко рту блюдце и с наслаждением пьет чай,

закусывая его маслом. Вскоре он встает, прощаясь подает нам руку и говорит:

— Я был у тебя, заезжай ко мне завтра.

На следующее утро мы отправляемся с нашим хозяином отдать визит богачу Иаку Онохарючи.

Мы едем лихо на легких нартах. Мелкий снег бьет в лицо. Олени быстро перебирают ногами, производя своими суставами звуки, подобные треску кастаньет.

Хозяин указывает палкой — хореем — на какую-то темную полосу, мелькнувшую на горизонте, и говорит:

— Олени Иаку Онохарючи! Оптике пыдера! (Совсем как лес).

В голосе у него слышатся почтительно завистливые нотки.

Огромное стадо оленей, действительно похожее издали на лес, бродит по заснеженной тундре. Олени медленно движутся вразброд, разбивая копытами снег. Кажется, они заполнили всю тундру и похожи сейчас на черных тараканов на белых деревенских печках.

А на фоне этого бесконечного, безмерного сборища высятся два пирамидообразных чума.

Около одинокого деревца виднеется группа самоедов. Они окружают оленя с завязанной на шее веревкой. Олень дрожит, испуганно озирается вокруг. По знаку Иаку Онохарючи двое самоедов начинают тянуть концы веревки в разные стороны. Олень хрипит, фыркает белой пеной, изо рта у него высовывается багровый язык. Он подпрыгивает, пытаясь вырваться и убежать. В это время какая-то баба хватает его за заднюю ногу. Он падает на снег. Глаза его тускнеют. Он мертв.

Иаку Онохарючи трогает пальцем застывший глаз оленя. Тогда самоеды валят оленя на спину и несколько человек быстрыми и крайне ловкими движениями распластывают его шкуру. По пути не забывают охватывать ушные хрящики, горло и тут же совать их в рот.

— Почему они сначала его задушили? — спрашиваем мы у хозяина.

— Грех! Большой грех для самоеда, — говорит он, — убивать оленя ножом.

Иаку Онохарючи отрезает дымящуюся от крови печенку — самый лакомый кусок и подает ее нам.

— Саво сюнзе! (с чистым сердцем!), — приветствует он нас. Рука у него залита кровью.

Мы отказываемся есть печенку. Тогда он ведет нас в чум. По бокам чума настланы необычайно широкие доски: видимо богач купил их где-нибудь, так как из тундровых деревьев не выделают таких широких, об'емистых досок. Три жены Иаку хлопочут около чайников. Жены одеты очень бедно: в рваные малицы, сквозь которые просвечивает голое смуглое тело. Хитрый богач, видимо, нарочно прибеднился к нашему приезду. Около чумов мы видели десятки нарт, доверху набитых оленьими шкурами.

Нас потчуют жирной мороженой осетриной и варкой. Специально для нас выложен на столик кусок черного хлеба, приобретенного на фактории.

Молча едим осетрину, варку и пьем чай.

Иаку вытирает руки о малицу и, рыгнув, спрашивает нас: — Вы, значит, из царского города?

Мы долго объясняем ему, что паравода (царя) давно нет, что уже 11 лет, как установлена советская власть. Толкуем ему о ВЦИК и Савноркоме, и что председатель ВЦИК — это все равно, что старшина.

— ВЦИК... Совнарком... — повторяет ломаным языком Иаку, стараясь осмыслить новые для него слова и понятия.

Потом говорит:

— Когда вы будете в главном городе, просим вас передать главному начальству, чтобы присылали особых казенных людей за налогом. У вас, русских, есть паспорт, у нас прежде квитанция была от ясака. Теперь нет.

И он заканчивает легкой усмешкой.

— Бродим мы, как олени, по тундре. Нехорошо!

Потом закуривает трубку и продолжает разговор:

— Затем слышно, что в Хальмер-седе хотят нынче открыть школу для самоедов. Скажите, что школы нам не надо. Мы и так учим детей, как ловить песцов, как ухаживать за оленем, как ставить сети. Самоеду писать нечего. Ему надо уметь оленя дикого брать... Очень прошу сказать, что школа нам ни к чему!

Иаку молчит, посматривая на потухающий очаг-костер.

Мы благодарим Иаку и вылезаем из чума. Старик-работник кладет нам в нарты подарок: несколько мороженных осетров.

— Как пасешь ты свое стадо? — спрашиваем мы у Иаку.

— Стадо у меня разбито на две части, по пять тысяч голов. Так управляться легче!

— А работников у тебя много?

— Какие работники?! — хмурится Иаку. — Они у меня так живут!

Бедняк-самоед, которому уже некуда деться, идет «за так» в кабалу к богачу. Хозяин кормит и одевает его. И только. Работник передвигается со стадом и получает для обучения «менаруев» (необъезженных оленей). Когда олень приучится ходить в запряжке, хозяин отбирает его у работника, дает ему нового «менаруя», и так далее.

Всю жизнь бедняк часто кочует с чужими стадами и никак не может выбиться из-под высокой руки какого-нибудь Иаку Онохарючи. Нам рассказывали, что часть самоедской бедноты была непрочь поделить оленьи стада богачей, но не нашлось организаторов этого дела.

Иаку прощается с нами, напоминая еще раз о своих просьбах. Мы едем обратно. Наш хозяин сердит и зол на Иаку Онохарючи.

— Почему не заставят продавать за деньги оленей? — восклицает он. Хотел у Иаку купить оленя, он денег не берет, а требует песца! Песец же на фактории стоит 45 рублей, а оленю вся цена 25! У него и так полные нарты песцов. Он их на фактории не сдает, а все копит и копит, собака!

И с ожесточением подгоняет хореом своих оленей, точно желая скорее покинуть чернеющую вправо от нас гигантскую оленью ватагу Иаку Онохарючи.

Новый год. 12 января перекочевали к устью реки Надыма, впадающего в Обскую губу.

— Здесь у нас священная земля! — объявил хозяин, остановив ременной возжей пару оленей. Споткнувшись, олени замерли, а потом нагнув большие морды с ветвистыми рогами и длинными козлиными бородами, где по верованию самоедов, обитает душа оленя, начали хватать заиндедевшими мягкими губами кусочки снега.

— Здесь завтра солнце над лесом ходить будет, — добавил он, распрягая оленей. — У русских каждую неделю праздник, а у самоедов, — когда олени телятся, когда рыбу ловить начинают и когда новый год, да еще когда метели.

Он усмехнулся, намекая на вынужденное сиденье в чумах во время метели.

Ветренным холодным утром самоеды запрягли нарты и, привязав к ним праздничные жертвы — двух телят и двух старых важенок с желтыми стертыми зубами и треснувшими копытами, — медленно двинулись к священному месту.

Снег был довольно глубок. На лесистом холме, откуда виднелись чумы с оставшимися в них женщинами, у подножья косматых священных лиственниц, опушенных инеем, самоеды остановились.

Жертвенные олени, чуя свою близкую и неминуемую смерть, бороздили копытами снег, широко расставляя дрожащие ноги.

Оленей за рога подтащили к священной лиственнице. Хозяин откинул пришитый к воротнику малицы куколь и, держа в руках зеленый сундучек русского изделия, мягко ступая по снегу ногами, подошел к дереву. Выдвинул из ящичка лисью рыжую, как спелая морошка, шкуру и быстро, чтобы русские не видели, что находится в сундучке, со звоном захлопнул шкатулку.

На гладкий хорей он нацепил огненную шкуру и прислонил к лиственнице. С верхних ветвей, словно белые куропатки, посыпались комья снега.

Затем, бормоча заклинания, он поднес заветную шкатулку к мордам тяжело дышавших жертвенных оленей и крикнул самоедам:

— Тынзян! (Аркан!)

Весело и шумно самоеды сделали четыре петли одна за другой на аркане и накинули их на шею важенок и телят. Схватившись за два конца аркана, они принялись душить жертвенных животных. Олени упали на подкосившиеся передние ноги, а потом повалились на бок, оттаивая под собой потемневший снег. Вытянувшись, ноги их коченели.

Когда все четыре оленя были задушены, самоеды выдернули поясные ножи, выточенные из подпилков, и освежали оленей. Захватывая зубами лакомые кусочки, они отрезали их у самых губ и с наслаждением пили багровую кровь. Красные туши оленей пламенели, как костры. Возле ольхового кустарника самоеды варили в котле лакомые языки.

Хозяин приказал поймать одного самца и на белой шерсти его написал кровавым пальцем подобие буквы ф.

— Это — символ солнца! — сказал нам этнограф.

Марчик выпустил радостного самца обратно в стадо и окропил кровью окрестные деревья.

Вдали показались женщины, хозяин тотчас же свернул лисью шкуру и запрятал ее в священную шкатулку.

Наевшись до боли в животах, самоеды развесили мокрые кровавые шкуры жертвенных оленей на ветви лиственниц, а хозяин смазал полозья нарт кровью, чтобы отогнать цынгу.

Женщины, оставя на жертвенном месте красные пятна, увезли недоеденные туши к чумам. Дневные тундровые сумерки надвигались, кровь чернелась на снегу. На небе показались звезды, они мерцали и, казалось, дрожали от тундрового холода.

Так закончилась встреча самоедского нового года. Всего в году у самоедов 13 месяцев, вот их названия:

1) морозный месяц, 2) поющий месяц, 3) вороний месяц, 4) олений месяц, 5) месяц разлива, 6) комарий месяц, 7) лебяжий месяц, 8) месяц листопада, 9) месяц случки оленей, 10) сетевой месяц, 11) малый темный месяц, 12) большой темный месяц, 13) месяц поднятия солнца.

На священном мысу. Пересекли залив, куда впадает река Надым, и взяли курс на Хайбиде-сале (Святой мыс). Мыс частью гол, частью покрыт березняком и елью. Хозяин попросил у нас медных или серебряных денег. Получив их, подбрасывая на ладони, он подошел к одинокой прибрежной ели. Низко кланяясь мысу и дереву, он кидал монеты под елку. За неимением денег зоолог метнул под священную ель горсть ружейных пистонов.

— Хорошо ли? — спросили мы у хозяина.

— Саво! Саво! (Хорошо! Хорошо!), — заулыбался он и, схватив за руки, повел вокруг ели по новой непротоптанной дороге.

Наша лавка. В Хэ происходили сейчас перевыборы правления кооперации. До $\frac{3}{4}$ членов кооперации — самоеды, остальные русские, зыряне и остяки. Новое правление (прежнее растратило кооперативные деньги) подняло кооперацию на высоту и еще в тундре мы не раз слышали от самоедов:

— Вот приедем в Хэ. Там наша лавка! Хорошая народная лавка!

XX. На нартах, санях и в вагонах

Хэ — не тундра, и здесь нашлось не мало охотников везти нас до Обдорска. Наняли одного озырянившегося самоеда и 23 января распростились с Хэ. Утром уже были в чумах нашего возницы, стоявших в болотистой низине среди густо облесенных холмов.

Зыряне и их чумы. Самоеды — настоящие кочевники крайнего севера. Они избороздили своими нартами весь север, их олени топтали тундру и на Урале и на Печоре.

В XIV веке вдруг появился в самоедских лесах и тундрах страшный и неожиданный враг. С юга двинулись на самоедов полчища широкоскулых низкорослых осяков и вогулов.

Самоеды не сдавались. Они честно принимали бои, отстаивая родную тундру. Они тонули в своих берестяных лодках, легко пробиваемых каменными и деревянными стрелами остяков. Бои были упорные. Тетивы из оленьих жил лопались. Алая кровь выбивалась из-под оленьих малиц и поверженные воины в последний раз смотрели мутными глазами на полярное солнце, медленно плывущее по небосводу.

Самоеды отступали... Новые пришельцы были не очень настойчивы. Они селились в завоеванных лесах, но не смели идти дальше в страшные северные тундры, в страну Полуночного моря.

За остяками и вогулами последовали буйные ватаги гулящих, промышленных и служилых русских людей. Их пища и раскрывали перед нами все дороги.

Русские неудержимо поднимались к северу, объясняли туземцев и строили сильные крепости в самом сердце самоедских кочевий. Самоеды жестоко ненавидели всех захватчиков как русских, так равно и остяков. Однако скоро остяки должны были уступить свое первенство новому, еще более сильному народу — зырянам, явившимся из-за Урала.

Зыряне не проливали крови. Они не умели стрелять из луков, но это был умный народ.

Орлиный нос, атлетическое телосложение, уверенная поступь сразу отличали их от хилых туземцев — самоедов и остяков. Зыряне быстро приспособились к жизни в тундре. Они жили, как и самоеды, в чумах, но настлали в них сплошные деревянные полы, мат из прутьев встретит вас у входа, в примитивном умывальнике вы сможете помыть руки, собаки редко забегают в чум. Дымные же костры они нередко заменяли железными печками. Зыряне сумели приобщить к культуре и часть самоедского населения на западном склоне Урала.

Таков был и наш полводчик, зырянский самоед Хатанзей.

К Обдорску. Проехали священное дерево — сухую лиственницу с ветками, украшенными крендельками, царскими деньгами, тряпочками, кусочками оленьего мяса, медными кольцами и оленьими рогами. Под вечер сбились с дороги, отойдя в сторону от реки Полуя, и заночевали в еловом лесу. Когда уже пили чай, вдруг около нас раздались самоедские голоса, и на свет костров выдвинулись рогатые морды оленей. Самоеды, направлявшиеся также в Обдорск, пошли по нашим следам и, конечно, также потеряли настоящую дорогу.

Утром нащупали верный след, навстречу стали попадаться обозы, скоро оленья дорога слилась с лошадиной, и мы,

увидев на фоне заходящего солнца огромную мачту радиостанции, пересекли незримый Полярный круг и прибыли наконец, в Обдорске, где есть не только почта и телеграф, но даже и один каменный дом.

Обдорск. После тундры нас поразило оживление, царившее на обдорских улицах, тем более, что в городе происходил туземный съезд советов, куда и мы были приглашены для доклада.

Заседание вел зырянин, но он отлично говорил и по-русски, и по-самоедски, и по-остяцки. Слушатели сидели в своих национальных одеждах на полу и на лавках, очень внимательно относясь к докладам и речам.

На нартах до Березова. Укупорив и отправив почтой многочисленный багаж, мы наняли у одного зырянина оленей до города Березова. Олени были слабые, быстро начали уставать и падать. Не раз приходилось останавливаться в остяцких юртах и давать оленям роздых.

Остяцкая юрта — бревенчатая, с чувалом, в котором непрерывно пылает огонь. Крыша есть, а потолка нет, на нарах настланы оленьи постели. Около Березова наш возница, чтобы облегчить груз, нанял лошадь, так как усталые олени ложатся на снег, не желая идти дальше.

Возница бил их хореом по голове, пинал ногами, в остервенении выхватил нож и ударил одного из оленей по мохнатому лбу костяной ручкой ножа. Из рта оленя хлынула кровь, но он все-таки не поднялся. Тогда зырянин связал ему ноги веревкой и оставил лежать у дороги.

На санях до Тюмени. Из Березова ехали уже в кошевах на лошадях. На ухабах кошевы то и дело перевертывались, и мы пулей вылетали из них. Миновали большое село Самаровское, вступили на лед Иртыша и, задержавшись немного в Тобольске, отправились дальше к Тюмени.

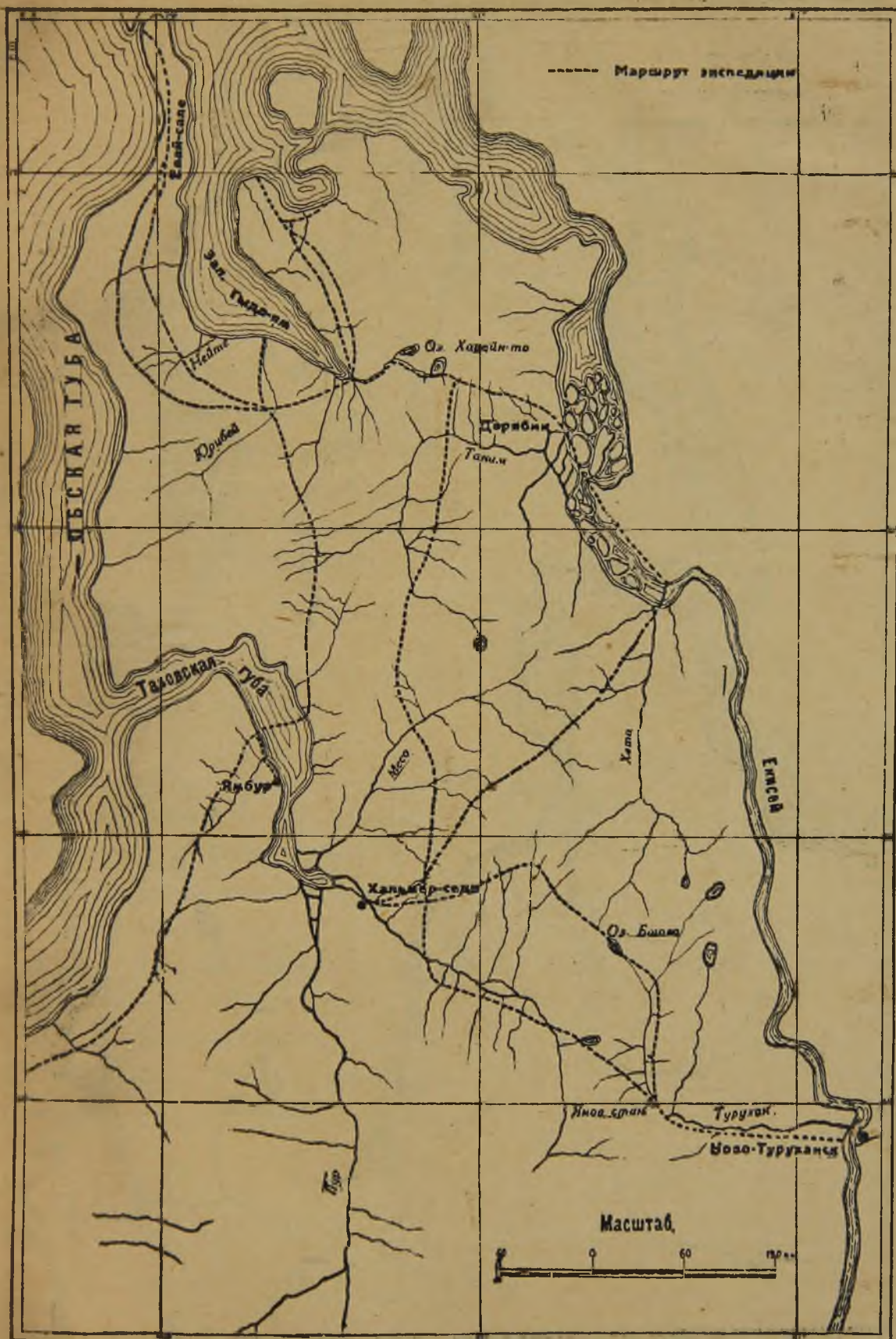
В вагонах до Ленинграда. Станционный колокол прозвонил два раза, паровоз дернул, вагоны покатились.

— Да... — задумчиво сказал зоолог. — Что-то теперь делает Пронька Ненянг?

— А не ругает ли Марчик Салендер свою старуху? — поддержал его этнограф.

— А вспоминает ли нас добродушный Петля? — сказал топограф.

— Главное, — проговорил ботаник, — наша экспедиция, надеюсь, оставила хорошую память среди самоедов, а это очень важно для дальнейших исследований теперь уж не столь загадочной Гыданской тундры...

КАРТА

Гыданской тундры
по исследованиям экспедиции

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. От берегов Невы до берегов Турухана	4
II. Путь до „Холма покойников“	8
III. Пронька Ненянг	11
IV. Подготовка к от'езду на север	22
V. Быт путешественников	28
VI. На север	31
VII. Самоедский суд	40
VIII. Навстречу незаходящему солнцу	42
IX. Фактория Дерябино	44
X. Весна на озере	48
XI. На веслах и парусом до морского залива	58
XII. По заливу до реки Юрибея	66
XIII. Гибель „Оскар Диксон“ и „Нордланд“	70
XVI. Вверх по реке Юрибею	75
XV. Осенновка	85
XVI. Поездка по Евай-седе	88
XVII. Поездка на Мочуй-седе	96
XVIII. До фактории Ямбур	102
XIX. Фактория Ямбур — фактория Ха	109
XX. На нартах, и санях в вагонах	116

350
188891/1088

Б. 15.

~~55~~ коп.

19

6

227 192004
Окружная библиотека

76 н.

